СОДЕРЖАНИЕ**Научный отдел****Отечественная история**

- Поздняков А. Н.** Благотворительная деятельность императрицы Марии Федоровны: по письмам и воспоминаниям 5
- Гальперин Р. И.** «Борьба на литературных баррикадах»: дела о печати в России в годы первой русской революции 9
- Онегин Н. С.** Сохранение и изучение памятников бытовой культуры: коллекция Ю. Э. Озаровского (1869–1924) 15
- Цыплин В. Г.** Финансовые аспекты внешней политики СССР в отношении Франции в середине 1920-х годов 20

Всеобщая история

- Лапырёнок Р. В.** Проблемы римской демографии периода поздней Республики в новейшей зарубежной литературе 25
- Красников Д. В.** Роль Папия Иерапольского в формировании традиции об апостоле Иоанне Богослове 28
- Эльфонд И. Я.** Образы британских монархов во французской политической литературе XVI века 33
- Чернова Л. Н.** Томас Платтер и культурное пространство Лондона конца XVI века 37
- Киясов С. Е.** Масонское движение в Германии в XVIII веке 44
- Буранок С. О.** Кризисы 1930-х годов в оценках общества США 49

Международные отношения

- Шенин А. С.** Турецкая политика США: генезис и эволюция в 1980-е годы 54
- Скриба А. С.** Белорусско-российские противоречия и их сдерживание в контексте евразийской интеграции 59
- Редченко Д. В.** Внешнеполитические взгляды российской либеральной оппозиции (на примере РГПР-ПАРНАС) 67
- Михайленко А. Н., Арсентьева И. И.** Приграничное сотрудничество в программе Европейского союза «Восточное партнерство» 71
- Шенин С. Ю.** Российско-американские отношения в Каспийском регионе на новом этапе неоконсервативной стратегии (2003 г.) 76
- Маврина Ю. В.** Турецкая внешняя политика в первое десятилетие XXI века: опыт посреднических усилий 81
- Черевичко Т. В.** Этнический бизнес в системе международных отношений 86

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Воевода Саратова князь Иван Большой Федорович Шаховской (1637–1639) 90
- Гальперина Ю. С.** Хозяйственное развитие немецких колоний на Волге во второй половине XVIII – первой половине XIX века 98
- Евсеев Н. О.** Деятельность Клаасса Эппа по переселению меннонитов в Поволжье (1850–1854 гг.) 103
- Клейтман А. Л.** Рукописное наследие епископа Саратовского и Царицынского Иакова (Вечеркова) в российских архивах 109
- Данилов В. Н.** Изменения в составе населения Саратовского Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 114

Критика и библиография**Представляем книгу**

- Рецензия на книгу: Креленко Н. С. Образ английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XX веков 121
- Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Братья Коробыны на службе России (1603–1639) 123

Сведения об авторах

126

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018, раздел 15 «История. Филология». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Юдина Инна Геннадиевна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 21.09.14.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,88 (16,0).
Тираж 500 экз. Заказ 44.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2014

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

- на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

- должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

- не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Pozdnyakov A. N.** Charitable Activities of the Empress Maria Fedorovna: Letters and Memories 5
- Galperin R. I.** «The War on Literature Barricades»: Legal Cases Against Press in Russia During the Years of the First Russian Revolution 9
- Oegin N. S.** The Preservation and Researching of the Monuments of Everyday Culture: the Yury Ozarowsky Collection 15
- Tsyplin V. G.** Financial Aspects of Relations between Soviet Union and France in the Mid 1920s 20

World History

- Lapyrenok R. V.** The Roman Demography of the Late Republic in the Modern Foreign Historiography 25
- Krasnikov D. V.** Papias' Role in the Emergence of the Church Tradition about St. John 28
- Elfond I. Ya.** The Images of British Monarchs in French Political Literature of XVI Century 33
- Chernova L. N.** Thomas Platter and the Cultural Space of London at the End of the XVI Century 37
- Kiyasov S. E.** Masonry Movement in Germany of the 18th Century 44
- Buranok S. O.** Crises of the 1930s in the Estimates of U. S. Society 49

International Relations

- Shenin A. S.** The U. S.'s Turkish Policy: Genesis and Evolution in 1980s 54
- Skriba A. S.** Belarus-Russia Conflicts and their Restraints in the Context of Eurasian Integration 59
- Redchenko D. V.** Views of Foreign Policy of the Russian Liberal Opposition (on the Example of RPR-PARNAS) 67
- Mikhailenko A. N., Arsenteyeva I. I.** The Border Cooperation in the European Union's Eastern Partnership Program 71
- Shenin S. Yu.** Russian-American Relations in the Caspian Region during a New Stage of the Neoconservative Strategy (2003) 76
- Mavrina Yu. V.** Turkish Foreign Policy in the First Decade of XXI Century: the Experience of Mediation Efforts 81
- Cherevichko T. V.** Ethnic Business in the System of International Relations 86

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Saratov voivode the prince Ivan the Big Fedorovich Shahovskoy (1637–1639) 90
- Galperina J. S.** Economic Development of German Colonies on the Volga River in the Second Half of the 18th – the First Half of the 19th Centuries 98
- Evseev N. O.** Claass Epp's Mennonite Migration Activities in Saratov Wolga Region (1850–1854) 103
- Kleytman A. L.** The Manuscript Heritage by the Bishop of Saratov and Tsaritsin Eparchy Jacob (Veчерkov) in the Russian Archives 109
- Danilov V. N.** Changes in the Structure of the Population of the Saratov Volga Region During the Great World War (1941–1945) 114

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Book Review: Krenenko N. S. The image of the English revolution in the public of XVII–XX century 121
- Book Review: Rabinovich Ya. N. «Brothers Korob'iny in the service of Russia (1603–1639)» 123

Information about the Authors

126

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

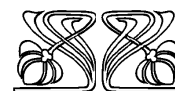
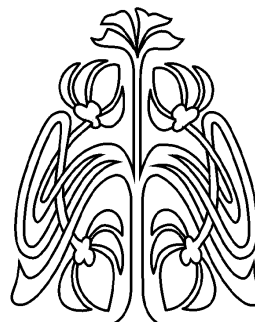
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

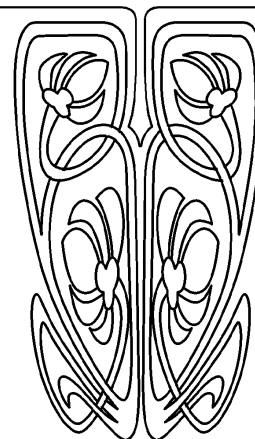
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

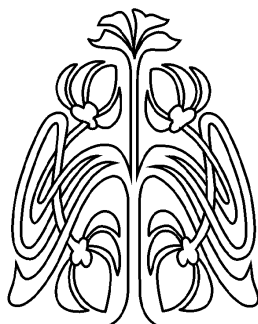
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

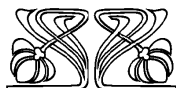
Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

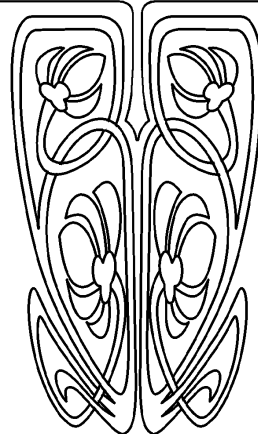
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 37.01(470)(09)+929 Мария Федоровна

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ: ПО ПИСЬМАМ И ВОСПОМИНАНИЯМ

А. Н. Поздняков

Саратовский государственный университет
E-mail: alnikproz@mail.ru

Статья подготовлена по материалам исследования, состоявшего в изучении попечительства и благотворительной деятельности императрицы Марии Федоровны. Ее активная деятельность привела к формированию широко разветвленной системы учебно-воспитательных и социальных учреждений. В основу статьи положен анализ переписки императрицы, оценки современников.

Ключевые слова: попечительство, благотворительность, Ведомство учреждений императрицы Марии.

Charitable Activities of the Empress Maria Fedorovna: Letters and Memories

A. N. Pozdnyakov

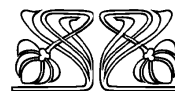
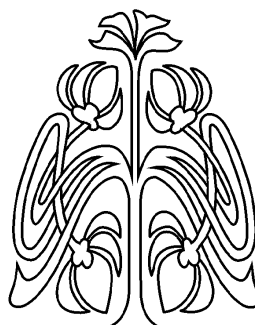
The article is based on the research which was carried out to study charity and patronage activity of Empress Maria Fyodorovna. Her active participation caused the appearance of far-reaching system of educational and social institutions. The analysis of the Empress correspondence and contemporaries' evaluations are the foundation of the article.

Key words: patronage, charity, Vedomstvo (department) of Empress Maria institutions.

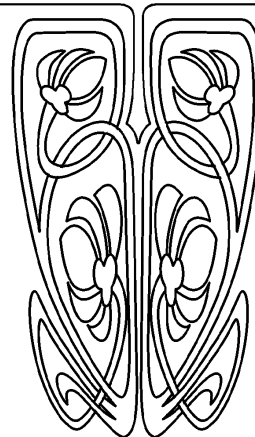
Благотворительность, сформировавшаяся в России как важное направление деятельности в XIX в., является актуальной проблемой для современной российской действительности. В силу этого возрастает интерес к деятельности императрицы Марии Федоровны, фактически положившей начало благотворительности в России. Появился ряд научных работ по этой проблематике¹. Данная статья подготовлена по материалам исследования, задача которого состояла в изучении благотворительной деятельности императрицы Марии Федоровны через анализ ее переписки, а также оценок современников.

Имеется достаточное количество опубликованных в разное время, прежде всего в XIX в., источников по данной теме. Одним из наиболее значимых среди них можно назвать изданное в 1836 г. «Хронологическое начертание деяний блаженной памяти государыни императрицы Марии Феодоровны»². Автором издания являлся Григорий Иванович Вилламов. С 1801 г. он находился «у исправления дел при государыне Марии Феодоровне», поэтому был одним из наиболее осведомленных в ее благотворительной деятельности человеком. Важным свидетелем благотворительности императрицы Марии являлся Егор Антонович Энгельгардт – прогрессивный педагог и деятельный администратор первой половины XIX в., с 1816 по 1823 г. – директор Царскосельского лицея. Еще в 1804 г. в письме А. Б. Куракину³ он называл императрицу Марию Федоровну за ее благотворительность «августейшим другом человечества». В 1832 г. он издал книгу «Императрица Мария Федоровна в богоугодных ее заведениях»⁴, в которой сделал детальный обзор ее работы на поприще благотворительности.

После кончины Марии Федоровны в 1828 г. появился целый ряд публикаций, в которых давалась, безусловно, возвышенная, но в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

целом объективная оценка ее деятельности. Так, В. А. Жуковский в своих стихах⁵ восклицал:

*«Благодарим! Благодарим!
Тебя за жизнь Твою меж нами!
<...>*

*За чистые, душой Твоей –
Полвека сохранены нравы,
За благодать, с какою Ты –
Спешила в душный мрак больницы,
В приют страдающей вдовицы
И к колыбели сироты!..».*

В вышедшем в 1829 г. обзоре «Жизнь в бозепопочиющей государыни императрицы Марии Федоровны» подчеркивалось, что, желая обозреть ее жизнь, необходимо представить себе все руководимые ею учреждения, «ибо в благодетельных попечениях об улучшении сих заведений протекала вся, высокими доблестями ознаменованная, жизнь ее; они были единственным предметом всей ее деятельности, всех мыслей ее, всех желаний»⁶.

Важными с точки зрения оценки повседневной деятельности императрицы Марии Федоровны в сфере благотворительности являются ее письма. Среди изданий, в которых они опубликованы, можно назвать вышедшие в 1885 г. «Письма государыни императрицы Марии Федоровны к почетному опекуну князю Сергею Михайловичу Голицыну»⁷, в 1886 г. – «Письма государыни императрицы Марии Федоровны, августейшей основательницы и покровительницы Московской Мариинской больницы для бедных, к А. И. Муханову, строителю и первому почетному опекуну, управлявшему Больницею»⁸.

Активная благотворительная деятельность императрицы Марии Федоровны началась практически сразу после воцарения на российском престоле ее супруга Павла I. Уже через несколько дней после этого события им был издан указ⁹ о передаче попечения над первым в России женским образовательным учреждением – Воспитательным обществом благородных девиц, позже получившим название Смольный институт благородных девиц, Марии Федоровне. Создано же это воспитательное учреждение было по инициативе Екатерины II, она лично осуществляла и попечение над ним.

Г. И. Вилламов подчеркивал, что сразу же в день выхода Высочайшего указа о переходе под ее попечение Воспитательного общества благородных девиц Мария Федоровна посетила его. Уже на следующий день ею было пожаловано Обществу из собственных средств 15 тыс. руб. Она решила делать такие взносы ежегодно. Более того, по «ее приглашению» решения о своих ежегодных взносах приняли великие княгини и великие княжны.

О щедрости императрицы, которая стала проявляться с самого начала ее благотворительной деятельности, писал и Е. А. Энгельгардт. Он отмечал, что хозяйственное управление Вос-

питательного общества благородных девиц, при вступлении в попечение им Марии Федоровны, находилось «в величайшем расстройстве». Его долг составлял 73 тыс. руб. К этому добавлялись еще около 20 тыс. руб., «утраченных из казны в время управления умершего в то время эконома». Императрица «из собственной казны немедленно внесла последнюю сумму». Кроме того, для решения экономических проблем Общества она обратилась с докладом к императору об увеличении его финансирования. Указом Павла I¹⁰ это ходатайство было удовлетворено, прибавка, как и просила императрица, составила 22 тыс. руб. ежегодно.

Попечительская деятельность императрицы Марии Федоровны с самого начала состояла не только в материальной помощи подведомственным учреждениям, решении их хозяйственных вопросов. Она самым активным образом, заинтересованно вникала в их воспитательную деятельность, образовательный процесс. Относительно Общества благородных девиц, имевшиеся там недостатки «побудили Государыню» составить «новый план воспитания и учения», включавший в себя «множество существенных и полезнейших перемен во всем устройстве заведения».

Активная работа императрицы на новом поприще дала основание «августейшему супругу» расширить круг ее благотворительности. Указом от 2 мая 1797 г.¹¹ на нее перешло «главное начальство над Воспитательными домами в обеих столицах». Характерно, что в качестве обоснования этого решения в указе была ссылка на «человеколюбие, сродное ей».

Е. А. Энгельгардт, детально анализируя финансовые вопросы, которые пришлось решать Марии Федоровне в связи с осуществлением руководства Воспитательными домами, привел расчеты, свидетельствующие о том, что ежегодное финансовое обращение обоих домов в результате ее управленческой деятельности увеличилось почти в 40 раз. Характеризуя стиль деятельности императрицы, Е. А. Энгельгардт на примере С.-Петербургского Воспитательного дома отмечал, что, посещая заведение «почти ежедневно, во все часы», она на все обращала внимание, с «заботливою рачительностию» входила во все подробности, сама все видела и испытывала и «по зрелом размышлении и совещании с опытными и праводушными людьми» избирала и принимала «всегда полезнейшие меры».

По воспоминаниям Г. И. Вилламова, очередными шагами императрицы Марии Федоровны в деле попечения и благотворительности стало учреждение в 1797 г. ее «собственным иждивением» училища для 40 (потом для 50) сирот из детей ремесленников, мещан и разночинцев, получившего название Мариинский институт, а также Родильного госпиталя для 20 «бедных жен» с Институтом повивального искусства для 22 воспитанниц. Кроме этого, она определила по

20 тыс. руб. ежегодно на «производство пенсий бедным вдовам военных чиновников». Для этого императрица составляла из своих же доходов капиталы, «с коих бы проценты соответствовали суммам ежегодно потребным на содержание двух институтов и на пенсии вдовам». В 1798 г. императрица «предположила учредить» заведение для воспитания «дочерей бедных дворян и чиновников», «начертала собственноручно проект» и в том же году открыла в С.-Петербурге Училище ордена Св. Екатерины.

Постепенно попечительская и благотворительная деятельность императрицы Марии Федоровны расширялась и приобретала все более глубокий и многосторонний характер. Об особенностях взаимодействия императрицы с теми, кто был связан с этой сферой, о ее отношении к выполняемой работе весьма наглядно свидетельствовали многочисленные письма, в частности переписка с Алексеем Ильичем Мухановым – героем Русско-турецкой войны, впоследствии действительным тайным советником, сенатором, с 1801 г. – почетным опекуном Московского опекунского совета.

В начале XIX в. было принято решение об открытии в Москве «больницы для бедных». Это требовало серьезной руководящей и хозяйственной работы, поскольку речь шла не только о передаче некоторых уже имевшихся строений, но и большом капитальном строительстве. Возглавить этот процесс должен был А. И. Муханов. Обращаясь к нему в феврале 1803 г. с письмом, императрица подчеркивала, что, «препоручая» ему «управление больницы для бедных в Москве», надеется в полной мере на его «расположение ко всякому полезному заведению» и уверена, что он не пощадит «трудов своих привести и содержать оную в состоянии, соответствующем благотворительной ее цели».

При создании больницы, получившей название Мариинской больницы для бедных, Мария Федоровна проявила не только свое заинтересованное отношение, но и детальное, глубокое знание всех аспектов дела. Так, обращаясь к А. И. Муханову по поводу передачи больнице одного из зданий, она писала, что это «довольно хорошее строение и никаких починок не требует, разве весьма маловажных». В другом письме она описывала, каким должен быть возводимый в виде кирпичной стены забор. Стена должна быть «вышиною в два с четвертью аршина и с обеих сторон обсажена березами, которые, соединяя над стеною свои ветви, составят густой, красивый и не весьма дорогой забор».

Характерным являлось письмо императрицы, написанное ею в апреле 1803 г. Несмотря на свой высочайший статус, она вполне искренне высказывала сожаление по поводу того, что, как ей казалось, незаслуженно обидела человека. В письме А. И. Муханову она отмечала, что пишет «сию минуту» после получения соответствующе-

го донесения и «весьма сожалеет», что ее повеление «столько беспокоило» его. «Спешу уверить вас, – писала она, – что я никакого гнева на вас не имею и совершенную отдаю справедливость вашему усердию, но только хотела показать и объяснить вам мои мысли и основания, на которых открыть больницу».

Многосторонне представляется облик императрицы Марии Федоровны по материалам другой ее переписки – с князем Сергеем Михайловичем Голицыным – действительным тайным советником, удостоенным всех высших российских орденов, «последним московским вельможей». Он активно занимался благотворительной деятельностью: был почетным опекуном Воспитательного дома, членом Московского опекунского совета и членом совета при Московском училище Св. Екатерины, управляющим Александровским училищем, главным директором Голицынской больницы, которая была основана по завещанию его дяди.

В своем письме С. М. Голицыну, написанном 2 декабря 1812 г., вскоре после освобождения Москвы от французов, императрица, проявляя свою озабоченность судьбой воспитанниц находившихся под ее попечением учреждений, обращалась к нему с повелением, выраженным в форме просьбы. Отмечая, что московские жители мало-помалу возвращаются в столицу, она выражала надежду, что «через то представляется возможность узнать о жребии воспитанниц». «Я прошу вас, – писала она, – обратить на сей предмет ваше внимание и постараться собрать сведения о их участи и пребывании». И далее очень свойственная ей форма обращения: «Вы особенное сделаете мне удовольствие сообщением всех сведений, которые вам об них собрать возможно будет».

В письме, написанном три недели спустя, Мария Федоровна касалась уже другого направления благотворительной деятельности – восстановления Воспитательного дома. Выражая свое удовлетворение результатами поиска помещения «для приносных детей», она заявляла, что теперь «нет препятствий открытию Воспитательного дома для принятия паки приносимых в оных младенцев». В связи с этим она просила «приступить немедленно к сему открытию и публиковать, что младенцы принесены быть могут в Дом во всем на прежнем основании».

Через два дня императрица пишет новое письмо, теперь уже о Коммерческом училище. В связи с прибытием училища в Москву, ее беспокоило, что «Глава и товарищ его городского староста не весьма старались о хорошем оного помещения». Ввиду этого она просила «побывать ее именем в сем училище» и осмотреть, в каком оно там положении, «дабы донести ей беспристрастно», «достаточно ли там для него помещение? и можно ли располагать его лучше или действительно сущая невозможность тому препятствует? и какие в таком случае принимаются меры?».

Императрицу интересовали, и она детально вникала не только в крупные проблемы, но и в такие мелочи, как, например, приобретение клавикордов. Она посчитала, что «сие не есть предмет одной прихоти, а действительной нужды». Исходя из этого, она просила «о приискании хороших, но простых, то есть без излишних украшений, клавикорд, за умереннейшую по возможности цену».

Из переписки видно, что императрица Мария Федоровна не просто лично знала многих сотрудников и воспитанников подведомственных ей учреждений, ей хорошо были знакомы проблемы, волновавшие этих людей, и она принимала конкретные меры для их разрешения. Так, ей стало известно, что учитель рисования Екатеринбургского института Котчев «при смерти болен», при этом институт «за разные купленные для классов вещи» остался ему должен «до семи сот рублей». Она просит С. М. Голицына «принять на себя труд рассмотреть сие дело в подробности, справедливо ли требование Котчева и почему не удовлетворено?». А также постараться, «чтобы он понапрасну не страдал от задержания следующего платежа». Кроме того, она просила «осведомиться о семействе учителя пения Пульяни, какого бы рода облегчение оному сделать можно?».

В одном из писем С. М. Голицыну она писала, что «с удовольствием усмотрела из донесения», что «для девицы Кирсановой представляется хорошее супружество с достойным и похвально служащим чиновником». «Весьма охотно изъявляя на то мое дозволение, – писала она, – я желаю девице Кирсановой благоволение Всевышнего и всякого благополучия».

Письма дают дополнительные подтверждения того, что императрицу серьезно интересовали направленность и содержание образования. Так, говоря о воспитанницах, «приуговариваемых к званию наставниц», она заявляла, что их занятие «сочинением стихов» считает излишним.

Аналогичное мнение она высказывала и относительно содержания обучения воспитанниц Александровского (мещанского) училища. Она считала необходимым «употребить более времени на женские рукоделия, от которых воспитанницы «впредь могут иметь свое пропитание», а науки «им не в таком пространстве и нужны», для них «весьма достаточно проходить оные сокращенные».

Одновременно с этим она считала полезным дать воспитанницам Училища ордена Св. Екатерины, как и «приуговариваемым к званию наставниц» воспитанницам Воспитательного дома, «некоторые понятия о естественной истории» и просила в связи с этим «сделать немедленно надлежащее распоряжение».

Мария Федоровна не считала мелочным для себя давать такие указания, как использование в учебном процессе тех или иных пособий. В

одном из писем С. М. Голицыну она отмечала, что «для преподавания всемирной истории издается профессором Царскосельского лицея Кайдановым сочинение, с отличною похвалою всеми учеными принимаемое», в связи с чем она считала, что «для 3-го класса лучше завести сию историю на место Шренковой». Она также утверждала, что для рисования «употребление гипсовых фигур гораздо лучше эстампов», поэтому просила «держаться более гипсовых фигур для рисования частей тела и целых человеческих тел».

Многоплановая, активная и заинтересованная деятельность императрицы Марии Федоровны привела к формированию широко разветвленной системы учебно-воспитательных и социальных учреждений. Их деятельность включала в себя такие направления, как призрение младенцев, детей старшего возраста, слепых, глухонемых, организация женского воспитания и образования, медицинская помощь и др. Со смертью 24 октября 1828 г. императрицы вопрос о дальнейшей судьбе этой сложившейся системы разрешился быстро. В своем духовном завещании она обращалась к сыну императору Николаю I с просьбой обратить внимание на ее учреждения. При этом она подчеркивала: «Мы должны быть воодушевляемы одною мыслию – сохранять в точности и неизменно все правила, начертанные для сбережения всех привилегий, дарованных заведениям, соединяя все старания к тому, чтобы сберечь детский возраст, развивая в нем, насколько возможно, материнские чувства, стараться уметь прийти на помощь вдовам и сиротам, облегчить страждущих, ... только тогда мы исполняем дела милосердия»¹². Уже 26 октября 1828 г. Именным указом император Николай I принял под «непосредственное и особенное» свое покровительство все эти заведения¹³.

Так было заложено активно развивавшееся в последующие десятилетия Ведомство учреждений императрицы Марии. В изданном в 1885 г. обзоре деятельности Ведомства подчеркивалось: «Сберечь и взрастить покинутого, укрепить и воспитать немощного, уврачевать болящего, поддержать неимущего, приютить и успокоить беспомощную старость: вот те святыя обязанности этого управления, указанные ему к исполнению любвеобильною и милосердною волею императрицы Марии Феодоровны»¹⁴. Именно эти установки стали нравственной основой, на которой строилась деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии весь период его существования.

Примечания

¹ См.: Гаврюшин С. И. Организационное устройство и деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии (1797–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Азерникова И. П. Деятельность вдовствующей

- императрицы Марии Федоровны : истоки благотворительности в России // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2010. № 30. С. 12–17 ; *Лозовская Е. Г., Харинина Л. В.* Благотворительная деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та*. Сер. 7 : Философия. Социология и социальные технологии. 2007. № 6. С. 136–139 ; *Хитров А. А.* Опыт организационной благотворительности в России : Ведомство учреждений императрицы Марии (конец XVIII – начало XIX вв.) // *Вестн. С.-Петербур. ун-та*. Сер. 2 : История. 2008. № 2. С. 61–66 и др.
- 2 См.: *Вилламов Г. И.* Хронологическое начертание деяний блаженной памяти государыни императрицы Марии Феодоровны : в пользу состоявших под высочайшим ее покровительством заведений. СПб., 1836. 74 с.
 - 3 См.: *Дружинин П. А.* Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М., 2002. С. 393–395.
 - 4 См.: *Энгельгардт Е. А.* Императрица Мария Федоровна в богоугодных ее заведениях. СПб., 1832. 103 с.
 - 5 *Жуковский В.* Чувства пред гробом Государыни Императрицы Марии Феодоровны, в ночи накануне погребения тела Ея Величества // Описание добродетельной жизни и кончины государыни императрицы Марии Феодоровны / сост. Николаем Данилевским. М., 1829. С. 61–65.
 - 6 Жизнь в бозепочиющей государыни императрицы Марии Феодоровны : в 2 ч. М., 1829. 78 с. ; 74 с.
 - 7 См.: Письма государыни императрицы Марии Федоровны к почетному опекуну князю Сергею Михайловичу Голицыну: 1811–1828. М., 1885. 62 с.
 - 8 См.: Письма государыни императрицы Марии Федоровны, августейшей основательницы и покровительницы Московской Мариинской больницы для бедных, к А. И. Муханову, строителю и первому почетному опекуну, управлявшему Больницею: 1800–1828. М., 1886. 163 с.
 - 9 См.: О начальствовании Государыне Императрице над Обществом благородных девиц. Именной указ от 12 ноября 1796 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание 1-е : в 45 т. СПб., 1830–1851. Т. 24. С. 3.
 - 10 См.: О прибавке суммы на содержание сего Общества. Именной Указ от 22 декабря 1796 г., данный Государственному казначейству, с приложением доклада Ее Императорского Величества, яко начальствующей над Воспитательным обществом благородных девиц // ПСЗ РИ. СПб., 1830–1851. Т. 24. С. 250.
 - 11 О принятии главного Начальства над Воспитательными домами в обеих столицах Императрице Марии Феодоровне. Именной указ от 2 мая 1797 года, данный Сенату // ПСЗ РИ. СПб., 1830–1851. Т. 24. С. 604.
 - 12 Несколько слов на память о в бозе почивающей императрице Марии Феодоровне и о ведомстве ее учреждений. СПб., 1885. С. 11–12.
 - 13 О принятии Государем императором под свое покровительство всех заведений, состоявших в ведении покойной Государыни императрицы Марии Феодоровны. Именной указ от 26 октября 1828 г., данный сенату // ПСЗ РИ. Собрание 2-е : в 55 т. СПб., 1830–1885. Т. 3. С. 948–949.
 - 14 Несколько слов на память о в бозе почивающей императрице Марии Феодоровне и о ведомстве ее учреждений. СПб., 1885. С. 14.

УДК 1(470):34+929

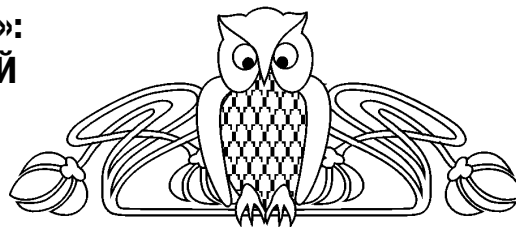
«БОРЬБА НА ЛИТЕРАТУРНЫХ БАРРИКАДАХ»: ДЕЛА О ПЕЧАТИ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Р. И. Гальперин

Саратовский государственный университет
E-mail: galperinroman@mail.ru

В статье исследуется такая разновидность политических процессов, как «литературные» дела. В годы Первой русской революции они стали занимать большое место в судебных отчетах о политических процессах. Автор отмечает, что в связи с принятием 24 ноября 1905 г. Именного Высочайшего Указа Сенату «О временных правилах о повременных изданиях» цензурная политика царского правительства была ужесточена. Особое внимание в статье уделено изучению деятельности саратовских присяжных поверенных из синергии «Молодая адвокатура», которые встали в те годы на защиту оппозиционного печатного слова.

Ключевые слова: дела о печати, литературные процессы, присяжные поверенные, синергия «Молодая адвокатура», Первая русская революция, Указ «О временных правилах о повременных изданиях».

«The War on Literature Barricades»: Legal Cases Against Press in Russia During the Years of the First Russian Revolution

R. I. Galperin

This article deals with such sort of political cases as «literature» cases. During the years of the First Russian Revolution they occupied big part in court reports on political cases. The author emphasizes that after the Name Supreme Decree to the Senate «On casual rules for periodical press» has been signed on November 24, 1905, censorship of the tsar government became harder. Special attention is paid to researching activities of Saratov jurors from the synergy «Young Bar» who stood on guard of an opposed printed word at the time.

Key words: cases on press, literature cases, jurors, synergy «Young Bar», First Russian revolution, Decree «On casual rules for periodical press».

Первая русская революция, безусловно, стала переломным моментом в российской истории. Этот период ознаменован большим количеством политических судебных процессов, связанных с революционными выступлениями, крестьянскими погромами, противоправной деятельностью политических партий и т. д. Значительное место в судебных отчетах тех лет стали занимать т. н. «литературные дела» или, как их ещё называли, дела о печати.

24 ноября 1905 г. в свет вышел Именной Высочайший Указ Сенату «О временных правилах о повременных изданиях»¹. «Правительство оценивало этот документ как первый шаг к свободе слова, – отмечал Н. И. Лазаревский. – А для всех остальных этот указ давал возможность понять, как правительство понимает обещанные им в манифесте 17 октября свободы и в каких пределах оно намерено осуществлять свои обещания»². Формально с изданием временных правил 24 ноября 1905 г. печати была предоставлена «полная свобода суждений о действиях правительства и его органов, в какой бы резкой форме суждения ни выражались»³, – считал Л. Таубер. Устанавливалось лишь два необходимых «предела»: неприкосновенность личной чести должностных лиц и правдивость сообщений фактического свойства. Но на деле должностным лицам по делам печати предоставлялась возможность «налагать арест на номер повременного издания с одновременным возбуждением судебного преследования против виновного, если в содержании номера имеются признаки преступного деяния, уголовным законом предусмотренного»⁴. Такая эластичная формулировка закона давала цензорам огромную власть. Не зря эти правила прозвали «правила против печати». Свобода слова в это время, по образному выражению Таубера, напоминала «пляску среди мечей»⁵.

Сразу же после издания временных правил цензурное ведомство «закатало рукава» и начало усиленно работать в тесном сотрудничестве с прокуратурой. Цензоры внимательно отслеживали идеологически опасные публикации и не давали им выйти в свет. «В свою очередь авторы, редакторы и издатели крамольных статей, изданий и книг оказывались перед царским судом, – отмечает Ю. В. Варфоломеев. – По всей России возник целый ряд “литературных процессов”, ранее столь редких в судебном обиходе»⁶. На защиту оппозиционного слова встали представители синергии «Молодая адвокатура»⁷, а некоторые политические защитники даже специализировались на делах о печати. Амплуа своих коллег точно выразил присяжный поверенный О. О. Грузенберг, который пояснял, что к уголовным защитам их не влекло, они полностью ушли

«... в политические, общественные и, частью, литературные защиты»⁸.

Пожалуй, наиболее значительные дела о печати приходится на революционный 1906 г. Профессор Ю. В. Варфоломеев в своем труде «Политические процессы в России (кон. XIX – нач. XX вв.)» рассматривает несколько громких литературных процессов. Так, 7 января 1906 г. в Санкт-Петербургской судебной палате рассматривалось дело по обвинению редактора издателя газеты «Русь» А. А. Суворина по п. п. 1 и 3 ст. 129 Уголовного Уложения. Это был первый литературный процесс, исхода которого напряженно ждали и правительство и оппозиции. Фабула этого дела такова – в одном из номеров газеты «Русь» было напечатано воззвание, в котором содержались в призывы к продолжению забастовки почтово-телеграфных служащих, а также к бойкотированию передач правительственных телеграмм⁹. Опального редактора защищали блестящие адвокаты С. А. Андреевский и М. Л. Гольдштейн. В своих речах присяжные поверенные отметили, что в стране наступила «временная эпоха». Вместо стабильных законов – «временные правила», от которых страдает и правосудие и печать. Наступило «... поголовное преследование журналистов», – констатировал в своей защитной речи С. А. Андреевский. Второй присяжный поверенный М. Л. Гольдштейн также утверждал, что «временные правила» написаны так, что редактор почти любого издания «не газету издает, а непрерывно нарушает 129 ст. Угол. Улож.»¹⁰.

Еще одним показательным в этом отношении делом стал процесс редакторов «Нашей жизни» профессора Л. В. Ходского и А. Н. Котельникова. Их обвиняли в публикации манифеста Совета рабочих депутатов и других революционных организаций, который, по мнению властей, «возбуждал к учинению бунтовщического деяния, а также к неповиновению и противодействию закону». Ходскому и Котельникову инкриминировали п. п. 1 и 3 ст. 129 Уголовного Уложения. От тюремного срока редакторов спасли присяжные поверенные М. Л. Гольдштейн и Д. А. Левин. Им удалось отвести от своих клиентов «политическую статью». Из зала суда Л. В. Ходский вышел, заплатив 500 рублей, а А. Н. Котельников был полностью оправдан¹¹.

Большинство «литературных процессов» подпадало под т. н. «политическую» ст. 129 Уголовного Уложения. Эти дела в кулуарах адвокатских кабинетов называли «делами писателей, редакторов, издателей, книгопродавцев и типографов». По факту ст. 129 Уголовного Уложения «стала боевым орудием реакции, привычным средством для борьбы с печатной и устной агитацией, не отвечающей временным видам правительства»¹². Не было в то время редакции, журналиста, общественного деятеля, которого, при желании, нельзя было бы привлечь к уголовной ответственности на ее основании. Этой возможностью цензоры пользовались охотно, пытаясь «приструнить» оппозиционных

редакторов по всей стране. Так, 21 июня 1906 г. в харьковской газете «Девятый вал» был напечатан «наказ» общества крестьян слободы Коротича Харьковского уезда, обращенный к члену Государственной думы Д. И. Назаренко¹³: «Требуйте для нас отчуждения в пользу трудящегося народа земель кабинетских, удельных, казенных, монастырских, церковных, монастырских, церковных и частновладельческих без всякой платы. . . , а также созыва полновластной Думы, т. е. Учредительного Собрания». Редактора газеты В. М. Николаевского обвинили в публикации статьи, целью которой является ниспровержение общественного строя, т. е. в преступлении, предусмотренном п. 2 ст. 129 Уголовного Уложения¹⁴. Тем не менее защитнику Л. Я. Тауберу удалось доказать, что опубликованный «наказ» нельзя признать преступным, так как в данном случае «избиратели обратились к своему представителю в Думе и предлагали ему проводить ту или иную законодательную меру». В итоге, после получасового совещания, В. М. Николаевскому вынесли «оправдательный вердикт ввиду недоказанности»¹⁵.

Но не всегда присяжным поверенным из синергии «Молодая адвокатура» удавалось оправдать оппозиционных редакторов. В декабре 1905 г. в Москве в журнале «Правда» была помещена статья «Ноябрьская политическая стачка в Санкт-Петербурге» и «Московское восстание», и, согласно обвинительного акта, «заведомо заключающие в себе возбуждение к учинению бунтовщического деяния, ниспровержению существующего общественного строя, а именно: призыв к всеобщей забастовке и вооруженному восстанию для борьбы с существующим правительством с целью его ниспровержения и утверждения демократической республики, а также призыв к солдатам отказаться от повиновения начальству, арестовать его, избрать из своей среды руководителей и с оружием в руках присоединиться к восставшему народу»¹⁶. Московская судебная палата на основании пп. 1, 2 и 5 ст. 129 Уголовного Уложения признала редактора газеты В. Кожевникова виновным и приговорила его к заключению в крепости на полтора года. Защитник П. Н. Малянтович подал кассационную жалобу, указав на явные ошибки в работе и цензурного ведомства и прокуроров. Но Правительствующий Сенат оставил кассацию без последствий, потому что в это время государство не могло допустить, чтобы в прессе появлялись резолюции Совета рабочих депутатов, собраний рабочих и речи представителей исполнительного комитета, а именно, ни единой строчки, которая могла бы «оказывать на ум читателя впечатление слабости государственной власти и общественного порядка»¹⁷.

Между тем по своей природе печать призвана быть хроникером событий, и ее главная обязанность в связи с этим сообщать публике все самое значительное, что делается как в правительственном, так и в оппозиционном лагере политической

жизни страны. 12 августа 1906 г. на Аптекарском острове было совершено покушение на председателя Совета Министров П. А. Столыпина. Через три дня в газете «Курская Речь» появилась статья следующего содержания: «Взрыв бомбы на Аптекарском острове является новым – для правящей клики. Правда, тот, кому, очевидно, предназначалась бомба, – Столыпин, остался невредим, но смысл трагического события, повлекшего за собою десятки человеческих жертв, остается тем же. Прежде всего, этот новый террористический акт опять и с неизбежной ясностью подчеркивает всю бессмысленность, всю бесплодность той системы исключительных законов, которою, как тяжелою железною цепью, опутана страна. <...> Народ, уставший ждать своего счастья, глухо волнуется в самых низах, в самых глубинках своих, и желанное успокоение является в результате не чисто механических мероприятий, а лишь коренной реформы всего современного общественно-политического строя на истинно демократических началах полного народовластия и передачи земли народу»¹⁸.

Кроме того, автор статьи всеми силами оправдывал террористов, совершивших покушение на Столыпина: «Это не наемные агенты – «каморры народной власти», убивающие свою жертву из-за угла, нет – это люди, беззаветно преданные святой идеи освобождения народа». «На смену павшим товарищам, – продолжал автор, – встанут новые и новые борцы, ряды борцов, полных той же горячей веры в светлое будущее, так же непоколебимо уверенных в правоте своего дела, твердых решительных, непреклонных»¹⁹.

Понятно, что такая статья не могла избежать пристального внимания цензора. В итоге, редактора газеты «Курская речь», кстати, помощника присяжного поверенного – Г. М. Котлярова, обвинили виновным в преступлении, предусмотренном п. 1 ст. 129 Уголовного Уложения. Защитник О. О. Грузенберг нашел ошибку в обвинительном акте и приговоре, так как ни в том, ни в другом не было указано, что инкриминируемый номер газеты получил распространение. Без наличия этого признака невозможно было применить в отношении Котлярова ст. 129 Уголовного Уложения. Адвокат подал кассацию в Правительствующий Сенат. Разделяя приведенные соображения защиты, Сенат прекратил дело против Котлярова «за отсутствием признаков преступления»²⁰.

После поражения в Русско-японской войне пристальное внимание журналистов были приковано к армии. 8 марта в Санкт-Петербургской судебной палате слушалось дело по обвинению редактора газеты «Новости» О. К. Нотовича. Его обвиняли в опубликовании статей под заглавием «Заявление казаков» и «Армия и народ». В последней цензоры нашли явный призыв к бунту и к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы. Кроме того, Нотовича обвиняли в издании еще шести статей, заключавших в себе

«ряд выражений, оскорбительных для действующих воинских частей, призванных для поддержания порядка внутри империи»²¹. Редактору инкриминировали преступление, предусмотренное ст. 129 Уголовного Уложения. Дело слушалось при закрытых дверях. Защитником О. К. Нотовича выступил присяжный поверенный Л. А. Базунов. Судебная палата признала подсудимого виновным и приговорила к заключению в крепости на год, а газета «Новости» была закрыта²².

Не обошли стороной литературные процессы и Саратов. На помощь оппозиционным журналистам и редакторам встали представители местного кружка синергии «Молодая адвокатура»: Н. М. Семенов, А. С. Чумаевский, Л. И. Перельман, А. А. Никонов, А. А. Токарский, В. Н. Поляк, Б. Б. Арапов и Н. Н. Мясоедов.

Так, 7 января 1906 г. в г. Саратове под редакцией С. Т. Патрашкина был выпущен первый номер еженедельной газеты «Воля». В нем был помещен целый ряд статей противоправительственного содержания²³. В редакционной статье под заглавием «Наша программа» излагались требования политического и экономического характера, которые, по мнению автора, должны быть санкционированы учредительным собранием, чтобы выработать основные законы Русского государства. В первом пункте этой программы изложено требование об «установлении самодержавия народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату». После шестнадцати похожих, пропитанных антиправительственной идеей, пунктов было помещено следующее положение: «Считая, что полное обнищание крестьянской массы задерживает экономическое развитие России и препятствует росту крупной промышленности, мы признаем необходимой конфискацию частновладельческих, удельных, кабинетских, казенных, церковных и монастырских земель в подворную собственность крестьян там, где этого пожелают они сами, или в общинное владение, где еще крепка форма землепользования. Крестьяне должны получить всю землю и всю волю»²⁴.

В этом же номере была опубликована статья некоего А. Лопуховского под названием: «Кто победит?». В ней в крайне резкой форме осуждались действия властей по подавлению вооруженных восстаний в Москве, в Ростове-на-Дону и в других городах. По мнению автора, эти восстания вызваны рядом провокаторских мер и насилия министра внутренних дел Дурново²⁵. Лопуховский утверждал, что «правительство не в силах остановить революционное движение в России». Такая реакция, уверен автор, «кровью напишет обвинительный акт правительству для всенародного суда»²⁶.

Заключительная статья газеты «Воля» – «Предвыборный погром». Автор призывал народ

отказаться от участия в выборах представителей в Государственную думу ввиду все тех же насильственных мер правительства, лишающих, по его мнению, народ возможности избрать истинных своих представителей²⁷.

Полиция конфисковала 387 экземпляров газеты «Воли». Всего же, по словам редактора, тираж составлял больше тысячи экземпляров. И вечером, накануне задержания, газеты были проданы разносчикам для розничной продажи. Во время допроса обвиняемые С. Т. Патрашкин и А. Я. Лопуховский виновными себя не признавали. Последний утверждал, что в написанной им статье содержится лишь критика министра внутренних дел Дурново, которого он считает нарушителем царской воли, выраженной в Манифесте 17 октября 1905 г. По итогам расследования Патрашкина и Лопуховского обвинили в возбуждении к бунтовщическому деянию, к ниспровержению существующего в России общественного строя и неповиновению или противодействию закону, т. е. деянию, предусмотренному ст. 129 Уголовного Уложения. Подсудимым грозила ссылка на поселение сроком как минимум на три года. Защитить авторов крамольных статей вызвался набиравший популярность начинающий адвокат – Н. Н. Мясоедов²⁸. Его усилий хватило, для того чтобы отвести от обвиняемых «политическую» статью. Из зала суда они ушли, приговоренные к штрафу: Патрашкин – 300 рублей, Лопуховский – 200 рублей²⁹.

Но больше всего от цензорского контроля пострадал редактор газеты «Приволжский Край» меньшевик Д. А. Топуридзе. Только за 1906 г. он три раза попадал в поле зрения местных цензоров. Однако трижды члены Саратовской судебной палаты не находили вины в действиях Топуридзе³⁰.

Перед судом оказался также и редактор крупнейшей газеты Саратова и Поволжья «Саратовский листок» – П. О. Лебедев. В ноябре 1906 г. он предстал перед судом по ст. 129 Уголовного Уложения за публикацию статьи О. П. Богдановой «Очерки текущей жизни», которая содержала призыв к вражде с православным духовенством. Богданова обвинила их в «человеконенавистничестве, насилии и безудержной мести и истреблении “врагов общества”»³¹. Однако уголовное преследование в отношении Лебедева прекратили и отпустили его под залог в 100 р. В то же время, в силу особого внимания властей к его газете Лебедеву не раз приходилось обращаться к услугам местных присяжных поверенных.

Так, в 1907 г. П. О. Лебедев, который к тому времени уже семнадцать лет был редактором «Саратовского листка», обратился за юридической помощью к адвокату Н. Н. Мясоедову. Редактора обвиняли в том, что в шестом номере его газеты была напечатана статья под названием «Опора власти» за подписью А. К. Дживелегова. Лейтмотивом этой заметки стало «разоблачение абсолютизма и дворянства в целом и бюрократического заговора

против народа в частности». Автор утверждал, что при министре Столыпине существует специальная организация – «Совет объединенного дворянства», главная цель которого – «восстановление старого порядка». Именно этот, по мнению автора, «благородный суфлер» продиктовал Столыпину и разгон Думы, и введение военно-полевых судов, и многое другое, что носит на себе печать самой необузданной реакции»³².

Естественно, что такая оппозиционная статья не могла остаться без внимания цензоров. Редактора газеты «Саратовский листок» П. О. Лебедева, а также автора заметки А. К. Дживелегова обвинили в составлении и опубликовании статьи, возбуждающей враждебное отношение к дворянскому сословию. Лебедеву и Дживелегову грозило как минимум несколько лет тюремного заключения. Но благодаря усилиям политического защитника Н. Н. Мясоедова, подсудимым удалось избежать сурового наказания. В итоге Дживелегова приговорили к тюремному сроку на три месяца, а 59-летнего Лебедева – на один³³.

Если крупные издания периодически попадали под удар цензоров, то что можно говорить о небольших изданиях. 23 апреля 1906 г. в свет вышел № 9 газеты «Народный листок»³⁴. Редактора В. Кондратьева обвинили в публикации статей, по содержанию своему заключающих в себе признаки п. 1 и п. 2 ст. 129 Уголовного Уложения. В заметке «Рабочий и крестьянин» указывалась необходимость перехода земли от помещика «во власть народа». Крестьяне и рабочие призывались к борьбе против гнета, «как земледельческого притеснения, так и капиталистического»³⁵. В другой статье «О выборах в Государственную думу» приводились слова одного оратора: «народ хочет использовать все средства борьбы с этим диким произволом правительства, если же и это не поможет, народ сам возьмет, что ему надо». А стихотворение «Из песен вольных» призывало «встать под красное знамя к борьбе за свободу, путь к которой обмыт потоками крови и слезами павших и покрыт их телами»³⁶. Цензор усмотрел в целом ряде статей этого номера признаки возбуждения к ниспровержению существующего общественного строя, возбуждения вражды между классами и враждебное отношение к правительству. По приговору Саратовской судебной палаты на весь тираж газеты был наложен арест³⁷. Несмотря на это, Кондратьева продолжала выпускать газету. Но история «Народного листка» продолжалась недолго, через три недели газету все-таки закрыли окончательно.

В связи с тем что местные адвокаты состояли в Совете присяжных поверенных округа Саратовской судебной палаты³⁸, им приходилось участвовать в делах о печати и в других городах Поволжья и Южного Урала. Так, 3 апреля 1907 г. в передовой статье № 3 газеты «Топ», издаваемой на татарском языке в г. Астрахани крестьянином Хабибулой Умеровым, были напечатаны статьи,

никем не подписанные. В первой из них, озаглавленной «Хаджи Туркань», автор, описывая деятельность правительства, утверждал, что «оно угнетает народ, вот уже три года как проливает кровь, разоряет города и весь русский народ доводит до крайней нищеты. <...> Прогнав Думу, оно объявило всю Россию на военном положении, недовольных в 24 часа расстреливали и вешали и т. д.»³⁹.

Оказавшись на скамье подсудимых, Умеров обратился за помощью к саратовским адвокатам, в том числе к Н. Н. Мясоедову, уплатив им 30 рублей. Себя Умеров виновным не признавал, утверждая, что напечатанные им сведения о деятельности правительства он не считает ложными, так как то же самое печаталось во многих русских и татарских газетах. В отношении второй статьи Умеров пояснял, что она представляет собой «вымысел-шутку»⁴⁰. В ходе судебного процесса адвокату Мясоедову и его коллегам удалось добиться изменения наказания для Умерова. Вместо нескольких лет тюрьмы редактору был назначен арест при полиции сроком один месяц⁴¹.

Известный правовед И. В. Гессен назвал закон 24 ноября 1905 г. «памятником умирающего режима». «Режима, в котором, – по его мнению, – газеты приостановлены, тюрьмы переполнены, кассы казначейства обильно пополняются залогам, вносимыми преступниками»⁴². Указ «О временных правилах о повременных изданиях», по меткому выражению юриста Н. И. Лазаревского, не что иное, как «закон, карающий мнения». В нем созданы «категории запретных мнений, не потому, что они готовили преступления, а потому, что эти мнения могут возбуждать к действиям, хотя и не преступным, но в данную минуту правительству неудобным»⁴³.

«Задушив» таким образом периодическую печать, правительство породило огромное количество дел о печати, а «каучукообразность, растяжимость ст. 129 Угол. Улож. создавала ловушку в уголовном процессе ситуацию, когда наказание зависело от толкования, которое пожелает дать закону судья»⁴⁴. В это время сложилась уникальная ситуация в проведении «литературных процессов». Суд первой инстанции оправдывал подсудимого, а Сенат отменял оправдательный приговор. Затем судебная палата ходатайствовала о смягчении наказания, которое неизменно отвергалось. При таких условиях защите можно было сделать «не более чем врачу на войне, когда бомбы и гранаты отрывают головы или, в лучшем случае, калечат руки и ноги»⁴⁵, – образно описывал эту ситуацию адвокат М. Л. Гольдштейн. От общего разгрома в этот период смогло уцелеть лишь несколько изданий, которые превратились «в единственные трибуны, с которых измученная страна продолжала посылать проклятия своему завоевателю. Вся сила протеста и негодования сконцентрировалась на этих газетных столбцах»⁴⁶. Рассматриваемый период характеризу-

ется именно тем, что «завидный жребий – быть и бороться на передовых позициях – выпал на долю русской печати. Сочинялись новые законы, подсудности, срок, сыпались обвинительные приговоры, аресты, закрытия газет, но русская печать шла вперед»⁴⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что избежать законодательных «ям» и «капканов», а также суровых судебных наказаний журналистам и печатным органам помогали на «литературных» судебных процессах присяжные поверенные из синергии политической защиты «Молодая адвокатура». Представители адвокатского сословия вместе с публицистами, издателями и редакторами оказались на «литературных баррикадах» и, несомненно, сыграли значительную роль в освободительном движении России в годы Первой русской революции.

Примечания

- 1 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. Т. 25. № 26962.
- 2 Лазаревский Н. И. Временные правила о печати // Право. 1905. № 48–49. Стб. 3870.
- 3 Таубер Л. Печать и архаизм Уложения о Наказаниях // Право. 1906. № 11. Стб. 1112.
- 4 Право. 1905. № 47. Стб. 3809.
- 5 Таубер Л. Указ. соч. Стб. 1107.
- 6 Варфоломеев Ю. В. Политические процессы в России (кон. XIX – нач. XX вв.). Саратов, 2010. С. 116.
- 7 Синергия «Молодая адвокатура» – неформальное объединение, синергия (содружество) политических защитников, возникшее на рубеже XIX–XX вв., которые выступили за обновление адвокатской корпорации России и приняли активное участие в политических судебных процессах (Подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. «Молодая адвокатура»: политическая защита в России (кон. XIX – нач. XX вв.): учеб. пособие. Саратов, 2005).
- 8 Грузенберг О. О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. С. 205.
- 9 См.: Варфоломеев Ю. В. Политические процессы в России... С. 116–119.
- 10 Там же.
- 11 Там же. С. 119–120.
- 12 Право. 1907. № 4. Стб. 267.
- 13 Дмитрий Илларионович Назаренко – депутат Государственной думы I созыва от Харьковской губернии (См.: Боиович М. М. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Первый созыв. М., 1906. С. 381.)
- 14 Право. 1907. № 5. Стб. 387–389.
- 15 Там же. Стб. 391.
- 16 Там же. 1906. № 44. Стб. 3403.
- 17 Там же. Стб. 3404–3405.
- 18 Право. 1907. № 16–17. Стб. 1215.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Стб. 1215–1216.
- 21 Там же. 1906. № 11. Стб. 1070.
- 22 Там же.
- 23 ГАСО. Ф. 409. Оп. 2. Д. 196. Л. 19.
- 24 Там же.
- 25 Недовольных политикой министра внутренних дел Павла Николаевича Дурново было предостаточно. Периодически в прессе появлялись статьи с критикой чиновника. Так, в феврале 1906 г. в Санкт-Петербургской судебной палате рассматривалось дело редактора газеты «Сыны Отечества» по обвинению «в помещении статей преступного содержания». В них П. Н. Дурново представлен убийцей и «величайшим преступником». Автор статьи утверждал, что «ни Дурново, ни Витте не смогут остановить революцию. Правительство рухнет и погребет под своими развалинами всю камарилью, всех прихвостней самовластия с их Витте, Дурново и военными судами» (Право. 1906. № 8. Стб. 719).
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 См.: Гальперин Р. И. Присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов // Социально-гуманитарные науки и современность : межвуз. сб. науч. труд. Пермь, 2011. Вып. 6. С. 69–79 ; Он же. «Трудовой интеллигент» Н. Н. Мясоедов – адвокат и общественный деятель // Дискуссионные вопросы современного российского интеллектоведения. Иваново, 2011. С. 171–173.
- 29 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2811. Л. 237.
- 30 Там же. Д. 2747, 2750, 2860.
- 31 Там же. Д. 3079. Л. 32.
- 32 Там же. Ф. 409. Оп. 2. Д. 365. Л. 3.
- 33 Там же. Л. 29.
- 34 Там же. Ф. 7. Д. 2798. Л. 1.
- 35 Там же. Л. 2а.
- 36 Там же. Л. 3.
- 37 Там же. Л. 3а.
- 38 В округ Саратовской судебной палаты, кроме Саратовского окружного суда, входило еще семь: Пензенский, Тамбовский, Самарский, Астраханский, Оренбургский, Уральский и Троицкий.
- 39 ГАСО. Ф. 409. Оп. 2. Д. 551. Л. 20.
- 40 Там же.
- 41 Там же. Л. 20об.
- 42 Право. 1906. № 14. Стб. 1283.
- 43 Лазаревский Н. И. Указ. соч. Стб. 3885.
- 44 Право. 1907. № 4. Стб. 265–273.
- 45 Гольдштейн М. Л. Печать перед судом. Речи по делам «Руси», «Нашей жизни» и «Сына Отечества». СПб., 1906. С. 4–6.
- 46 Там же. С. 3–4.
- 47 Там же. С. 4.

УДК 008(470)(09)+069.5(470)+929 Озаровский

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ: КОЛЛЕКЦИЯ Ю. Э. ОЗАРОВСКОГО (1869–1924)

Н. С. Онегин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
E-mail: NicholasOnegin@gmail.com

Статья посвящена коллекции памятников русской старины Юрия Эрастовича Озаровского, режиссёра Александринского театра. В 1914 г. на основе своего собрания он открыл в Санкт-Петербурге историко-бытовой музей «Старый домик». Автор статьи вводит в научный оборот ранее неизвестные факты и неизданные материалы по истории собрания Ю. Э. Озаровского, а также раскрывает ту роль, которую сыграл коллекционер в области сохранения, изучения и популяризации памятников городского быта XVIII – начала XIX века.

Ключевые слова: Ю. Э. Озаровский, музей «Старый домик», Государственный Эрмитаж, Александринский театр.

The Preservation and Researching of the Monuments of Everyday Culture: the Yury Ozarowsky Collection

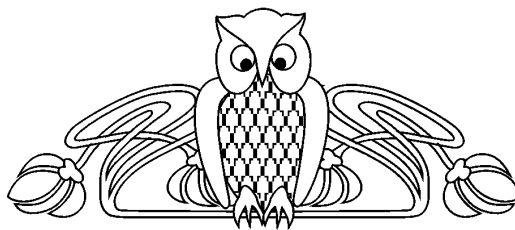
N. S. Onegin

This article is devoted to the collection of the monuments of Russian antiquity, founded by Yury Ozarowsky, the Director of the Aleksandrinsky theatre. In 1914 he opened the «Old little house» historical museum, based on his own collection, in Saint-Petersburg. The author of this article publishes unknown facts and materials about the collection and also reveals Ozarowsky's activities in the sphere of preservation and popularization of the historical artifacts of 18-19th centuries.

Key words: Ozarowsky, «Old little house» museum, State Hermitage museum, Aleksandrinsky theatre.

Начало XX столетия ознаменовано стремительными переменами в городском быте: ускорение темпа жизни, пересмотр норм гигиены, внедрение новейших строительных материалов, появление электричества, лифтов, автомобилей, водопровода и телефонных аппаратов – всё это приводило к тому, что привычная предметная среда стала быстро меняться, уступая место новшествам.

В русле этих изменений, гордо названных в прессе «прогрессом», среди коллекционеров, историков и музейных сотрудников эпохи модерн возникла необходимость сохранять предметы обихода предыдущих столетий, изучать их, чтобы затем передавать современникам информацию о том, «как жили предки». Интерес представителей интеллигенции к памятникам бытовой культуры нашел свое отражение в научных публикациях, ретроспективных выставках и популярной литературе того времени¹, а также оказал влияние на антикварный рынок². Собиратели, ранее интересовавшиеся исключительно произведениями жи-

вописи и скульптуры, постепенно стали дополнять свои коллекции старинными предметами мебели, тканями, одеждой, изделиями из стекла и бронзы³. Причем ценилась не только художественная сторона памятника, но и его историческая составляющая, то есть его знаковость или типичность для своего времени.

На фоне описанного ретроспективизма в городах Российской империи стали открываться интересные музеи, которые в полной мере можно назвать историко-бытовыми. В столице изучением «русской старины» занимался Музей Старого Петербурга, организованный Обществом архитекторов-художников в 1907 г.⁴, а также частично Русский музей императора Александра III⁵.

Однако недавно были обнаружены ранее неизвестные материалы, которые доказывают факт существования в Санкт-Петербурге начале XX в. ещё одной историко-бытовой экспозиции, ныне почти забытой. Речь идет о частном музее, получившем название «Старый домик», который просуществовал всего три года, но оказался одним из важнейших выставочных пространств, где можно было обнаружить сведения по бытовой культуре прошлых эпох и познакомиться с подлинными памятниками старины.

Эта экспозиция привлекла внимание исследователей после выхода в 1973 г. альбома «Русская мебель в Государственном Эрмитаже»⁶, где «Старый домик» упоминался как источник поступления нескольких предметов мебели. Затем, в издании по истории Государственного Русского музея Л. А. Обуховой был опубликован фотоснимок с видом одного из залов «Старого домика»⁷. В 2001 г. свет увидела статья научного сотрудника Государственного Эрмитажа Н. Ю. Гусевой, в которой раскрывались основные этапы формирования собрания частного музея⁸.

В течение последних 10 лет в некоторых архивах (РГИА⁹, ЦГАКФФД¹⁰, архив Государственного Эрмитажа¹¹) и в собраниях петербургских коллекционеров был обнаружен достаточно большой объем новых материалов (документы, фотографии, описи, письма), которые позволили существенно дополнить имеющиеся данные о «Старом домике». На основе их детального научного анализа удалось частично восстановить обстоятельства формирования коллекции музея¹², особенности его работы и, как результат, оценить

роль «Старого домика» в процессе изучения и сохранения памятников прошлого.

Музей возник стараниями всего одного человека – потомственного дворянина Юрия Эрастовича Озаровского (1869–1924), актёра и режиссёра Императорского Александринского театра, а также педагога Санкт-Петербургского театрального училища¹³. Возникшее у него ещё в детстве увлечение русской стариной на протяжении всей жизни не слабело и являлось сильной страстью наряду с театром. Эти две сферы интересов прекрасно дополняли друг друга: работая над «историческими пьесами», режиссёр тщательно изучал показываемую на сцене эпоху и старался реконструировать интерьеры, костюмы, стиль речи и даже манеру поведения людей прошлого¹⁴. «Все его постановки носили отпечаток законченной красоты, внутренней смысла и исторического правдоподобия»¹⁵, – отмечали критики.

Ради углубления и систематизации своих знаний Ю. Э. Озаровский прошел обучение в Археологическом институте (1901–1902), при котором существовал собственный музей старинных предметов¹⁶.

Примерно с 1899 г. Юрий Эрастович начал целенаправленно покупать антикварные вещи, причем искал интересные артефакты во всех городах и странах, в которых бывал во время гастролей труппы Александринского театра. Его любимой исторической эпохой был галантный XVIII век, эстетикой которого были увлечены также друзья Ю. Э. Озаровского из художественного объединения «Мир искусства», с которыми режиссёр поставил несколько исторических пьес. Впрочем, собиратель не отказывался и от предметов начала XIX в., если таковые возможно было приобрести.

Преподаватель по своему духу, Юрий Эрастович не хотел просто хранить старинную мебель, ткани, фарфоровую посуду и книги в своей квартире, но старался на основе своего собрания просвещать своих коллег и студентов, тем самым прививая интерес к русской истории. В архивах удалось обнаружить упоминания об экскурсиях по старым улочкам Санкт-Петербурга, которые собиратель проводил для учащихся в Театральном училище.

Кроме того, о необходимости таких экскурсий и лекций по истории быта Ю. Э. Озаровский говорит в своей работе «Наше драматическое образование». В монографии автор предлагает ввести предмет «История искусств и внешнего быта народов», который дал бы сведения, «весьма ценные для практической деятельности артиста, касаясь бытовых условий исторической жизни, что особенно важно в так называемых исторических пьесах»¹⁷. Чуть далее Ю. Э. Озаровский отмечает: «Громадную пользу учащимся принесло бы также учреждение при курсах небольшого музея, куда бы постепенно собирались типические костюмы, предметы домашней обстановки и проч.»¹⁸. Таким

образом, уже в 1900 г. коллекционером овладевает идея создать в будущем музей по истории уклада жизни прошлого.

В этом ключе особую роль играет вышедший в 1904 г. труд «Горе от ума» – текст А. С. Грибоедова с обширными историческими комментариями Ю. Э. Озаровского, которые касались бытовой стороны описываемой эпохи. По свидетельству критиков, «это было незаменимое руководство для постановки “Горя от ума”, – всё, что нужно было знать художнику-декоратору, режиссёру, костюмеру, парикмахеру и, конечно, артистам. В этой книге есть даже рисунки обуви и пуговиц для платьев»¹⁹. Это богато иллюстрированное издание было признано образцовым Учёным комитетом Министерства народного просвещения и членами Императорской Академии наук.

В плане просветительской деятельности Юрия Эрастовича особенно важным оказалось его участие в Юбилейной Царскосельской выставке 1911 г., посвященной 200-летию императорской резиденции. В рамках этого грандиозного события, проходившего под покровительством Николая II, в растреллиевском павильоне «Эрмитаж» демонстрировались предметы домашнего обихода времён императрицы Елизаветы Петровны, одной из главных владелиц Царского Села²⁰. Все эти вещи – стулья, кресла, шкафы, зеркала – происходили из коллекции Озаровского. Он, как истинный режиссёр, расставил их ансамблем так, чтобы создавалось ощущение подлинного жилого интерьера середины XVIII столетия. Аутентичность памятников усиливала архитектура самого павильона, в интерьерах которого сохранилась подлинная отделка 1740–1750-х гг. Посетители и организаторы экспозиции по достоинству оценили как сами предметы собрания, так и способ их демонстрации, – в результате Юрий Эрастович получил Большую золотую медаль выставки²¹.

Успех вдохновил коллекционера на следующий этап, о котором он давно мечтал, – создание на основе своего собрания «предметов русской домашней обстановки» собственного музея, доступного широкой публике.

Пространством для размещения экспонатов будущего музея был выбран старинный одноэтажный особняк 1779 г. в Соляном переулке²² – чудом сохранившийся фрагмент старого Петербурга, который находился близ Летнего сада, Летнего дворца Петра I, старинной церкви святого Пантелеймона, а также музея Училища технического рисования барона А. Л. Штиглица, который Озаровский любил посещать.

Сразу после приобретения дома Юрий Эрастович начал его ремонт, а вместе с этим и оформление экспозиционных помещений музея. Все подлинные старинные детали в особняке, такие как фигурные деревянные наличники, мелкие стекла в окнах, дощатый пол, резные двери и т. д. были оставлены в неприкосновенности.

Аутентичные элементы прошлого придавали предметам из коллекции еще больший дух подлинной старины.

Озаровский подошёл к созданию экспозиции как истинный режиссёр-постановщик, опираясь на опыт показа своих вещей на Царскосельской выставке. Разделив все предметы по историческим эпохам, он оформил не одну музейную комнату, а целую анфиладу выставочных помещений. Каждый из этих залов представлял собой реконструкцию жилого интерьера конкретного исторического периода – так появились Допетровская, Петровская, Елизаветинская, Екатерининская и Александровская комнаты²³.

Помещения были наполнены антикварными предметами из собрания Юрия Эрастовича: мебелью, книгами, образцами тканей, фарфоровыми изделиями, живописными полотнами, графическими изображениями и т. д. Необходимо отметить, что все эти памятники старины были расположены в соответствии с подлинными гравюрами и акварелями XVIII–XIX вв. Кроме того, Озаровский поместил свои сокровища в соответствующее окружение, воссоздав по сохранившимся образцам обои и повесив подлинные люстры. В Петровской и Елизаветинской комнатах он симитировал краской на дощатом полу мраморную кладку «шахматным методом», как это можно было видеть во дворцах Петергофа. «Каждая вещь строго обдумана и служит дополнением общего ансамбля, дающего полную картину того времени»²⁴, – верно подмечали в прессе.

Ещё одной необычной особенностью этих музейных «комнат» было отсутствие в них этикеток, а также ограничительных веревок и витрин: по мнению Ю. Э. Озаровского, это помогало посетителям ещё больше погрузиться в эпоху.

О формировании будущего историко-бытового музея Ю. Э. Озаровский рассказал в феврале 1913 г. на общем собрании Общества архитекторов-художников в зале Совета Академии художеств, после чего со стороны членов Общества прозвучали продолжительные аплодисменты²⁵. Стало ясно, что знатоки старины поддерживают деятельность Юрия Эрастовича в сфере сохранения и изучения бытовой культуры прошлых столетий.

Торжественное официальное открытие нового музея состоялось через год, в воскресный день 23 февраля 1914 г.²⁶ Он получил поэтичное название «Старый домик», хотя некоторые из тех, кто видел музей, в мемуарах употребляют также обозначение «Театральный домик». На церемонии открытия присутствовали знатоки искусства, историки, антиквары, а также коллеги Озаровского по его театральной деятельности. Г. К. Лукомский передал приветствие от коллектива Музея Старого Петербурга, подчеркнув, что «Старый домик» с прекрасной коллекцией предметов домашнего обихода петербуржцев стал «неотъемлемой частью общего музея [истории

города], который ждет ещё своего осуществления»²⁷.

На следующий день фотограф Яков Владимирович Штейнберг запечатлел выставочные залы, а также самого основателя – Ю. Э. Озаровского²⁸. Именно эти снимки в 1980-е гг. были найдены исследователями в Центральном Государственном архиве кинофотофонодокументов, а чуть позднее – в одном петербургском частном собрании и Архиве Музея русской драмы при Александринском театре. Уникальные материалы позволили наглядно увидеть экспозицию «Старого домика», а также начать идентификацию предметов из собрания Озаровского в фондах городских музеев.

Создатель и владелец музея не только показывал музейными методами «застывшую историю», но и «оживлял» её. Из обнаруженных в архивах документов стало известно, что Озаровский устраивал в своем особняке тематические вечера, посвященные театру, музыке и поэзии прошлого. Публика могла насладиться пьесами XVIII в., восстановленными силами Юрия Эрастовича и его близкой подруги Ольги Афанасьевны Глебовой-Судейкиной²⁹, либо постановками самого Озаровского, стилизованными под «русскую старину». Разумеется, во всех этих ретроспективных спектаклях по мере возможности соблюдалась историческая достоверность реконструированных платьев, причёсок, поведения, предметов домашней обстановки и т. п. – то есть театральные вечера вполне можно назвать просветительскими.

Новый музей, находившийся в старинном особняке, оказался идеальным местом для проведения заседаний различных обществ, занимавшихся сохранением культурного наследия Санкт-Петербурга. В стенах «Старого домика», в частности, проходили встречи членов «Общества защиты памятников старины и искусства в России» и «Кружка любителей художественного чтения и музыки», а также сотрудников таких журналов, как «Старые годы», «Театр и искусство», «Столица и усадьба». Та работа, которую проделал Юрий Эрастович Озаровский в области изучения памятников, не осталась незамеченной его коллегами. Музей являлся сам по себе прекрасным примером бережного отношения к памятникам прошлого, а также показывал интересные методы их сохранения и демонстрации публике.

В течение 1914 г. в прессе появилось несколько достаточно объемных статей, описывавших собрание Озаровского и его музей, – «уголок, где можно отдохнуть от злободневных впечатлений и набрать новые»³⁰. Данная в печати информация стала хорошей рекламой, и музей пользовался популярностью, пока не грянула Первая мировая война.

Во время войны музей почти не посещался, так как его директор был привлечен Главным

управлением военно-учебных заведений к работе в качестве преподавателя при курсах учителей в разных городах Российской империи.

Весной 1915 г. Дирекция императорских театров объявила о проведении в четверг 23 апреля бенефиса Юрия Озаровского по поводу исполнившегося 25-летнего юбилея его артистической, литературно-педагогической, научной и общественной деятельности. Современники отмечали, что «чувствование прошло торжественно; бурным потоком лились речи, читались телеграммы, несли подарки, венки, цветы»³¹.

После бенефиса Юрий Эрастович оставил Александринскую сцену и отправился на работу в московский театр «Летучая мышь», а очень скоро получил должность художественного руководителя Московского драматического театра. В МДТ он выступал в качестве не только режиссёра-постановщика, но и «художника по мебели и аксессуарам» в нескольких ретроспективных пьесах, пользуясь своими обширными знаниями по истории культуры, накопленными ранее.

Переезд из Петрограда, а также возникшие финансовые трудности заставили Юрия Эрастовича принять трудное решение – отказаться от своего музея в Соляном переулке, который содержался исключительно на его трудовые средства. Закрывать «Старый домик» значило расстаться со своей мечтой об общедоступном музее, который мог бы показать современникам особенности петербургского быта XVIII – начала XIX в. В конце ноября 1916 г. состоялась сделка, по итогам которой новым собственником ценных экспонатов уникального музея стала петроградская Школа народного искусства имени императрицы Александры Фёдоровны: «Приобретена в собственность редкая коллекция русской старины, по преимуществу состоящая из предметов художественной промышленности и стильной домашней обстановки»³². Памятники из коллекции Озаровского должны были стать образцами для изучения ученицами старых технологий в ремеслах и особенностях декорирования изделий. По оценкам экспертов, Школа выплатила Юрию Эрастовичу 15.000 рублей³³. Интересно отметить, что за несколько лет до этого руководством Школы были приобретены собранные художником Дмитриевым-Оренбургским старинные русские костюмы и предметы мебели, общее количество которых лишь немногим уступало коллекции Озаровского³⁴.

Когда прогремела Октябрьская революция 1917 г., Юрий Эрастович, несмотря на занимаемую должность художественного руководителя одного из ведущих московских театров, решил оставить Россию. Его путь лежал сначала в Киев, затем в Одессу, а потом он эмигрировал в Прагу, и, наконец, остановился в хорватской столице – городе Загребе. Он работал в Национальном театре, но в октябре 1920 г. переехал в Париж, где продолжал преподавание риторики

русским артистам-эмигрантам в основанной им же Русской драматической школе³⁵.

Во французской столице 29 октября 1924 г. в клинике Кашен³⁶ Юрий Эрастович Озаровский закончил свою интересную, хотя и весьма драматичную жизнь. По описаниям его ученицы, за гробом, на такси следовали лишь вторая супруга коллекционера З. К. Сабинич-Озаровская и её подруга. По старой традиции простые горожане, увидев похоронную процессию, расставались с головными уборами: «Вот, смотрите, весь Париж снял перед ним шляпу!», – грустно заметила Зинаида Кондратьевна³⁷. Страстный любитель русской старины и автор нескольких трудов по режиссуре и педагогике был похоронен на знаменитом кладбище Пер-Лашез.

Судьба собрания Ю. Э. Озаровского оказалась не менее интересной. Некоторое время после покупки «Старого домика» предметы из его экспозиционных залов служили пособиями для слушательниц Школы народного искусства. Затем они стали частью Кустарного музея при Техникуме кустарной промышленности, который расположился в том же здании Школы, на набережной Екатерининского канала, дом 2а. Удивительно, но в вихре революционных событий и хаоса почти все эти памятники старины, общим числом около 600, уцелели.

В архивах Государственного Эрмитажа³⁸ и Государственного Русского музея³⁹ хранятся отдельные бумажные листы-описи, озаглавленные как «Список вещей домика Озаровского, переданных в Историко-бытовой отдел Г. Р. Музея». Из анализа этих источников становится известно, что уникальный комплекс, который представляла собой коллекция Озаровского, в 1926–1927 гг.⁴⁰ перевезли из Кустарного техникума в специальный музейный отдел, сотрудники которого занимались описанием, хранением и систематизацией произведений искусства из национализированных частных собраний. Можно предположить, что вещи из закрытого «Старого домика» фактически хранились в Корпусе А. Н. Бенуа на канале Грибоедова, где были основные фонды Историко-бытового отдела. Здесь они, возможно, стали экспонатами выставки «Быт русских купцов и промышленников XVIII–XIX веков», где «особенно удались “уголки” интерьеров от комнат Сердюкова (начала XVIII века)⁴¹ до гостиных петербургских гостиных дворцов 1840-х»⁴².

В 1930-е гг. Историко-бытовой отдел был переведен в Музей революции (то есть в здание Зимнего дворца), а чуть позже – в Музей этнографии народов СССР (ГМЭ) в Ленинграде. Не исключено, что некоторые предметы из коллекции Ю. Э. Озаровского были частью популярной выставки «Россия в XVIII веке»⁴³.

Перемещения этих памятников завершились только после того, как в марте 1941 г. в Государственном Эрмитаже на базе Историко-бытового отдела был создан Отдел истории русской культу-

ры – именно туда решено было перевезти экспонаты бывшего «Старого домика». К сожалению, в ходе оформления документации в графе «Поступление» уже значилось лишь краткое «ГМЭ», без указания имени Озаровского, – это обстоятельство затрудняет в наши дни поиск памятников из коллекции Юрия Эрастовича в фондах музеев.

В крупнейшем музее мира эти «предметы старинной русской обстановки» стали украшением многих временных выставок и постоянных экспозиций. Таким образом, можно утверждать, что образцы русской бытовой культуры, собранные по российским городам стараниями Ю. Э. Озаровского, оказались в прекрасном пространстве, достойном их исторической ценности.

Наследие Юрия Эрастовича Озаровского состоит не только в собранных им старинных предметах быта, но и в том опыте, который можно извлечь из изучения необычной экспозиции «Старого домика». Её с уверенностью можно назвать одним из ярких явлений, отразивших новые тенденции в выставочном деле 1910-х гг. Помимо этого, научный анализ дошедших до нас материалов помогает по достоинству оценить тот вклад, который внёс Ю. Э. Озаровский в сохранение, изучение памятников бытовой культуры России XVIII – начала XIX в., а также в распространение знаний о ней среди широких масс населения.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материала Н. Ю. Гусевой, И. О. Сычёву, В. И. Фёдоровой и С. Ю. Спириной.

Примечания:

- 1 См.: Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 194.
- 2 См.: Золотинкина И. А. Журнал «Старые годы» и ретроспективное направление в художественной жизни Петербурга (1907–1916) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / СПбГХПА им. А. Л. Штиглица. СПб., 2009. С. 12–26.
- 3 См.: Антонов В. И. Интерес к старине // Русское чтение. 1912. 5 февр. С. 6.
- 4 См.: Музей Города. Отдел Музей Старого Петербурга. Л., 1928.
- 5 См.: Попова Г. А. Музей Города в Аничковом дворце. События, судьбы, коллекции. СПб., 1998. С. 10–17.
- 6 См.: Соколова Т. М., Орлова К. А. Русская мебель в Государственном Эрмитаже. Л., 1973. С. 243.
- 7 См.: Обухова Л. А. Декоративная резьба XVIII–XIX вв. // Из истории Государственного Русского музея : сб. статей. СПб., 1995. С. 213.
- 8 См.: Гусева Н. Ю. Мебель из «Старого домика» Ю. Э. Озаровского в собрании Государственного Эрмитажа // Судьбы музейных коллекций : сб. материалов VII Царскосельской науч. конф. СПб., 2001. С. 215–217.
- 9 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 681. Оп. 1. Д. 88.
- 10 Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД). Г-17796.
- 11 Архив Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа (ОИРК ГЭ). ОНПД-215.
- 12 См.: Онегин Н. С. «Старый домик» Юрия Озаровского. Из истории коллекционирования в России // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2011. № 11 (91). С. 42–50.
- 13 См.: Сомина В. В. Юрий Эрастович Озаровский // Сюжеты Александрийской сцены. Рассказы об актёрах. СПб., 2006. С. 447–474.
- 14 См.: Озаровский Ю. Э. Как собирался «Старый домик»? Из впечатлений коллекционера // Столица и усадьба. 1914. № 18. С. 18.
- 15 Л. Д. Юрий Эрастович Озаровский (биографический очерк) // Журнал Русской драматической школы Ю. Э. Озаровского в Париже. [Б. м.: б. и.] / Архив Музея русской драмы Государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина (Александринского).
- 16 См.: Пивоварова Н. В. Музей Санкт-Петербургского Археологического института (1878–1922) // Судьбы музейных коллекций : сб. материалов VII Царскосельской науч. конф. СПб., 2001. С. 116–123.
- 17 Озаровский Ю. Э. Наше драматическое образование. СПб., 1900. С. 55.
- 18 Там же. С. 61–62.
- 19 Андрусова Е. Незабываемый Озаровский // Новое русское слово. 1977. 30 янв. С. 5.
- 20 См.: Художественно-иллюстрированный исторический альбом состоящей под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Царскосельской юбилейной выставки. СПб., 1911. С. 101.
- 21 См.: Гусева Н. Ю. Мебель из «Старого домика» Ю. Э. Озаровского в собрании Государственного Эрмитажа. С. 216.
- 22 Санкт-Петербург, Соляной переулок, дом 8. Особняк не сохранился.
- 23 См.: Озаровский Ю. Э. «Старый домик» // Солнце России. 1914. № 212. С. 12.
- 24 Редкое музейное приобретение // Голос Руси. 1916. № 1023 от 24 ноября. С. 4.
- 25 См.: Доклад Ю. Э. Озаровского // Речь. 1913. № 36 от 6 (19) февраля. С. 4.
- 26 См.: Открытие «Старого домика» // Известия Императорской Археологической комиссии. 1914. Прибавление к вып. № 56. С. 67. Ранее считалось, что открытие состоялось в 1913 г. См.: Обухова Л. А. Декоративная резьба XVIII–XIX вв. С. 214.
- 27 Открытие музея «Старый домик» // 1914. Речь. № 53. С. 11.
- 28 Фотография со штампом фотоателье и напечатанной на нём датой хранится в архиве Музея русской драмы Государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина (Александринского).
- 29 См.: Лурье А. Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина // Воздушные пути. 1967. № 5. С. 142.
- 30 Открытие «Старого домика» // Известия Императорской Археологической комиссии. 1914. Прибавление к вып. № 56. С. 67.

- ³¹ *Базилевский В. Ю. Э. Озаровский // Камни и жизнь. 1915. 3 мая. С. 3.*
- ³² Редкое музейное приобретение. С. 4.
- ³³ См.: Редкая коллекция // Известия Императорской Археологической комиссии. 1917. № 64. С. 70.
- ³⁴ См.: Редкое собрание предметов народного искусства // Прибавление к Известиям Императорской Археологической комиссии. 1915. № 57а. С. 20.
- ³⁵ *Л. Д. Указ. соч.*
- ³⁶ См.: *Сомина В. В. Юрий Эрастович. С. 474.*
- ³⁷ *Андрусова Елена. Незабываемый Юрий Озаровский // Новое русское слово. 1977. 30 янв. С. 8.*
- ³⁸ Архив ОИРК ГЭ, ОНПД-215.
- ³⁹ Архив Государственного Русского музея (ГРМ). Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 32. Л. 71 об.
- ⁴⁰ Эти даты, написанные чернилами, стоят внизу каждого списка.
- ⁴¹ *Степанов А. А. Комната купца Сердюкова. Л., 1926.*
- ⁴² *Глинка В. М. Воспоминания о блокаде. СПб., 2012. С. 36.*
- ⁴³ Там же. С. 50.

УДК 94:329.055.2

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР В ОТНОШЕНИИ ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ

В. Г. Цыплин

Саратовский государственный университет
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье рассматриваются международные экономические отношения между СССР и Францией в середине 1920-х гг., анализируются документы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б), дающие представление о подходах к долгвым вопросам и взаимным претензиям по финансовым проблемам.

Ключевые слова: межвоенный период, заседания политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам долгов СССР, франко-советские отношения.

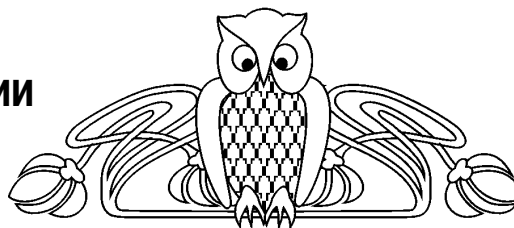
Financial Aspects of Relations between Soviet Union and France in the Mid 1920s

V. G. Tsyplin

The article examines bilateral economic relations between France and Soviet Union during 1920s. Author analyses documents and materials of Political Bureau of the Communist Party focused on Soviet approaches toward the issues of foreign debt, mutual obligations and financial disputes and issues.

Key words: Interwar period, Political bureau of the Communist Party sessions on Soviet debt issues, French-Russian relations.

3 мая 1924 г. в здании советского торгового представительства, расположенного в Берлине, произошли события, имеющие немалый интерес с позиций оценки перспектив взаимоотношений торговых представительств СССР и Франции. Спецслужбы и полиция провели обыск и аресты некоторых сотрудников. Им вменялась в вину помощь в организации и совершении побега члена Коммунистической партии Германии (КПГ). Однако та же КПГ вскоре объявила его провокатором. Полицейские власти принялись давать совершенно невнятные объяснения этой политической провокации. Правительство же на своем уровне придерживалось курса на сближение Германии с Россией, а не с Францией. А нормализация международных отношений между СССР и Францией

наступила только после выступления в сенате премьер-министра 9 апреля 1924 г. При этом были озвучены некоторые оговорки, превратившиеся в серьезные требования¹.

Данный инцидент был сведен к «недоразумению» в деловых и межгосударственных отношениях после выборов 11 мая 1924 г., когда к власти во Франции пришли представители левого блока, сформировавшие новое правительство. Оно без каких-либо условий признало СССР. Нарком внешней торговли Л. Б. Красин в своем выступлении на XIII съезде РКП (б) не придал какой-либо значимости следственным действиям полиции в торговом представительстве в Берлине. О Франции теперь стали говорить как о торговом партнере².

Как известно, в 1920 г. после поражения белой армии в Крыму по приказу её командующего барона Врангеля боевые корабли в составе целых эскадр были уведены в североафриканский порт Бизерта. Процесс дипломатических переговоров, возможности и условия их возвращения в СССР представляют определенный интерес. Впервые этот вопрос был поднят в выступлениях в палате депутатов 18 ноября 1924 г. Наряду с этим был озвучен целый комплекс вопросов, касающихся компенсаций по французским займам, выданным России.

В ходе дипломатических контактов, которые состоялись 3 января 1925 г. между членом палаты депутатов Лушером и полпредом СССР во Франции Л. Б. Красиным, четко прослеживаются неофициальные позиции сторон.

Французская сторона готова пересмотреть российский долг в размере 14–15 млрд франков, при условии уплаты 2 млрд франков и ежегодных платежей в виде процентов, равных 100 млн

франков ежегодно. Из уст Красина было заявлено согласие СССР при обязательном условии предоставления нового займа на экономическое восстановление государства в размере тех же 2 млрд франков, причем заказы советская сторона планировала бы разместить опять же во Франции³.

На предложение советской стороны положительного ответа не последовало. Об этом можно судить из позиции представителя официальной делегации Франции господина де-Монзи на переговорах, состоявшихся 11 января 1925 г., когда была подвергнута критике описанная выше позиция члена палаты депутатов Лушера. С другой стороны, просматриваются и положительные процессы в советской дипломатии, когда частичное признание СССР российского долга и множественные публикации этой позиции советского руководства в прессе способствовали повышению биржевых котировок советских облигаций. Разговоры об обесценивании этих облигаций становились несостоятельными⁴.

Интересна позиция советского руководства по вопросам ведения переговоров с собственниками имущества, которое было в свое время национализировано в СССР. Была дана команда генеральных переговоров не проводить, а организовать приезд во Францию Рейнгольда, Преображенского и Членова, которые должны были сформировать там специальную комиссию, собрать необходимые материалы и обобщить их. Из этих материалов были уточнены претензии различных категорий кредиторов Франции к СССР. Информация по этим вопросам зафиксирована 11 января 1925 г. в сообщении Л. Б. Красина⁵. Руководство ЦК ВКП (б) поручило Л. Б. Красину обсудить с официальным представителем Франции на переговорах с Россией де-Монзи их вариант погашения кредитов за счет процентных отчислений по концессии Франции в СССР. Были разработаны механизмы нейтрализации претензий собственников национализированного и конфискованного имущества, а также претензий по вопросам причиненного ущерба. В соответствии с принятым решением были опубликованы соответствующие материалы на страницах советских газет. В материалах печати были размещены критические публикации в адрес правительства Франции за участие в уходе нашего Черноморского флота и увеличение финансовых расходов с нашей стороны на оборону, а также за поддержку временного отторжения Бессарабии⁶.

Кроме того, редакции газет неоднократно размещали в прессе полемику нашего руководства с руководством Франции по долговым вопросам и взаимным претензиям.

Правительство СССР, озабоченное крайне низким состоянием экономики в целом, принимало меры по получению выгодных иностранных кредитов, размещению заказов и закупок. В частности, в январе 1925 г. все эти вопросы были обсуждены с правительством Франции с целью

подготовки плана заказов, закупок, получения долгосрочных кредитов для промышленности, сельского хозяйства, обороны. Подобный план уже был в свое время разработан с английским правительством. Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов 26 января 1925 г. провел беседу с послом Франции Ж. Эрбеттом, из которой стало очевидным: среди французских промышленников крайне мало лиц, заинтересованных упорядочить спорные финансовые вопросы с СССР. Возможным вариантом в выработке взаимовыгодных условий оказалось размещение во Франции новых заказов⁷.

Советская дипломатия усиленно искала пути политического сближения с Францией. Доказательством этого является попытка представителей советского правительства заключить договор с Францией «О неучастии во враждебных комбинациях». Была в этих шагах и другая цель – получение экономических уступок. Принимались меры к разработке альтернативных планов по сближению с крупными французскими промышленниками. Такой план обсуждался на заседании Политбюро. После некоторых дискуссий он был принят. План предусматривал: для изучения обстоятельств и принятия решений на месте был разрешен въезд группы крупных промышленников из Франции, а в состав французской миссии вводился специалист по финансовым вопросам⁸.

Советское правительство рассматривало разные возможности маневрирования золотовалютными запасами. Так, планировалось использование советского золота во Франции на уплату различных процентов, которое должно было быть передано Германии по условиям Брест-Литовского мирного договора. Германии причиталось 245,5 тонн золота, а было отдано только 93,5 тонн⁹.

В середине 1920-х гг. между СССР и Францией неразрешимой проблемой стал вопрос обещанном возвращении бизертского флота. Дипломатическими способами Л. Б. Красину сделать это не удавалось – 6 января 1925 г. советская делегация покинула Бизерту. Поиски компромиссных решений продолжались. На заседании Политбюро 13 марта 1925 г. родилось решение о заключении соглашения о возврате всех без исключения судов по цене два с половиной фунта за тонну. Французская сторона 11 июня 1925 г. выдвинула с её точки зрения компромиссное предложение, в котором говорилось о готовности вернуть все корабли, кроме броненосца «Адмирал Алексеев». Политбюро с таким вариантом не согласилось и выдвинуло французам категорическое требование – полный возврат всего флота. При отказе – переговоры отложить. Что и было сделано¹⁰.

Эскадра кораблей, не имея финансовых средств на поддержание её в добротном состоянии и выдачу денежного содержания ограниченному контингенту плавсостава, продолжала приходить в полную эксплуатационную непригодность. В

начале 1930-х гг. корабли стали демонтировать на металлолом в месте их стоянки. Учитывая небезопасность производства демонтажных работ, руководителем процесса разборки был назначен бывший капитан первого ранга царского флота, инженер А. П. Калягин. Палубная артиллерия линкора «Адмирал Алексеев» была полностью снята и отправлена на хранение в арсеналы в Сити-Абдалах¹¹. Об этом печальном факте в истории Российского флота стало известно с открытием части военных архивов.

В середине 1920-х гг. правительство СССР, его дипломатическое ведомство с завидным постоянством поднимало вопрос о прекращении деятельности на территории Франции бывших российских дипломатов и введении представителей Советского государства в те органы, которые ведали секвестрованными активами российских фирм и финансовых учреждений¹².

Проследим это на примере Грузии. В 1925 г. французское правительство, организуя дипломатические приемы, приглашало на них представителей бывшего грузинского правительства, не беря во внимание тот факт, что оно перестало функционировать после дислокации подразделений Красной Армии в Грузии. Следует признать, что в отношении бывших российских дипломатов в эмиграции французская сторона приняла надлежащие меры. А вот вопрос практической совместной работы на уровне управляющего секвестрованным имуществом российских фирм и финансовых учреждений на территории Франции решен не был. В связи с этим и вопрос о прикомандировании работников советского посольства был отклонен.

С помощью дипломатических зигзагов советское руководство пыталось склонить французское правительство к признанию факта вхождения Грузии в состав СССР. По этой позиции 12 марта 1925 г. состоялась беседа Л. Б. Красина и Э. Эррио. Франция и СССР обменялись нотами¹³.

Весной 1925 г. стало заметно охлаждение дипломатических элит европейских государств к СССР. Это объясняется в первую очередь влиянием антисоветской политики Чемберлена. Это коснулось и Франции, которая явно «динамила» идею скорейшего разрешения финансовых споров с СССР. Возможно, определенный отпечаток наложило и отсутствие свежих, в духе времени, предложений от советской стороны. Оживление произошло после очередного заседания Политбюро (Протокол № 35 от 09.04.1925 г.), когда в недельный срок Нарком иностранных дел (НКИД) должны были определить меры уступок со стороны СССР по долгвым обязательствам, по вопросам получения кредитов, а также по дальнейшим планам сторон на русское имущество, находящееся во Франции. Кроме того, НКИД обязали в тот же срок подготовить к обсуждению текст договора о ненападении между СССР и Францией¹⁴.

1 апреля 1925 г. в Париж прибыла комиссия под председательством Преображенского, кото-

рая должна была в недельный срок окончательно установить цифровые данные о финансовых обязательствах, систематизировать их, а полученные данные представить в Политбюро¹⁵.

Советско-французские отношения не раз еще обсуждались на заседаниях Политбюро в течение 1925 г. Со стороны французского посла в СССР 24 апреля 1925 г. последовало предложение о начале переговоров по вопросам долгов, советская сторона подтвердила свое согласие о вступлении в переговоры 11 мая 1925 г.¹⁶ Для ведения переговоров была создана комиссия, в которую вошли: Красин как председатель, Рейнгольд, Преображенский, Ломов и Мдивани как члены. В ходе переговоров планировалось установить максимальную сумму долга в размере 300 млн рублей, но Франция должна будет обеспечить эту сумму товарными кредитами на период от 3 до 5 лет. Декрет советского руководства об аннулировании долгов царского правительства считался основополагающим, а обязательства о кредитах принимаются как шаги по установлению дипломатических и деловых связей с Францией. Французскому посольству в 1925 г. было разрешено вывозить посольское имущество из Ленинграда¹⁷.

Значительное оживление по рассматриваемым вопросам произошло в конце 1925 г., когда согласно решению советского правительства Раковский 10 декабря 1925 г. вручил верительные грамоты президенту Франции. Сразу после этого состоялись дипломатические беседы между представителями советской стороны Чичериным и Раковским и представителями французской стороны Брианом и Бертело. В результате этой встречи родилось решение о начале переговоров по вопросам кредитов и долгов в январе – феврале 1926 г. Советскую сторону на этих переговорах должна была представлять комиссия в составе Литвинова, Раковского, Троцкого, Рейнгольда, Шейнмана, Пятакова и Рудзутака, которая в начале февраля 1926 года прибыла в Париж. Основные вопросы, которые предстояло решить, сводились к планам платежей со стороны СССР и составлению календарного плана по реализации кредитных денег во Франции¹⁸.

14 января 1926 г. на заседании Политбюро исходная сумма долга, согласно предложению, должна быть увеличена до 400 млн рублей, рассрочка платежа должна составить 50 лет, а общая ежегодная выплата не должна превышать 25 млн рублей. Срок рассрочки и ежегодные выплаты не должны меняться ни при каких условиях. Финансовые активы, находящиеся на территории Франции, составляли некий резерв, который использовался в ходе дипломатических переговоров по вопросам кредитов и долгов; из этих средств были осуществлены процентные выплаты по долгам с 1917 по 1925 г. Сами долги спаривались путем выставления своих претензий в ходе работы комиссии по вопросам о военных долгах и выплата-

те компенсаций за национализацию частной собственности граждан Франции в СССР. Комиссия препятствовала попыткам французской стороны всячески понизить свой долг путем обесценивания валюты и занижения курсовой стоимости ренты. Вышеупомянутая комиссия при ведении дипломатических переговоров свою работу строила исходя из принципов нейтралитета, неучастия во враждебных блоках и вообще предлагала заключить пакт о ненападении. В ходе дипломатических переговоров в 1926 г. были обсуждены вопросы советско-французского экономического сотрудничества в странах Азии, а также поднимались вопросы укрепления мирных отношений между СССР и Польшей при посредничестве Франции. Что касается отношений между СССР и Румынией, то вспоминался Парижский протокол, ратифицированный 11 марта 1924 г., на который правительство СССР ответило нотой протеста и предложением Чичерина о плебисците в бессарабском вопросе¹⁹.

Дипломатический корпус СССР принимал немалые усилия в 1926 г. по поводу заключения советско-французского торгового договора по образцу советско-германского сценария. С целью получения положительных результатов по этой позиции работала весьма компетентная комиссия в составе: Томского, Сокольников, Раковского, Стомонякова, Долгова, Преображенского²⁰. Переговоры были прерваны в апреле 1926 г. из-за разногласий по долгам, которые СССР признавал в случае получения кредитов от Франции. Правительству Франции комиссия предоставила перечень кредитов, которые СССР рассчитывал получить в период до 1929 г., а также список заказов у французских промышленников. Из-за недостаточной проработанности этого вопроса окончательное решение отложили до ноября 1926 г. Вскоре разразился дипломатический скандал по поводу заключения румынско-французского договора, по которому Франция предоставляла гарантии Румынии по владению Бессарабией. СССР данный документ, разумеется, опротестовал. Тут, конечно, было уже не до решения финансовых вопросов.

Решение финансовых вопросов, к сожалению, не улучшилось и тогда, когда во Франции произошла смена правительства. К власти пришел Раймон Пуанкаре, занявший сразу два высших государственных поста – председателя Совета министров и министра финансов. Непредсказуемость во внешней политике он не страдал, но в период нахождения его у власти (с 23 июля 1926 г. и до 6 ноября 1928 г.) отношения между СССР и Францией стали ухудшаться. И этому есть доказательства. 25 января 1926 г. состоялась встреча между Пуанкаре и Раковским по вопросам взаимных финансовых и имущественных претензий²¹. Встреча закончилась безрезультатно. В течение второй половины 1926 г. прогресса в работе комиссий не наблюдалось. Переговорный

процесс по финансовым вопросам характеризовался тупиковым состоянием.

Отсталость экономики СССР вынуждало Политбюро инициировать дипломатические переговоры с Францией в начале 1927 г. Комиссия в составе Литвинова, Шейнмана, Микояна приступила к выработке новых директив, корректировке старых, составленных в июне 1926 г. по долговому и финансовым вопросам. Они подлежали утверждению на Политбюро, после чего должны были быть направлены французской стороне. Заседание Политбюро по этому вопросу состоялось 13 января 1927 г.²² Итоговый протокол предписывал:

- обновить состав советской делегации;
- утвердить более жесткие финансовые схемы;
- уточнить обязательства;
- определить меры ответственности за невыполнение обязательств.

Советская сторона на переговорных процессах с Францией стремилась решить вопрос о полном возвращении брест-литовского золота. Обсуждению этого требования Политбюро уделяло особое внимание.

Двухстороннее обсуждение финансовых и кредитных вопросов сопровождалось порой возникновением конфликтных ситуаций с последующей передачей дел в суды. Так, председатель коммерческого суда департамента Сена вынес решение о наложении предварительного ареста на фонды советского торгового представительства и отделения Нефтесиндиката во Франции. Причина такого судебного действия – неисполнение Нефтесиндикатом договорных обязательств с испанским банком «Fmns»²³.

Показателен еще один конфликтный случай во франко-советских дипломатических отношениях. Он касался золотых запасов. Советское золото, стоимость которого была приблизительно эквивалентна 5 млн долларов, было отправлено в два нью-йоркских банка в феврале 1928 г. Но осуществлению этой финансовой операции помешал спор, из-за которого правительство США наложило запрет. Спор возник 6 марта 1928 г., когда послом Франции была направлена нота в государственный департамент США с напоминаниями о требовании этого золота Банком де Франс. Далее пояснялось, что это банк в свое время в Царской России в начале XX в. имел крупные банковские депозиты (52 млн франков). Исходя из этого, Политбюро СССР сначала 15 марта 1928 г. разрешило Госбанку СССР транш в Германию в размере 20 млн рублей по делу Банк де Франс, но на следующий день было принято противоположное решение, о чем незамедлительно был уведомлен министр иностранных дел Франции. В соответствии с постановлением Политбюро, которое состоялось 29 марта 1928 г., окончательное решение по этому вопросу должна была вынести комиссия, в состав которой входили Чичерин, Микоян, Косиор и Менжинский.

Заслуживает внимания ответ правительства Франции, который датирован 10 апреля 1928 г. В нем, в частности, говорится, что Банком де Франс подан судебный иск, который преследует цель защитить свои юридические права на советское золото, а Госдепартаменту США выражается просьба об изложении своей позиции по существу данного вопроса²⁴. Французский посол в беседе с Чичериным вначале отрицал судебный иск, потом пояснял, что преследовалась цель выяснить: в силе ли постановление 1920 г. (недопущение приема советского золота).

Дело дошло до суда, длилось около года, а в результате требование руководства Франции было отклонено²⁵.

Анализ протоколов ЦК ВКП (б) по долговым вопросам между СССР и Францией позволяет констатировать серьезный накал страстей, охладить который сиюминутно было невозможно, тем более, что не существовало единого мнения по царским долгам. Советское руководство практиковало периодическую замену руководителей и полных составов комиссий, которые принимали участие в разрешении финансовых разногласий. Для решения вопросов в Париж на дипломатические переговоры зачастую направлялись разные должностные лица.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 53.
- ² См.: Документы внешней политики СССР : в 24 т. М., 1961. Т. VII. С. 317–324.
- ³ Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 17–18.
- ⁴ Там же. Т. VIII. С. 45–49.
- ⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 64.
- ⁶ См.: *Виноградов В. Н., Ереценко М. Д., Покивайлова Т. А., Семенова Л. Е.* Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии: документы и материалы. М., 1996. С. 252.
- ⁷ См.: Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 102.
- ⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 71.
- ⁹ См.: Исторический архив. 1998. № 1. С. 138.
- ¹⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 190.
- ¹¹ См.: *Широкорад А. Б.* Россия на Средиземном море. М., 2008. С. 158.
- ¹² См.: Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 185.
- ¹³ Там же. Т. VIII. С. 142.
- ¹⁴ Там же. С. 191.
- ¹⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 108.
- ¹⁶ См.: Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 282.
- ¹⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 136.
- ¹⁸ Там же. Оп. 162. Д. 3. Л. 1.
- ¹⁹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 166–167.
- ²⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 5.
- ²¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. X. С. 626.
- ²² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 43.
- ²³ См.: Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. М., 2001. С. 156.
- ²⁴ См.: Документы внешней политики СССР. Т. XI. С. 231.
- ²⁵ См.: Известия. 1929. 24 марта.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (3)

ПРОБЛЕМЫ РИМСКОЙ ДЕМОГРАФИИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ В НОВЕЙШЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Р. В. Лапырёнок

Саратовский государственный университет
E-mail: lapyrionok@mail.ru

В статье рассматриваются новейшие исследования представителей зарубежной историографии, посвящённые демографическому развитию Рима в период Республики. Автор анализирует наиболее значимые реконструкции, представленные в работах Э. Ло Кашио, Л. де Лигта, С. Гин и других. Он выделяет основные проблемы, которые необходимо разрешить для получения достоверной картины демографического развития Рима в указанный период. К их числу относятся уточнение функций и критериев римского ценза, а также определение факторов, которые оказывали наибольшее влияние на результаты переписей населения.

Ключевые слова: римская демография, республиканский Рим, римский ценз, римское гражданство, союзники, колонии латинского права, римская общественная земля.

The Roman Demography of the Late Republic in the Modern Foreign Historiography

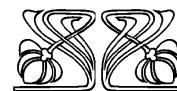
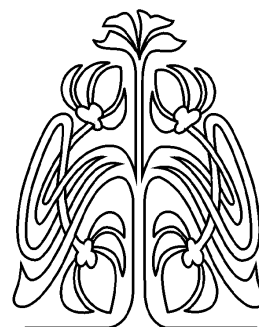
R. V. Lapurenok

The paper considers the modern discussion about Roman demography of the Republic presented in works of modern foreign scholars. The author discusses the most important reconstructions made by E. Lo Cascio, L. de Ligt, S. Hin and others. He points out the historical problems which must be solved for a better understanding of demographic development of Rome in this period. The criteria and functions of the Roman census, the factors which impacted on Roman census figures of the Republic are meant.

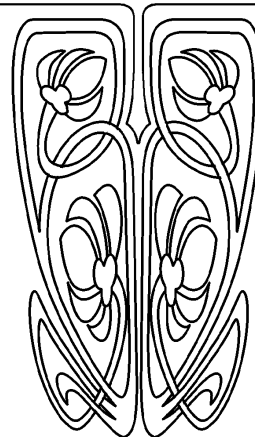
Key words: Roman demography, Republican Rome, Roman census, Roman citizenship, allies, Latin colonies, public land.

Изучение римской демографии периода Республики неизменно связывается с именем выдающегося немецкого антиковеда Ю. Белоха¹. Одной из главных его заслуг стало создание концепции римского ценза, которая легла в основу большинства современных исследований по демографии республиканского периода². Он считал, что данные римских переписей отражают всё взрослое мужское гражданское население, включая *cives sine suffragio*, *libertini* и *proletarii*³. Формирование и развитие института римского ценза регулировалось тремя факторами: воинским набором, налогообложением и участием населения в работе народного собрания⁴. Таким образом, важнейшей его функцией являлся надзор за состоянием людских и финансовых ресурсов, которые были необходимы для обеспечения безопасности гражданской общины. В процессе реконструкции демографического развития Рима немецкий историк использовал широкий круг нарративных источников, активно привлекая материалы из других регионов Средиземноморья.

Несмотря на высокое научное качество концепции Ю. Белоха, многие из её положений нуждаются в переоценке. В частности, она не учитывает важности социальных изменений, которые произошли в период поздней Республики и могли оказать самое непосредственное влияние на критерии подсчёта граждан. Если следовать логике Ю. Белоха, то эти критерии оставались неизменными на протяжении всего

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

республиканского времени. Новейшая дискуссия о демографическом развитии Рима в период поздней Республики, зародившаяся в зарубежной науке как реакция на негативные социальные тенденции в Европе, определяет основные задачи, которые необходимо выполнить для достижения прогресса в изучении данной проблематики.

Среди приоритетных задач в этой области следует выделить уточнение критериев римского ценза. Как уже было отмечено выше, большинство специалистов по римской демографии использует модель, предложенную Ю. Белохом. Таким образом, наибольшей популярностью сегодня пользуется точка зрения, согласно которой данные римских цензов отражают всё взрослое мужское гражданское население, включая *cives sine suffragio*, *libertini* и *proletarii*⁵. К их числу относятся такие видные учёные, как П. Брант, В. Шайдель и Л. де Лигт. Они признают историческую состоятельность концепции Ю. Белоха и активно используют её положения при подсчёте населения Рима периода Республики.

В. Шайдель обращается к проблеме миграции свободного населения Италии и пытается определить степень влияния данного фактора на экономическое и социальное развитие Римского государства⁶. В ходе исследования он не ограничивается материалами древнего Средиземноморья, но активно привлекает сведения о демографических тенденциях на территории других, часто достаточно отдалённых от Апеннинского полуострова по расстоянию и времени, регионов мира. В число таких регионов входят, например, средневековый Китай и Российская империя⁷. Нидерландский учёный Л. де Лигт приходит к выводу, что ни о каком перманентном сокращении численности населения во II в. до н. э. не может быть и речи. Напротив, первые десятилетия после Ганнибаловой войны были ознаменованы его относительным увеличением⁸. Таким образом, демографический кризис в Риме II в. до н. э. переходит в категорию историографических мифов. Низкие результаты цензов второй половины II вв. до н. э. Л. де Лигт связывает с уклонением большого числа мужчин призывного возраста от исполнения воинской повинности⁹.

Попытка переосмыслить критерии римского ценза и объяснить результаты переписей II в. до н. э. предпринимается в работах Э. Ло Кашио и С. Гин¹⁰. Э. Ло Кашио считает, что увеличение числа граждан по результатам переписи 125/124 гг. до н. э. являлось следствием специфики работы цензоров, которые при составлении своих итоговых отчётов не всегда точно передавали количество малоимущих римлян, что могло стать причиной разночтений в цифрах, представленных у Ливия и других авторов¹¹. Пролетарии не привлекались к военной службе, вследствие чего их перепись проводилась без особой тщательности по причине отсутствия в них практической необходимости¹².

Его реконструкция базируется на мнении, согласно которому переписи в Риме подлежало всё гражданское мужское население, невзирая на принадлежность к пяти имущественным классам, то есть и пролетарии в том числе. Э. Ло Кашио полагает, что важнейшим критерием учёта граждан при проведении ценза являлось участие в центуриатных комициях. Итальянский историк считает, что увеличение числа граждан по итогам ценза 125/124 г. до н. э. было связано с необычайно высокой для того времени активностью римских пролетариев при проведении переписи. На его взгляд, эта активность стимулировалась их желанием принять участие в аграрной программе Тиберия Гракха¹³. Он полагает, что появление негативной динамики в римской цензовой статистике в предгракханский период (164/163–136/135 гг. до н. э.) связано, прежде всего, с ростом числа *incensi*. С. Гин считает, что только мужское население *sui iuris* подлежало переписи¹⁴. Однако известные науке источники напрямую не подтверждают данную гипотезу.

Результаты переписей первой трети II в. до н. э. действительно свидетельствуют в пользу некоторого увеличения числа римских граждан. Впрочем, нельзя с уверенностью говорить о том, что речь в данном случае идёт о естественном приросте населения. На демографическое развитие Рима в указанный период времени оказывали влияние многие факторы.

1. Внутриталийская миграция. Её масштабы легко можно оценить на основе сообщений Ливия об изгнании латинов из Рима (Liv. XXXIX. 3. 4–6; Liv. XLI. 9. 9–10). В одном из таких случаев число иммигрантов достигло 12000 человек.

2. Предоставление полного римского гражданства жителям муниципиев *sine suffragio* (известные науке случаи: Арпин, Формии, Фунды (188 г. до н. э.)). Речь здесь идёт о небольших общинах, но в любом случае совокупное число их жителей, подлежавших военной службе, составляло не менее 10000 человек. К сожалению, источники не сообщают о политике Рима в отношении других *municipia sine suffragio*. Впрочем, все они повторили судьбу Арпина, Формий и Фунда ещё до начала Союзнической войны, а это означает, что теоретически дарование прав полного римского гражданства остальным общинам данного статуса могло произойти ещё во II в. до н. э.

3. Восстановление в правах кампанцев. Во время II Пунической войны число военнопленных жителей Капуи, Калатии, Ателлы и Казилина превышало 30000 человек (Liv. XXIII. 5. 1; см. также: Pol. II. 24. 14).

4. Аграрная программа сената по окончании Ганнибаловой войны. Хотя точное число граждан, получивших земельные наделы, как, впрочем, и самих колоний, нам неизвестно, считается, что в ней было задействовано около 100000 граждан, латинов и италиков (Liv. XXXIV. 45; XXXIX. 44, 55; XL. 29; XLI. 13; Vell. I. 14–15).

К сожалению, всем этим обстоятельствам Л. де Лигт и сторонники его реконструкции не уделяют ни малейшего внимания.

Немаловажное значение имеет также проблема миграции латинов как одного из факторов, оказывавших влияние на результаты римских цензов. Среди новейших трудов по данной проблематике необходимо выделить монографию А. Чошкуна «*Bürgerrechtsentzug oder Fremdenausweisung?*»¹⁵. В ней автор характеризует права и обязанности союзников по отношению друг к другу, а также определяет основные механизмы, при помощи которых Рим осуществлял контроль над латинскими общинами¹⁶. Он предпринимает попытку выявить причины повышенной миграционной активности *socii nominis Latini* во II в. до н. э., следствием которой стало изгнание латинов из Рима в 187, 177 и 173 гг. до н. э.¹⁷ А. Чошкун не обходит стороной и проблему демографического развития Италии после окончания Ганнибаловой войны¹⁸.

В последнее десятилетие XX в. наблюдается некоторое повышение интереса к аграрной политике периода Республики в англо-американской историографии. Римская колонизация Италии и аграрное законодательство II в. до н. э. относятся к числу наиболее значимых факторов, которые оказывали влияние на результаты переписей населения. В этой связи большое значение для выявления специфики демографического развития позднереспубликанского Рима имеют исследования, проводимые в области аграрной политики данного периода. В это время в свет выходит новое издание трудов римских землемеров, которое осуществил Б. Кэмпбелл. В комментарии к текстам он определяет режимы пользования, которые были предусмотрены для *ager publicus populi Romani*. Д. Дж. Гаргола исследует римскую практику землеустройства при выведении колоний и организации поселений *viritim*¹⁹.

Новейшая дискуссия о характере демографического развития Рима во II в. до н. э. находит отражение в работах Н. Морли, Д. Разбона и Н. Розенштейна²⁰. Н. Розенштейн изучает воздействие II Пунической войны на мелкое землевладение²¹. Н. Морли подвергает критике концепцию аграрного кризиса как главной причины возникновения гракханского движения²². По его мнению, Тиберий Гракх «поставил неправильный диагноз» Римскому государству²³. Он считает, что ни о каком уменьшении числа *assidui* в период поздней Республики не может быть и речи. Напротив, их количество постоянно возрастало и в конечном счёте это привело к нехватке земли²⁴. Д. Разбон полагает, что после проведения реформы бронзовой монеты, в результате которой вес асса был уменьшен до одной унции, роль эквивалента при подсчёте размера имущества во время ценза исполняет сестерций²⁵. Данное обстоятельство явилось причиной разночтений в письменных источниках относительно минимального ценза для пятого имущественного класса²⁶.

На рубеже XX–XXI вв. лидирующие позиции в изучении аграрных отношений в Риме завоёвывает англо-американская школа антиковедения. В большой степени этому способствовали успехи, достигнутые отдельными её представителями в области источниковедения. В 90-е гг. прошлого столетия вышли в свет работы Э. У. Линтотта и М. Г. Кроуфорда, которые открыли новые перспективы для исследования и исторической интерпретации эпитафического *lex agraria*. Не меньшее значение имеют научные достижения британских и американских антиковедов в области античной демографии. В ходе новейшей дискуссии о причинах возникновения гракханского движения были обозначены наиболее актуальные вопросы и разработаны новые подходы к решению многих исторических проблем, связанных с демографическим развитием Рима и Италии во II в. до н. э.

Примечания

- ¹ *Beloch J.* Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt. Leipzig, 1886; *Idem.* Die Bevölkerung Italiens im Altertum // *Klio*. 1903. Bd. 3. S. 471–490.
- ² См.: *Brunt P.* Italian Manpower 225 B.C. – A.D. 14. Oxford, 1971. P. 24–25; *De Ligt L.* Roman Manpower and Recruitment // *A Companion to the Roman Army* / ed. by P. Erdkamp. Oxford, 2008. P. 126; *Göhler J.* Rom und Italien. Breslau, 1939. S. 140–141; *Morley N.* The Transformation of Italy, 225–28 B.C. // *JRS*. 2001. Vol. 91. P. 50; *Lo Cascio E.* Roman Census Figures in the Second Century BC and the Property Qualifications of the Fifth Class // *People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC-AD 14* / ed. by L. de Ligt, S. J. Northwood. Leiden, 2008. P. 246–248; *Scheidel W.* Human Mobility in Roman Italy, I: The Free Population // *JRS*. 2004. Vol. 94. P. 1–2.
- ³ *Beloch J.* Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt... S. 309.
- ⁴ *Ibid.*
- ⁵ *Brunt P. A.* Op. cit. P. 24–25; *De Ligt L.* Poverty and Demography: The Case of the Gracchan Land Reforms // *Mnemosyne*. 2004. Vol. 57. P. 738–740; *Göhler J.* Op. cit. P. 140–141; *Lo Cascio E.* Op. cit. P. 246–257; *Morley N.* Op. cit. P. 50; *Scheidel W.* Op. cit. P. 1–2.
- ⁶ *Scheidel W.* Op. cit. P. 1–26. Миграция рабского населения рассматривается во второй части статьи, которая была опубликована в следующем году: *Idem.* Human Mobility in Roman Italy, II: The Slave Population // *JRS*. 2005. Vol. 95. P. 64–79.
- ⁷ *Scheidel W.* Human Mobility in Roman Italy, I: The Free Population... P. 24–26.
- ⁸ *De Ligt L.* Poverty... P. 754.
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ *Hin S.* Counting Romans // *People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC-AD 14* / eds. by L. de Ligt, S. J. Northwood. Leiden, 2008. P. 187–239; *Lo Cascio E.* State and Coinage in the Late Republic and Early

- Empire // JRS. 1981. Vol. 71. P. 76–86 ; *Idem*. Ancora sui censi minimi delle cinque classe “serviane” // *Athenaeum*. 1988. Vol. 66. P. 273–302.
- ¹¹ *Lo Cascio E.* Roman Census Figures... P. 253.
- ¹² *Ibid.*
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ *Hin S.* Op. cit. P. 234–235.
- ¹⁵ *Coşcun A.* Studien zu den Rechten von Latinern und weiteren Fremden sowie zum Bürgerrechtswechsel in der Römischen Republik (5. bis frühes 1. Jh. v.Chr.). Stuttgart, 2009. 236 S.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 61–137.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 156–200.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 25–29.
- ¹⁹ *Gargola D. J.* Lands, Laws, & Gods. Magistrates & Ceremony in the Regulation of Public Lands in Republican Rome. Chapel Hill, 1995 ; *Idem*. The Gracchan Reform and Appian’s Representation of an Agrarian Crisis // *People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC-AD 14* / eds. by L. de Ligt, S. J. Northwood. Leiden, 2008. P. 487–519.
- ²⁰ *Morley N.* The Transformation of Italy, 225–28 B.C. // JRS. 2001. Vol. 91. P. 50-62 ; *Rathbone D.* The Development of Agriculture in the ‘Ager Cosanus’ during the Roman Republic: Problems of Evidence and Interpretation // JRS. 1981. Vol. 71. P. 10-23 ; *Rosenstein N.* Recruitments and Its Consequences for Rome and the Italian Allies // *Herrschaft ohne Integration? Rom und Italien in republikanischer Zeit* / hrsgg. von M. Jehne, R. Pfeilschifter. Frankfurt am Main. 2006. S. 227–241.
- ²¹ *Rosenstein N.* Marriage and Manpower in the hannibalic War: «Assidui», «Proletarii» and Livy 24.18.7–8 // *Historia*. 2002. Bd. 51. Hft. 2. S. 163–191.
- ²² *Morley N.* Op. cit. P. 59–61.
- ²³ *Ibid.* P. 60.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Rathbone D.* The census qualifications... P. 144.
- ²⁶ *Ibid.*

УДК 27–247.8

РОЛЬ ПАПИЯ ИЕРАПОЛЬСКОГО В ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИИ ОБ АПОСТОЛЕ ИОАННЕ БОГОСЛОВЕ

Д. В. Красников

Саратовский государственный университет
E-mail: krasnikovdv@mail.ru

Автор анализирует труд Иерапольского епископа Папия (ум. после 130 г.) и приходит к выводу о связи исследуемого текста с Евангелием от Иоанна. Эта связь позволяет установить влияние Папия на возникновение и формирование традиции об апостоле Иоанне Богослове.

Ключевые слова: Папий Иерапольский, раннее христианство, рецепция новозаветных книг, апостол Иоанн, апостольские мужи, история ранней Церкви.

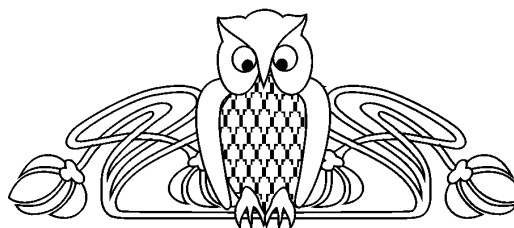
Papias' Role in the Emergence of the Church Tradition about St. John

D. V. Krasnikov

The author analyzes the work of the bishop of Hierapolis Papias (d. after 130 C.E.) and comes to conclusion about relations of his text to the Gospel of John. This allows to establish Papias' influence on the emergence and the tradition formation about the St. John.

Key words: Papias of Hierapolis, Early Christianity, reception of New Testament, John the Apostle, Apostolic fathers, history of the Early Church.

Папий Иерапольский – один из немногих христианских епископов начала II в., который мог сохранить и одновременно развить идеологию иоанновой общины. Связь труда Папия с текстами Иоанна Богослова, однако, должна быть доказана, путь к этому мы попытаемся указать в данной ста-

тье. Такая ранняя рецепция трудов Апостола, если она имела место, будет считаться одним из самых ранних свидетельств существования традиции об их авторе. Решение проблемы осложняется тем, что в сохранившихся фрагментах труда Папия «Истолкования слов Господних» нет ни слова о Евангелии от Иоанна.

Фрагменты Папия издавались неоднократно. Среди наиболее авторитетных изданий можно назвать труд Дж. Лайтфута и Дж. Р. Хармера¹, первое издание которого вышло еще в 1891 г., последние издания Й. Кюрцингера² и У. Кёртнера³. Переводы фрагментов Папия на русский язык собраны в издании «Писания мужей апостольских» с современными комментариями⁴.

Исследование фрагментов Папия Иерапольского в XX в. прибавило аргументов в дискуссию об авторстве Четвертого Евангелия. Это особенно ярко выразилось в полемике между Ч. Хиллом, представителем традиционного взгляда на авторство Евангелия от Иоанна, и Р. Бокхэмом, сторонником гипотезы об авторстве старца Иоанна⁵.

Среди исследователей нет единого мнения о датировке работы Папия, не говоря уже об отдельных данных его биографии. Дж. Лайтфут датировал его литературную деятельность приблизительно 130 г.⁶, в то время как Б. Ф. Весткотт – 140–150 гг.⁷, В. Бауэр считал Папия офици-

альным деятелем Церкви, заставшим появление монотанизма после середины II в.⁸

Особую точку зрения высказал шотландский исследователь Р. Ярбрух⁹, который считает необходимым и возможным пересмотреть привычную датировку деятельности Папия и отнести ее к 95–110 гг. В целом его аргументация позволяет датировать деятельность Папия, связанную с собиранием преданий старцев, приблизительно 110 г.

Однако письменную фиксацию этих преданий целесообразнее будет поместить позднее и связывать именно с увеличением числа «лжеучителей» к 130-м гг., что согласуется и с названием сочинения *Exegetica* духовного главы гностиков Василида. Эта позиция объясняет назначение труда Папия.

Целесообразно выяснить, как сочинение Папия охарактеризовано в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (Hist. eccl. III.39). Сам Иерапольский епископ был озабочен собиранием заповедей «данных Господом о вере, исходящими от самой истины» (III.39.3)¹⁰. Можно сделать вывод, что его волновала проблема источников христианского учения. Он предпочитал «живой голос и пребывающий» – *zōsa phōnē kai menoysa* (III.39.4)¹¹ письменным повествованиям, созданным к тому времени.

Такое же отношение к письменному тексту видно и позднее у Евсевия (III.24.3), которого, однако, волнует вопрос боговдохновенности Евангелий. Поэтому он подчеркивает, что Апостолы или их ближайшие соратники брались за написание Евангелий «по необходимости», а не по собственной воле. Кроме того, они не были «искусны в словах» и поэтому только «с помощью Духа Божия и по Его указанию» разносили весть о Царствии Небесном, не умея тщательно подбирать слова и мало об этом беспокоясь. Не стоит видеть в этом отношении к письменному тексту просто преданность устной традиции или психологический фактор, на который обращает внимание Б. Мецгер¹². Причину следует искать скорее в эсхатологических представлениях автора.

Насколько надежные сведения удалось Папию собрать в своем сочинении, можно судить только по сохранившимся фрагментам и главным образом по сочинению Евсевия (Eus. Hist. eccl. III.39), который дал свою оценку «Истолкованиям». Для него этот труд был незаменимым источником информации по некоторым вопросам, например, о происхождении Евангелий от Марка и от Матфея. Его особенно волновала проблема происхождения новозаветного канона и авторитета отдельных текстов. Первый церковный историк называет Папия в одном ряду с такими апостольскими мужами, как Поликарп Смирнский и Игнатий Антиохийский, что свидетельствует об авторитете иерапольского епископа.

Евсевий указывает четыре источника Папия. Первый – предания (греч. *paradoseis*), в которых

повествуется о чудесных событиях, связанных с деятельностью «апостола» Филиппа в Иераполе, об Иусте, по прозвищу Варсава, который «выпил смертельный яд и не потерпел никакого вреда». Эти рассказы о чудесных деяниях, по мнению Евсевия, заслуживают внимания (III.39.8–10).

Второй источник – «устное (букв. *неписанное*) предание» (греч. *paradoseis agraphai*). Его содержание Евсевий оценивает крайне негативно, к нему относятся «некоторые странные притчи Спасителя, нечто скорее баснословное (*mythikōtera*)» (III.39.11–13). Евсевий по-разному относится к просто «преданиями», которые до этого оценивал высоко, и к *paradoseis agraphai*. Это объясняется тем, что к последним относились идеи о тысячелетнем и плотском царстве Христа, еретического для Евсевия хилиазма¹³. Если Ириной, также разделявший идеи хилиазма, был непререкаемым авторитетом для Евсевия, то Папий выглядел как один из источников распространения ереси, в том числе и по отношению к самому лионскому епископу. По этой причине Папий получил от Евсевия негативную личную оценку: *sphodra gar toi smikros on ton noyn* («кибо был ума малого»; III.39.12. Пер. СПбДА).

Третий источник Папия – Аристион, ученик Господа, в передаче которого Папий приводит и «другие слова Господа» (III.39.14). Содержание этого предания нам неизвестно.

Четвертый источник – старец (пресвитер) Иоанн. Евсевий приводит его бесценные рассказы о происхождении Евангелия от Матфея и от Марка (III.39.14–16). Остальные рассказы (*paradoseis*) Евсевий рекомендует людям любознательным (III.39.14). Вероятнее всего, информаторами Папия были не Апостолы, и сомнительно, что это были непосредственные ученики Иисуса.

В целом, оценивая известное нам содержание труда Папия, можно установить, что наряду с ценной информацией, большую часть его составляли рассказы, рассчитанные на доверчивого слушателя – повествования о чудесных событиях, связанных с жизнью Апостолов. Из приводимых Папием собственно «слов Господа» известен только пассаж в духе хилиазма о прекрасном тысячелетнем царстве благоденствия (Iren. Adv. haer. V.33.4). Это позволяет охарактеризовать «Истолкования» Папия как сочинение, которое сочетало в себе различные формы, свойственные раннехристианской литературе (деяния, речения, легенды, истории и др.). Едва ли допустимо буквальное понимание большей части этих рассказов, поскольку они брались из многих источников, не всегда надежных.

Ни один из сохранившихся фрагментов, достоверно принадлежащих Папию, прямо не упоминает о том, чтобы епископ в своем труде писал о Евангелии от Иоанна, либо говорил о его происхождении¹⁴. При этом мысль о связи сочинения Папия с Евангелием от Иоанна невозможно игнорировать. На это указывает список из семи апостолов, приводимый Папием в предисловии

к его «Истолкованиям», последовательность которого совпадает с 1-й и 21-й главами Евангелия от Иоанна: «что сказал Андрей, что – Петр, что – Филипп, что Фома или Иаков, что Иоанн или Матфей» (III.39.6)¹⁵.

Папий, в изложении Евсевия, приводит сведения о происхождении Евангелий от Марка и от Матфея, однако умалчивается его знание Евангелий от Иоанна и от Луки. При этом Евсевий прямо указывает, что Папий пользовался первым Посланием Иоанна (III.39.17), которое по своим идеям, стилю и выражениям очень близко Четвертому Евангелию. Здесь следует видеть умолчание Евсевия¹⁶. Андрей Кесарийский в своем «Толковании на Апокалипсис» утверждал, что иераспольскому епископу был известен этот труд Иоанна.

Связь фрагментов Папия о происхождении Евангелий от Марка и от Матфея с так называемым Мураториевым канонем в части вопроса о порядке Евангелий вполне возможна¹⁷. Она создает почву для изучения общего в традиции о происхождении Евангелий, а именно предания о порядке изложения евангельских повествований. Эта тема звучит у большинства авторов, которые интересовались вопросом составления этих текстов (например, у Папия, Климента Александрийского, Иринея Лионского, в Мураториевом каноне).

Таким образом, подтверждается связь сочинения Папия с Евангелием от Иоанна. Однако невозможно утверждать, что в своем труде Папий прямо ссылался на текст Евангелия, либо на предание о его происхождении. Возможно, Папий собирал предания о возникновении других Евангелий, поскольку Евангелие от Иоанна было хорошо известно в его кругах, и ему требовалось объяснить различия между этими текстами. Письменные евангелия, ставшие впоследствии каноническими, и апокрифические в своих различиях порождали множество споров в ранней Церкви, этим может объясняться разочарование Папия в книгах. Возможно, всё это и подвигло его отыскать «живые голоса» тех, кто воспринял традицию не через книги.

Такое предположение несколько противоречит заманчивой гипотезе Ч. Хилла о том, что другой фрагмент у Евсевия (III.24.5–13) является пересказом неизвестного отрывка из Папия, названного исследователем «новым фрагментом».

В целом 24-я глава III книги «Церковной истории» Евсевия посвящена выбору «неоспоримых» (*anantirrhētoi, anantilektoi*) писаний апостола Иоанна, среди которых церковный историк выделяет Евангелие и первое послание Иоанна. Поскольку решается вопрос о несомненной принадлежности Евангелия апостолу Иоанну, Евсевий останавливается на проблеме разногласий в Евангелиях. Во фрагменте III.24.7 приведена причина, по которой Иоанн написал свое Евангелие: засвидетельствовав правдивость первых трех Евангелий, он заметил, что в них не достает рассказа о первых годах служения Христа. В пассаже III.24.11–13 подроб-

но повествуется о том, как ученики упрашивали Апостола поведать о том времени, которое не описано в первых трех Евангелиях.

Источником этого рассказа Ч. Хилл считает сочинение Папия Иераспольского. Исследователь доказывает, что вводные слова *katechei logos, phasi*, использованные Евсевием как указание на его источники, не означают, прежде всего, устные источники. «В большинстве случаев, где он вводит повествование этими словами, документ, на который он полагается, может быть указан как в ближайшем контексте, так и находиться у его предшественников, присутствующих на страницах его сочинения»¹⁸. Ч. Хилл рассматривает содержание фрагмента III.24.5–13 в сравнении с другими свидетельствами о Евангелиях и приходит к выводу, что этот отрывок является пересказом фрагмента Папия, поскольку содержит интересующую иераспольского епископа тему последовательности событий в евангельских рассказах.

К сожалению, автор статьи не обращает внимания, что *phasi* («говорят») с умолчанием имен может носить и негативный оттенок. Так, Климент Александрийский ссылается 17 раз на валентиниан, используя *phasi* и *legoysi*. К тому же подобное сходство можно объяснить не исключительно авторством Папия, но и существованием общего предания о порядке Евангелий, которое было отражено не только у Папия, но и в Мураториевом каноне, у Иринея Лионского и Климента Александрийского. В целом гипотеза Ч. Хилла не является общепринятой, однако она заслуживает внимания.

Тема порядка евангельского повествования, которую затрагивает Папий, удивительно проявляется в Мураториевом каноне, который также имеет много общего с пассажем III.24.5–13. Это позволяет говорить о развитии одной традиции, связанной с текстами и именем апостола Иоанна.

Евсевий приводит три прямые цитаты из Папия. Остановимся на самой важной из них: «Я не замедлю этими истолкованиями изложить по порядку все, чему я некогда у старцев хорошо научился и что хорошо запомнил, ручаясь за их истинность. Ведь я радовался не многоречивым [наставникам], как большинство, а тем, кто учит истине, не тем, кто помнит чужие заповеди, а [тем, кто помнил заповеди,] данные Господом для веры и от самой истины исходящие. (4) Если же куда-то приходил какой-нибудь последователь старцев, я расспрашивал о словах старцев: что Андрей, или что Петр сказал, или что Филипп, или что Фома или Иаков, или что Иоанн или Матфей, или кто другой из учеников Господних, и что говорят Аристион и старец Иоанн, ученики Господни. Ведь я понимал, что книги не принесут мне столько пользы, сколько живой голос и пребывающий» (III.39.3–4. Пер. М. Е. Сергеенко, уточненный и существенно исправленный)¹⁹.

А вот перевод первой половины 3-го стиха, предложенный Р. Бокхэмом: «Не поколеблюсь

изложить для тебя, вместе с собственными истолкованиями (*sygkatataxai tais hermēneias*), все, что в прошлом старательно разузнал, что тщательно запомнил (*emnēmoneusa*), за достоверность чего ручаюсь»²⁰. Очевидно, что современного исследователя волнует проблема достоверности евангельских повествований.

Иной перевод у Й. Кюрцингера, который видел в сочинении Папия элементы риторики: «Не поколеблюсь изложить для тебя в должном порядке (*sygkatataxai tais hermēneias*) все, что в прошлом старательно разузнал от старцев, что тщательно записал (*emnēmoneusa*), за достоверность чего ручаюсь»²¹.

У обоих переводчиков Папий предстает как историк, описывающий стадии своей работы. Вначале он расспрашивает своих информаторов, затем делает памятные записи или наброски (*huronēmata*, в этом случае глагол *mnēmoneuō* и причастие *emnēmoneusa* означают не «запоминаю», а «делаю памятные записи»), далее оценивает их достоверность и, наконец, излагает события в своем труде. В качестве аналогии сторонниками этой версии приводится отрывок из работы Лукиана «Как надо писать историю» (47, 48). Подобный взгляд, безусловно, является случаем, когда исследователи приписывают античному автору современные им интересы, что недопустимо.

Р. Бокхэм, таким образом, пытается возразить сторонникам популярного представления о Папии, как об авторе, предпочитающем устную традицию письменной, указывая на то, что Папий на самом деле следовал передовой историографической практике, обращенной к живым голосам свидетелей²².

Обе точки зрения не объясняют содержания еще двух цитат из Папия, приведенных Евсевием. Особое внимание следует обратить на использование Папием в двух отрывках из «Церковной истории» (III.39.15–16), повествующих о создании Евангелия от Марка и от Матфея, глаголов *mnēmoneuō*, *apomnēmoneuō*, *syntassō*, существительных *hē taxis* и *hē syntaxis*. Если эти слова указывают только на поиск достоверных источников, тогда остается неясным мотив Папия: для чего ему нужны достоверные сведения о Евангелиях? Возникает и вопрос о степени их достоверности, если в основном они носят оценочный характер: так, Марк был переводчиком Петра и изложил *не по порядку* слова Господни, а греческий текст Матфея переводили кто как мог (III.39.15, 16). Наконец, зачем оценивать письменные тексты, если живой голос предпочтительнее? Выражение *zōsa phōnē kai menoysa* заслуживает отдельного внимания.

Кто же свидетели у Папия? Во-первых, он называет семь известных имен глав ранней Церкви. Число семь здесь не случайно и может указывать на полноту свидетельства этих людей как непосредственных учеников Христа (*toy Kyrioy mathētai*). Их он именует *hoi presbyteroi* («стар-

цы»), по отношению к ним использован аорист глагола *legō – eipen* («сказали»); это указывает, что они не были современниками Папия, поэтому их слова он получал от людей, непосредственно с ними общавшихся. Во-вторых, он указывает своих современников (глагол *legoysin* – «говорят» по отношению к ним использован в настоящем времени) – Аристиона и старца Иоанна, причем к Иоанну также применен эпитет *ho presbyteros*. Их он тоже называет *toy Kyrioy mathētai*.

Последнее *toy Kyrioy mathētai* неоднократно ставилось под сомнение, поскольку не подтверждается сирийским переводом Евсевия, выполненным не позднее 462 г. н.э. Т. Моммзен, П. Лагранж и др. исследователи придерживались мнения, что второе *toy Kyrioy mathētai* является интерполяцией в греческом тексте²³. Действительно, гораздо проще, на первый взгляд, объяснить добавление в греческий текст «Церковной истории» Евсевия этого выражения, чем понять, зачем сирийский переводчик его опустил, умаляя тем самым значение этих свидетелей²⁴.

В начале XX в. Б. В. Бэкон предложил вместо *toy Kyrioy mathētai* (ΟΙ ΤΟΥΚΥ ΜΑΤΗΤΑΙ) читать здесь *hoi toytōn mathētai* (ΟΙ ΤΟΥΤΩ ΜΑΤΗΤΑΙ). Подобная ошибка (ΚΥ вместо ΤΩ) встречается в рукописной традиции²⁵. Таким образом, Аристион и пресвитер Иоанн становятся учениками апостолов из группы семи, названной в начале. Это вполне соответствует сообщениям «Деяний», где старцы выступают вместе с апостолами (Деян. 15.6).

Как бы ни было привлекательно такое объяснение, вряд ли его можно применить в данном случае. Сам Евсевий считал старца Иоанна авторитетным деятелем, приписывая ему авторство «Апокалипсиса», а также другую ценную информацию, особо указывая, что Папий лично общался с Аристионом и старцем. Кроме того, Евсевий использует по отношению к этому Иоанну просто наименование *ho presbyteros* без имени. Это употребление можно сравнить со вторым и третьим Соборными Посланиями Иоанна, где в начале письма именно *ho presbyteros* обращается к Церкви.

В любом случае, если считать, что старец Иоанн в самом деле был *ho Kyrioy mathētēs*, то это не позволяет сделать вывод о его причастности к написанию Четвертого Евангелия.

Наблюдается интересное сравнение с категориями, которые использует Евсевий по отношению к раннецерковным лидерам. Евсевий мыслит категориями сложившегося монархического епископата, который опирается на представление об апостольском основании Церкви. Для него важен авторитет «Святых Апостолов», а не авторитет свидетеля и ученика. Авторитет апостолов не только в том, что они свидетели, но и потому что они святы (избраны), они – *критерий истины* и *основа Церкви*. Папий же рассуждает в категориях зарождающейся Церкви: для него важен именно

авторитет свидетеля и ученика, носителя живого пребывающего Слова. Евсевия волнует вопрос, имеют ли его источники апостольское происхождение. Папий, в свою очередь, озабочен точностью и духовным авторитетом передаваемого ему учения (*mathēmata*), поэтому для него принципиально указание на *hoi toy Kyriou mathētai*. Итак, ключ к пониманию связи иоанновой школы с Папием спрятан в комплексе текстов, а не в одном единственном толковании иерапольского епископа.

Таким образом, лишь осмысление всех трех слоев традиции (в обратном порядке – Евсевий, Папий, асийские старцы) позволяет обнаружить связь Иераполя и его епископа с Иоанном. Предания принадлежат двум абсолютно разным эпохам. С одной стороны, мы сталкиваемся со временем важных эсхатологических ожиданий (хилиазм) – это эпоха Папия и асийских старцев. Она наполнена сомнениями относительно необходимости составлять письменные тексты в условиях скорого установления власти Бога на земле. Однако невозможно было игнорировать уже имеющиеся на тот момент письменные «изложения слов Господа» (Евангелия). Апостольский муж пытался объяснить их появление, критиковал их, постоянно обращался к воспоминаниям о живых голосах свидетелей, но достоверно не известно, что еще он думал об этих текстах. Евсевий об этом умалчивает, но его молчание красноречиве всяких слов. С другой стороны, перед нами предстает кесарийский епископ, отец средневековой истории, озабоченный вопросом установления безусловных книжных авторитетов, окруженный кодексами, содержащими в себе свершившийся факт Канона, который не мог понять того, кто искал «живой и пребывающий Голос».

Примечания

- 1 The Apostolic Fathers: Greek Texts and English Translations of Their Writings. 2nd ed. / J. B. Lightfoot and J. R. Harmer, Editors and Translators. Grand Rapids, 1992.
- 2 Kürzinger J. Papias von Hierapolis und die Evangelien des Neuen Testaments. Regensburg, 1983.
- 3 Körtner U. H. J. Papias von Hierapolis: Ein Beitrag zur Geschichte des frühen Christentums. Göttingen, 1983.
- 4 Писания мужей апостольских. М., 2003.
- 5 Hill C. E. What Papias Said about John (and Luke): A 'New' Papias Fragment // J. of Theological Studies. N. S. 1998. Vol. 49. P. 582–629; Bauckham R. J. Papias and Polycrates on the Origin of the Fourth Gospel // Ibid. 1993. Vol. 44.
- 6 Lightfoot J. B. Essays on the Work Entitled Supernatural Religion. L., 1889. P. 150.
- 7 Westcott B. F. A General Survey of the History of the Canon of the New Testament. London, 1875.
- 8 Bauer W. Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity. Philadelphia, 1971. P. 72.
- 9 Yarbrough R. W. The Date of Papias: A Reassessment // J. of the Evangelical Theological Society. 1983. Vol. 26.2. P. 181–191.
- 10 Пер. СПбДА по изд.: Евсевий Памфил. Церковная история. СПб., 2007.
- 11 Здесь и далее древнегреческий текст приводится в латинской транскрипции.
- 12 Мецгер Б. М. Канон Нового Завета : Возникновение, развитие, значение. М., 1998. С. 52.
- 13 В 255 г. на поместном соборе Александрийской церкви хилиазм был осужден.
- 14 Возможное исключение здесь Eus. Hist. eccl. III.24.5–11, где, по мнению Ч. Хилла, Евсевий приводит пересказ Папия, не упоминая используемый источник; см.: Hill C. E. Op. cit. P. 582–629.
- 15 Об этом совпадении более подробно см.: Красников Д. В. Об авторстве Четвертого Евангелия // Векторы инновационного развития человека и общества : в 2 ч. Саратов, 2010. Ч. 1. С. 79–84 ; ср.: Bauckham R. J. Op. cit. P. 441–444.
- 16 Hill C. E. Op. cit. P. 582. См. также: Красников Д. В. О загадочном умолчании Евсевия (проблема интерпретации Hist. eccl. III.39.14–17) // Гуманитарные науки в XXI в. : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2012. С. 23–27.
- 17 Hill C. E. Op. cit. P. 583–586 ; Bauckham R. J. Op. cit. P. 454.
- 18 Hill C. E. Op. cit. P. 590.
- 19 Пер. по изд.: Писания мужей апостольских. М., 2003.
- 20 Bauckham R. J. Op. cit. P. 45.
- 21 Kürzinger J. Op. cit. S. 77–82. Цит. по: Bauckham R. J. Op. cit. P. 45.
- 22 Bauckham R. J. Op. cit. P. 33–49.
- 23 Bacon B. W. The Elder John, Papias, Irenaeus, Eusebius and the Syriac Translator // J. of Biblical Literature. 1908. Vol. 27. P. 119 ; Dix D. G. The Use and Abuse of Papias on the Fourth Gospel // Theology. 1932. Vol. 24. P. 8–20.
- 24 Dix D. G. Op. cit. P. 10.
- 25 Bacon B. W. Op. cit. P. 119.

УДК 94 (437) [10/17]

ОБРАЗЫ БРИТАНСКИХ МОНАРХОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI ВЕКА

И. Я. Эльфонд

Саратовский социально-экономический институт
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: iyelfond@mail.ru

В статье рассматривается проблема «чужого» в политической литературе Франции в период религиозных войн XVI века. Автор полагает, что образ «врага», традиционно связывавшийся с англичанами, претерпевает изменения вследствие нового религиозного противостояния, в связи с чем создаются новые исторические мифы, которые использовались во французской политической пропаганде.

Ключевые слова: проблема чужого, английские короли, культурно-исторический миф, политическая конфронтация.

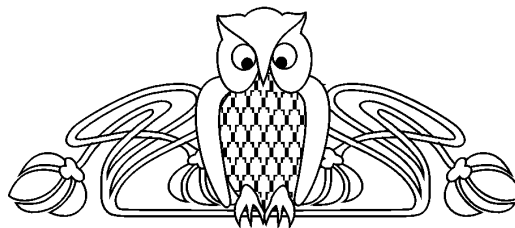
The Images of British Monarchs in French Political Literature of XVI Century

I. Ya. Elfond

The paper deals with the problem of «alien» in political literature of France during the wars of religion of 16-th century. The author insists that the traditional model of the fiend connected with Englishmen evolved due the new confessional confrontation and there were constructed new historical myths used by political propaganda in France.

Key words: problem of alien, English monarchs, cultural and historical myth, political confrontation.

Для французской политической литературы эпохи гражданских войн было типичным в полемике обращение к персоналиям, и прежде всего авторов привлекали личности монархов. Именно критика или апология монархов определяла отношение отдельных авторов к национальной и европейской истории, отношение к политическим формам организации общества или институциональной истории. На эту литературу оказала влияние и общегуманистическая позиция в отношении исторической личности. Естественно, в полемике поднимались вопросы политической истории, и уже в силу этого на переднем плане оказывались персонажи национальной истории. Внимание историков обращалось по преимуществу на деятельность французских королей, и соответственно трактуются их образы. Однако на этом процессе сказывается уже исторически сложившийся в литературе и менталитете образ «чужого» и образ «врага». А поскольку этот образ издавна и вполне традиционно персонифицировался в лице недавних врагов англичан, то естественно, что во французской литературе особое внимание привлекает образ англичанина как воплощения «чужого», и

тем более английских монархов. Монархи других стран (за исключением демона юга Филиппа II Испанского) упоминаются обычно спорадически.

Под влиянием изменившейся политической ситуации – прежде всего итальянских войн и претензий Габсбургов на политическую гегемонию Европы – постепенно образ врага начинает трансформироваться. На этот процесс особое воздействие стала оказывать Реформация: тираноборцы при рассмотрении политических конфронтаций начинают обелять образ именно английских монархов. Так, в изображении Отмана политическую мудрость проявляет Эдуард I в своих законах в отношении этнических меньшинств, в частности, бретонцев, как потомков автохтонных жителей Англии¹.

Генрих I также оценивается известным тираноборцем как мудрый правитель из-за его стремления к благу и сохранности государства, утвердивший общественный совет, который существовал в древние времена у англосаксов. Мудрость английских королей проявилась и в том, что они «не могут лично или же через своих министров вводить налоги, субсидии или же другие поборы (какие бы то ни было) для своих подданных, он также не может изменять их законы, или же издавать новые законы без согласия и поддержки всего королевства, выраженных в воле парламента»².

Единственное, в чем Отман осуждает английских королей (исключительно в нарушении права), это вопрос о начале Столетней войны. В его трактовке английский король Эдуард, «родившийся от Изабеллы, сестры Карла Красивого», настоятельно потребовал, чтобы трон Галлии перешел к нему по праву наследования. Это вызвало «великую войну между королями Англии и Франции», но претензии провозглашаются неправовыми из-за Салического закона, и, следовательно, «названный Эдуард, сын упомянутой Изабеллы, не мог претендовать по какому бы то ни было праву на французскую корону»³. Сравнение же деятельности английских и французских монархов приводит Отмана к тому, что он осуждает трусость, вероломство и жестокость французских королей (в частности Филиппа Августа против крестоносца Ричарда, как-то забывая при этом, что французский король тоже являлся крестоносцем).

Таким образом, Отман как теоретик гугенотов скорее оправдывает деятельность английских

королей, в том числе и тех средневековых монархов, которые были и оставались католиками, судя по всему, исключительно в целях противопоставления их абсолютистским правителям во Франции.

Особое внимание образам английских монархов уделено в историческом сочинении католика Э. Пакье. Негативное отношение к англам и саксам в его труде «Изыскания о Франции» вызывает особые оценки. Так, вторжение скандинавов, а позднее и завоевание норманнов толкуется как справедливое воздаяние англам и саксам: «Вильгельм подчинил Англию, показав своим преемникам путь и средства удерживать этот буйный народ в узде»⁴. Гуманист, рассматривая историю правления Нормандской династии, отмечает «страшную грубость и жестокость правителей при полном незнании природы страны»⁵. Так закладывается основа для оценок и характеристики английского монархов в позднейшие времена.

Именно у Пакье дается краткий очерк истории английской династии, судеб каждого из английских королей и последовательно проводится идея о присущей любым британским монархам жестокости, об отсутствии не только каких-то родственных чувств, но даже почтения к своей династии. Он объясняет эти особенности проклятием жены Генриха I Маргариты Шотландской, бывшей монахини (насильственно принужденной к браку с английским королем – святоотатством), которое «коснулось не только третьего и четвертого поколения, но продолжается до наших дней»⁶. Впрочем, и без учета этого проклятия описание действий английских королей, правивших задолго до него, выглядит как цепь насилия, убийств и узурпации власти. В конце концов, сама героиня – последняя представительница англосаксонской династии, у которой отняли власть над Англией. Сам Генрих узурпировал власть у брата крестоносца (также кощунство), а Вильгельма Завоевателя историк осуждает за крайнюю жестокость.

Пакье использует эту историческую легенду для общих оценок истории королевской семьи: проклятие прародительницы в его описании определило всю историю Англии в целом вплоть до современных событий. Этот миф объявляется историком фактом, оказавшим влияние и на историю Франции. Насилие ведет к насилию и ненависти; именно в этом историк видит смысл проклятия Матильды и последовавших несчастий Англии. Оценки Пакье беспощадны: «Не было ни одного монарха, царствующего в Англии, который для того чтобы его правление оказалось прочным, не казнил бы и не заточил бы братьев или других ближайших родственников, а это нередко приводило к гражданским раздорам»⁷. Историк внушает отвращение даже перспектива описывать эти бесконечные распри и раздоры, по его мнению, «происходившее скорее было ужасающим, чем приятным».

Краткий очерк истории Англии и династии построен на весьма специфическом отборе фак-

тов – главным оказывается преступление против собственного рода. Стефан узурпировал корону, что привело к длительным войнам. Относительное процветание королевства при Генрихе II означало множество бед для Франции, король «доставил множество тревог современному французскому королевству, но над ним стояла воля Божья, пославшего Филиппа Августа». В целом же такое внимание к проклятию у Пакье неслучайно, объективно он объясняет всю историю английских королей волей Божией. А судьба, памятуя о пророчестве первой Матильды, «не хотела оставить английских монархов в покое». Этим объясняется трагическое противостояние короля с сыновьями, с целью захвата короны. Даже смерть приводила только к одному: «положение еще ухудшилось»⁸.

Аналогично трактуется история правления его сыновей, в особенности показательной становится характеристика царствования и прихода к власти Иоанна Безземельного (которого обвиняют в кощунстве, жестокости, организации заговоров). Борьба между «Скверным королем» Иоанном и его племянником Артуром вызвала, по описанию историка, новые страшные распри. Именно с этим Пакье связывает серьезные политические пертурбации: «начался упадок королевства английского»⁹. Другой формой наказания Божьего объявляются мятеж и козни подданных в правлении Генриха III. Пакье с неудовольствием замечает, что Эдуард I прожил свою жизнь достойно и благополучно, но трактует это скорее как случайность, поскольку проклятие настигло его сына, который по своей жестокости и недалекости, вызвавших «бесконечное множество бедствий», казнил множество людей, включая своего близкого родственника Томаса Ланкастера, за что и был подвергнут каре Божьей. За недостойное поведение король был наказан Богом: «лишен короны, его друзья казнены, а сам кончил жизнь печально»¹⁰.

Казнь дяди Эдуарда III (по-видимому, и война с Францией) повлекла кару в следующем поколении – распри Алой и Белой розы. По мнению Пакье, «этот раскол чуть не привел к полному и окончательному краху Англии». В принципе, по мнению французского историка, цепь преступлений продолжалась и в правление Ричарда II, который «помимо множества недостойных поступков, которые сносил его народ, не довольствуясь этим, приказал бросить в темницу, а затем повесить своего дядю Томаса, изгнать Генриха Дерби сына своего дяди Джона Ланкастера». Как заслуженное возмездие Пакье трактует и судьбу самого Ричарда, вследствие действий ранее изгнанного кузена. Последний, в свою очередь, по возвращении «захватил короля Ричарда, вынудил его в присутствии Парламента отречься от короны и, не довольствуясь этим, приказал его умертвить в темнице»¹¹.

Апофеозом жестокого и бесчеловечного правления английской династии гуманист считает пе-

риод правления Ричарда III; Пакье суммирует все легенды, дошедшие до его времени: король в его описании умертвил обоих племянников, объявил дочерей незаконнорожденными¹² и провозгласил себя королем «к великому неудовольствию всех добрых людей»¹³. Пакье говорит об оппозиции населения (следующего таким образом воле Божьей); в его изображении «жители Лондона были недовольны его дурными поступками» и призвали Генриха VII.

Видно, что оценки деятельности английских монархов (особенно в Столетней войне, которую Пакье называет «войны с англичанами») даются также с негативных позиций. Они (Генрих V в особенности) стремились «только к тому, чтобы расширить своего владения благодаря нашей гибели»¹⁴ и естественно, что принесли много вреда Франции (об этом упоминается несколько раз).

Наиболее показательна трактовка эпизода современности, в котором можно было противопоставить характеры и поступки двух знаменитых протагонисток Елизаветы и Марии. Естественно, что французы, особенно католики, могли сочувствовать трагической судьбе королеве Шотландии, старой союзницы Франции, сама личность Марии как дочери французской принцессы и вдовствующей королевы Франции была, конечно, им ближе. Пакье вообще оказался одним из первых, кто рассмотрел антагонизм Марии и Елизаветы. Во всем данном фрагменте заметна совершенно новая нотка. Разумеется, английская сторона показана и здесь резко негативно, но акценты расставлены иначе. Впервые Пакье выражает различное отношение к англичанам, разделяя их по конфессиональной принадлежности и подчеркивая, что трагическая судьба шотландской королевы неотделима от печальной участи преследуемых английских католиков. Негативная трактовка образа Елизаветы связана с тем, что она насаждает протестантизм во всех его толках (лютеранство, да еще, наряду с пуританами, упоминаются кальвинисты).

Образ же Марии Стюарт подается как невинной мученицы и невинной жертвы страха и религиозного озлобления. Все оценки французского историка определялись отношением к противостоянию двух конфессий. В его трактовке преследование со стороны Елизаветы только усиливается вследствие того, что жертва является ближайшей наследницей английского престола и может наступить расплата: «Зная, что та наиболее близка [к Елизавете] по крови и потому может достичь короны, они и вели процесс». В его трактовке английская королева совершенно лишена человеческих эмоций, но руководствуется только расчетом и выгодой – при решении принципиально важного для любого правителя вопроса она «взвесила и просчитала все».

Особое место в тексте Пакье занимает оценка действий Елизаветы. Английская королева изображается чуть ли не марионеткой, которая в

знак благодарности, что благодаря протестантам оказалась на троне, «рассадил ересь Мартина Лютера»¹⁵. Облик Елизаветы дополняется и характеристикой ее методов правления (словно речь идет о Марии Кровавой): «чтобы утвердиться, она заставила слететь головы бедных католиков, которые не могли снизить до нее. А другие католики удалились в изгнание». Беспринципности, трусливости, жестокости протестантки Елизаветы противопоставляется стойкость, мужество и верность вере со стороны слабой женщины: «Я никогда не читал ни о подобной суровости, если не сказать жестокости, подобной той, которая была проявлена к этой даме, ни о верности вере, которую она доказала». Французский историк не боится оценить поведение Елизаветы как низость, недостойную женщины, королевы и родственницы; по его мнению, «королеву предали смерти постановлением другой королевы, в которой должно было бы проявиться по природе большее милосердие»¹⁶.

Пакье в целом оценивает государственную деятельность Елизаветы как один из лучших примеров правления женщин, рассуждая «о величии некоторых государынь». Он отмечал, что именно Елизавета достигла наибольших успехов, отказавшись от женских слабостей, однако, называя ее первой из пяти современных ему государынь (кроме нее, это Екатерина Медичи, Жанна д'Альбре, Маргарита Пармская и правительница Португалии инфанта Элеонора), правящих «мудро и благоразумно»¹⁷.

Судя по всему, он вообще придавал такое значение проклятию Матильды, поскольку исполнение его связывал как раз с тем, что «в 1587 королева Елизавета казнила свою родственницу королеву Шотландскую Марию Стюарт, после того как держала ее в своих тюрьмах на протяжении девятнадцати лет»¹⁸. Тем самым ситуации придается еще моральный, символический и фаталистический оттенок.

Если даже католик Пакье говорит о достоинствах Елизаветы, то гугенот д'Обинье ведет речь об апологии английских монархов XVI в. именно в связи с проблемами Реформации. Он был, кажется, единственным, кто провозгласил личность и деятельность Генриха VIII «достойными восхищения» исключительно за его религиозную политику, поскольку у монарха хватило храбрости и сил, чтобы «сбросить ярмо папской власти»¹⁹ и принять протестантизм. Как великое событие он изображает события 1558 г., когда «после смерти Марии и кардинала Поля прекратилась и власть папы над Англией и обрела жизнь протестантская вера в правление Елизаветы, дочери короля Генриха и Анны Болейн»²⁰. Елизавета изображается им абсолютно совершенной монархиней. Уже сам ее приход к власти необычен, «из узилища – во дворец, с эшафота на трон». События ее жизни он связывает не с семейной драмой, а с покровительством религии гонимых, причем и за пределами

Англии. Образ Елизаветы противопоставлен образу ее сестры Марии Кровавой, религиозная политика которой «сделала ненавистным правление Марии»²¹.

Соответственно он рассматривает и историю противостояния двух королей – Елизаветы и Марии Стюарт. Неслучайно при рассмотрении событий шотландской истории он детально описывает ошибки и недостатки правления шотландской королевы, и ее справедливое свержение. Он единственный из французских историков, который абсолютно не испытывал сострадания к казни Марии Стюарт. Напротив, он подчеркивает отсутствия в Марии благоразумия и благодарности по отношению к Англии, давшей ей убежище. Обинье как-то не говорит о том, что Марию Стюарт держали в заточении и не выпускали за пределы острова, но, напротив, подчеркивает, что эти превентивные меры шотландскую королеву «не подвигли к кротости и мягкости», и доказывает справедливость приговора, восхваляя как раз стойкость Елизаветы. Он делает вывод, что названные меры, напротив (что вообще-то походит на правду) ожесточили Марию Стюарт, и она оказалась в центре «заговоров против королевы Елизаветы»²².

Для историка-гугенота факт принадлежности Марии к католической вере уже обуславливает негативные оценки. Поэтому он полностью оправдывает действия английской знати и самой королевы Елизаветы. Он отмечает активную роль во всех событиях королевского совета и английской знати и детально описывает колебания Елизаветы. В его изображении королева была вынуждена «казнить подобного врага, во имя спасения государства»²³. Очень показательным изложением колебаний Елизаветы; мотивы отнюдь не дамские и колебания вызваны отнюдь не родственными чувствами: во-первых, короли не наделены властью судить других монархов, их судит только Бог. Во-вторых, суверенные монархи неподсудны законам других государств. Из сферы юридической историк переходит скорее в мистическую. Колебания Елизаветы были вызваны страхом перед последствиями подобного поступка, поскольку королевская кровь в представлении историка (приписанном Елизавете) наделена особыми свойствами и ее пролитие призывает другую кровь и казнь суверенной государыни навлечет бедствия на страну²⁴. Действиями английской королевы руководят государственные мотивы, что оценивается историком вполне положительно.

Решение Английского суда, таким образом, объявляется правомочным, д'Обинье подчеркивает, что моральные соображения и шотландские деяния Марии Стюарт не имели отношения к судебному процессу, чужую королеву в Англии судили за оскорбление величества и, рассмотрев все обстоятельства (Обинье упоминает, в частности, о заговоре Бабингтона), «приговорили к смерти 19 февраля 1587». Характерно, что исто-

рик путает даты, опуская достаточно длительный промежуток времени между вынесением приговора и казнью и называя другую дату казни. Это свидетельствует, что Обинье далек от точности историков-эрудитов, но последовательно проводит свою линию защиты протестантского дела. Д'Обинье твердо убежден в том, что казнь была справедлива, поскольку Мария была виновна «в заговоре не только против страны, которую она ненавидела, но и против жизни той, которая так защищала ее»²⁵. Обинье отмечает «великую храбрость» шотландской королевы, но при этом приводит факт, который еще больше возвышает ее противницу и доказывает, что ее жертва не считает Елизавету виновной. Эта подробность не фигурирует во всех описаниях драматической сцены казни: согласно д'Обинье, Мария Стюарт чуть ли не на эшафоте препоручает своего сына именно заботам Елизаветы, тем самым реабилитируя эту казнь морально. С этим, правда, мало корреспондируется обвинение Марии Стюарт в том, что та предала своего сына, передавая свои наследственные права испанскому королю в обход сына. Историк, по сути, прославляет мудрость Елизаветы и ее силу духа в принятии справедливого решения, морально дезавуируя ее противницу и жертву. Хотя именно за это католические памфлетисты называют королеву «английской Иезавелью», приписывая ей не только жестокость, но и лицемерие и даже скрытое распутство.

Таким образом, британские монархи упоминаются во французской политической и исторической литературе гораздо чаще, чем государи других стран. Следует отметить, что авторов не слишком волновала историческая точность, даже историки руководствуются политическими мотивами. На трактовке ими образов английских (по преимуществу) сказались и традиционное восприятие англичан как врагов и новые веяния, вызванные борьбой с Испанией и отношением к Реформации. Чем дальше, тем больше прослеживается в оценках Англии и ее правителей отношение к религиозному инакомыслию и к политике самой Франции. Образ врага-англичанина постепенно вытесняется иными представлениями: в условиях религиозных гражданских войн одна часть французского населения усматривала врага в испанцах, другая – в немцах. Отношение к английским монархам и их оценки объяснялись конфессиональной принадлежностью авторов и в силу этого были неоднозначны.

Примечания

- ¹ Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 154.
- ² Ibid. P. 306.
- ³ Ibid. P. 470.
- ⁴ Pasquier E. Les Recherches de France. P., 1643. P. 33.
- ⁵ Ibid.

⁶ Pasquier E. Les Recherches de France. P. 527.

⁷ Ibid. P. 527–528.

⁸ Ibid. P. 528.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 529.

¹² Судя по всему, источники Пакье были неточными: он говорит о двух племянницах Ричарда – Елизавете, о которой в дальнейшем идет речь, и Маргарите, но у Эдуарда осталось 5 дочерей, причем ни одна из них имени Маргарита не носила. Явно Пакье не знал, что имя Маргарита носила дочь упомянутого выше погибшего в тюрьме третьего из братьев – герцога Кларенса.

¹³ Pasquier E. Op. cit. P. 530.

¹⁴ Ibid. P. 449.

¹⁵ Ibid. P. 500.

¹⁶ Ibid. P. 504.

¹⁷ Ibid. P. 563.

¹⁸ Ibid. P. 532.

¹⁹ D'Aubigne A. L'histoire universelle. S.I., 1616. V. I. P. 8.

²⁰ Ibid. P. 9.

²¹ Ibid.

²² Ibid. V. II. P. 954.

²³ Ibid. V. III. P. 90.

²⁴ Ibid.

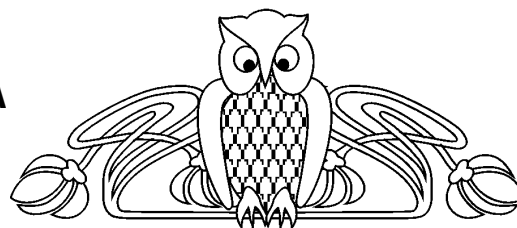
²⁵ Ibid. V. III. P. 91.

УДК 9(410.III) «13/15»

ТОМАС ПЛАТТЕР И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА КОНЦА XVI ВЕКА

Л. Н. Чернова

Саратовский государственный университет
E-mail: larisachernova@mail.ru

В контексте культурно-интеллектуальной истории в статье анализируется восприятие культурного пространства Лондона конца XVI в. иностранным современником – путешественником Томасом Платтером. Автор выявляет, каким образом культурный код гуманистически образованного швейцарца, его субъективные представления, мысли, способности («принуждение культурой») преломляются в «ином» культурном пространстве. Платтер акцентирует внимание не только на внешней культурной атрибутике Лондона, его архитектурных достопримечательностях. Культурное пространство «иного» города в восприятии ренессансного гуманиста-путешественника имеет многослойную структуру, охватывая еще и театральное пространство, пространство живописи, музыки, отчасти образовательное и интеллектуальное пространство. Важно, что Томас Платтер сумел уловить и зафиксировать новые элементы в динамично меняющемся культурном пространстве Лондона конца XVI столетия.

Ключевые слова: современная урбанистика, проблема восприятия, швейцарский гуманист и путешественник Томас Платтер, культурное пространство Лондона, конец XVI века.

Thomas Platter and the Cultural Space of London at the End of the XVI Century

L. N. Chernova

The article analyzes the perception of London cultural space of Thomas Platter, a foreign traveler and a contemporary from the view point of cultural and intellectual history. The author finds out how the cultural strata of a Swiss, brought up in humanistic environment, his subjective attitudes, thoughts, abilities ("cultural constraint") are reflected in the "different" cultural strata. Platter focuses not only on the exterior cultural attributes of London and its architectural highlights. A cultural strata of a "different" city in the perception of a Renaissance humanist and traveler is multifold. It embraces theatrical, artistic, musical, and, partially, educational and intellectual strata. It is worth noticing that Thomas Platter managed to detect and record

new elements in the dynamically changing cultural sphere of London in the XVI century.

Key words: modern urban studies, problem of perception, Tomas Platter, a Swiss humanist and traveler, cultural sphere of London, end of the XVI century.

На рубеже XX–XXI вв. в интеллектуальном поле современной исторической науки произошли кардинальные изменения, выразившиеся в активном обращении историков, в частности, к проблемам восприятия современниками фактов, событий, явлений, к тому, как они их интерпретировали и оценивали, каким образом хранили информацию об увиденном/услышанном¹. В русле культурно-интеллектуальной истории особый статус приобретает история межкультурных контактов и «культурных трансферов», концентрирующая внимание на взаимосвязях, взаимовлияниях и выявляющая их конкретных медиаторов².

В данном контексте обратимся к анализу восприятия культурного пространства Лондона конца XVI в. иностранным современником – швейцарским путешественником Томасом Платтером – и попытаемся показать, каким образом его субъективные представления, мысли, способности («принуждение культурой») преломляются в «ином» культурном пространстве.

О Томасе Платтере известно не много. Определенно можно сказать, что родился он в 1574 г.³ в Базеле, был младшим сыном известного немецкого (швейцарского) гуманиста Томаса Платтера-старшего (1499–1582 гг.), ученого друга Эразма Роттердамского и почитателя Ульриха Цвингли. Его старший брат, Феликс, прославился как врач и один из основоположников медицинского образо-

вания в Базельском университете. Интересующий нас Томас Платтер-младший, получив соответствующее образование, также стал профессором ботаники, анатомии и практической медицины в том же университете⁴.

Совершая поездку по Франции и Англии, осенью 1599 г. 25-летний Томас Платтер, пока еще студент-медик, прибыл в английскую столицу и оставался там пять недель, с 18 сентября по 20 октября. В течение последующих шести лет он перерабатывал свои «Путешествия по Англии», содержащие главу о Лондоне⁵. Получившийся у него в результате отчет – это своеобразное проявление представлений ренессансных гуманистов о путешествии как важной части культурного образования⁶.

Длительный промежуток времени, разделяющий пребывание путешественника в английской столице и момент письменной фиксации его впечатлений, безусловно, порождает определенные сомнения в достоверности сообщаемых сведений, заставляет с известной осторожностью подходить к тому, о чем и как сообщает Платтер, учитывая в целом субъективность всякого рода эго-источников. Но, вместе с тем, нас интересует именно эта субъективность, отражающая специфику восприятия конкретного современника⁷.

В самом начале своего повествования Платтер сумел точно передать особое место Лондона с точки зрения истории английского урбанизма: «...по отношению к другим городам Англии он занимает главенствующее положение, так как говорят, что не Лондон в Англии, а Англия в Лондоне...»⁸. Традиционно это самый крупный и богатый город Англии, центр общенационального и международного значения, не имевший внутри страны сколько-нибудь серьезных конкурентов и оказывавший колоссальное влияние на экономическую, политическую и социокультурную жизнь всего королевства⁹. Кроме того, в Лондоне, наряду с другими городами, формировались многие культурные коды и представления, возникали и отработывались практики использования культурного пространства города. «...И тот, кто осмотрит Лондон... может утверждать без колебаний, что он близко познакомился со всей Англией...», – пишет путешественник¹⁰. Таким образом, для Платтера Лондон – это своего рода культурный микрокосм, уменьшенная реплика культурного макрокосма – Англии, это место, «которое путешествующим европейцам стоит посетить...»¹¹. Платтер не раз отмечает, что Лондон «...полон до краев любопытными вещами...»¹². В такой оценке значимости Лондона Платтер шел «в ногу со временем»: посещение английской столицы входило в обязательный «культурно-образовательный тур» европейской молодежи¹³.

Очевидно, что Томас Платтер воспринимал, переживал и оценивал лондонскую культурно-пространственную реальность сквозь призму собственного интеллектуального багажа, говорить

о котором в полном объеме на основании имеющихся фактов довольно сложно. Тем не менее, не вызывает сомнений, что Томас был представителем гуманистической среды, человеком особой, так называемой книжной культуры. Неслучайно при посещении Лондона он не раз обращал внимание на то, что в разных местах этого города, прежде всего вокруг собора св. Павла и на большом крыльце Вестминстерского аббатства «торговцы и переплетчики торгуют самыми разными книгами»¹⁴. Истинное его восхищение вызвала королевская библиотека в Уайт-холле, где «было много книг на латыни»¹⁵.

Распространение книги, появление библиотек, частных книжных коллекций как нельзя лучше отвечало духу времени. Общеизвестно, что на первом месте среди принципов гуманизма находилась тяга к знанию как главной добродетели и главной цели земной деятельности человека; гуманистическая эпоха дала возможность большему массам людей приобщиться к образованию и культуре. Идеи о свободе и достоинстве человека, его предназначении буквально витали в воздухе и проникали в самые разные географические уголки Европы и социальные страты европейского общества во многом благодаря изобретению в середине XV в. печатного станка: к концу того же столетия было напечатано уже около 40 тыс. наименований книг общим тиражом в несколько миллионов экземпляров¹⁶. В Англии У. Кэстон основал первую типографию в 1476 г.; в 1478 и 1480 гг. были открыты типографии в Оксфорде, Сент-Олбансе и Лондоне. За последнюю четверть XV столетия в английских типографиях было издано около 400 книг: «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, чосеровский перевод Боэция, переводы «Метаморфоз» Овидия, компиляции из сочинений Вергилия и Боккаччо, роман Мэлори «Смерть Артура», сочинения по истории и риторике. Особой популярностью в Англии пользовалось Священное Писание: тираж Библии и Нового Завета, опубликованных за время от Реформации до 1640 г., превысил миллион, а общее число названий ежегодно издаваемых здесь книг с 1500 по 1630 гг. возросло с 45 до 460¹⁷.

Обладал Платтер и определенными познаниями в языках и истории. В частности, он отмечает, что Лондон «...называется по-латински Лондиниум, по-французски – Лондре, древние называли это место Тривонарум...»¹⁸.

Судя по тексту его «Путешествий», Платтер свободно владел не только латынью и французским языком – при посещении французской церкви он отслужил там службу на французском¹⁹, но также знал немецкий, итальянский и испанский языки. С явным удовольствием Томас замечает, что королева Елизавета собственноручно пишет на латыни, «очень разборчиво»²⁰, и «... может говорить на итальянском, испанском и французском языках»²¹. Однако языковые познания других англичан, судя по его наблюдениям, не были столь

обширны. Сообщая о приеме у лондонского мэра 13 октября, Платтер считал необходимым упомянуть о том, что ни он сам, ни его компаньоны «...ничего не понимали из того, о чем говорили вокруг... ни по-латыни, ни по-французски, ни по-испански»²², поскольку мэра, его окружение и члены семьи, включая сына, хорошо изъяснялись только по-английски. Путешественники же английского языка не знали и вынуждены были прибегнуть к услугам переводчика²³.

Интерес Томаса Платтера зачастую концентрировался на именах или местах, связанных с сохранением историко-культурной памяти англичан. Он пишет, в частности, что, возвращаясь из Уайтхолла к себе в гостиницу, «прошел мимо двух юридических колледжей, окруженных садами, в одном из которых много каменных могил...»²⁴. Последние привлекли особое внимание своими каменными изваяниями «саксов, захороненных там»²⁵. И здесь же швейцарец замечает, что «...из истории мы знаем, что саксы долго жили в Англии и стали основоположниками языка»²⁶. При посещении Вестминстерского аббатства Платтер выделяет «величественные надгробия королям и королевам Англии», с которыми напрямую связывает историю англичан и их государства.

Подчеркивая значимость Античности, свое уважительное отношение к ее наследию, он трижды упоминает «первого императора» Цезаря. И в данном случае не важно, соответствует ли это исторической реальности. В Тауэре путешественники, в числе которых был Платтер, поднимались «в башню, построенную Юлием Цезарем»²⁷, и осматривали большой зал, «где, как полагают», он обедал²⁸; в театре «Глобус» видели «великолепное исполнение трагедии про... Юлия Цезаря»²⁹.

«Воображаемое путешествие», то есть мысленное движение по Лондону с описанием встречаемых достопримечательностей, позволяющее воссоздать структуру культурного пространства города и специфику его восприятия Томасом Платтером, из записей путешественника предстает в следующем виде.

Напомним, что Платтер прибыл в Лондон 18 сентября и первое, что он сделал – посетил французскую церковь³⁰. Пребывание в «ином» городе иностранец предпочел начать с привычного, понятного ему, с того, что обеспечивало внутренний душевный комфорт и религиозное самовыражение. Платтер с удовлетворением подмечает, что в Лондоне, кроме 120 приходских церквей, есть три церкви, «где службу ведут на французском, немецком, итальянском и голландском языках»³¹, и «...множество семей, которые переселились туда по религиозным причинам...»³². Таким образом, без внимания Платтера не остались некоторые события, связанные с Реформацией. И далее замечает, что «...их приняли весьма благосклонно, устроили для них специальные места для проведения религиозных обрядов, откуда доносятся молитвы на их родном языке»³³. Присутствие в

Лондоне выходцев из других стран усложняло и обогащало его культурный ландшафт и делало город воистину космополитичным, что и фиксирует Платтер в своих записях.

Нет возможности проследить, как он провел остаток этого и следующий день, но утром 20 сентября, пишет Томас, «я и мои компаньоны направились в величественную королевскую церковь Вестминстера...»³⁴. Швейцарец довольно подробно и достоверно описывает достоинства этой «обители королей» прежде всего как архитектурного памятника, что в полной мере отражает стремление к эстетизации жизни, свойственное эпохе Возрождения и нашедшее яркое воплощение в искусстве. Читаем: «Сама церковь – величественное здание, искусно выстроенное, в ней небольшая часовня, специально построенная из обтесанного камня для короля Генриха VII... Своды такие высокие и так изящно украшены, что равные им отыскать будет сложно»³⁵. В этой церкви я видел еще и другие величественные надгробия королям и королевам Англии, краше которых я еще не встречал. Перед храмом много надгробий, сделанных из мрамора самых разных цветов, украшенных камнями, похожими на порфир»³⁶. Очевидно, что Вестминстерское аббатство произвело на иностранца сильное впечатление: прилагательное «величественный» встречается при его описании трижды. Действительно, еще с XIII в., с Генриха III, Вестминстер перестраивался и достраивался при непосредственной и почти постоянной поддержке королей, вплоть до Генриха VIII. В результате было воздвигнуто здание, самое высокое из всех средневековых английских церквей (ощущение высоты усиливается еще и за счет относительной узости), наиболее гармонично во всей Англии соединившее достижения французской готики и традиции местной «перпендикулярной готики»³⁷.

В тот же день, 20 сентября, Платтер вместе с компаньонами «посетил королевский дворец в Лондоне, где находится двор королевы. Он называется Уайт-холл, то есть Белый зал...»³⁸. Здесь путешественник, очевидно, знаток и ценитель живописи, подметил, что «... на стенах висели чудесные картины и гобелены... Там было много портретов в полный рост, среди которых я заметил портрет девушки и курфюрста в старинных одеждах. Портрет кухарки-голландки с фруктами был тоже очень искусно написан и правдоподобно»³⁹. Гравюру с некоего «красиво написанного портрета» Томас «привез с собой в Базель»⁴⁰. Именно в связи картинами Платтер упоминает в своих «Путешествиях» Гилдхолл – здание городской ратуши: «В Лондоне есть другое место, названное Гилдхолл, где я видел картины...»⁴¹.

Действительно, главной линией развития живописи в Англии стало искусство нового ренессансного жанра – портрета. Восторжествовало при этом мастерство парадного придворного портрета, прославлявшее короля и знать.

Огромное влияние на становление английской портретной живописи оказал один из величайших немецких художников, приглашенный ко двору Генриха VIII, Ганс Гольбейн Младший (1497 г., Аугсбург – 1543 г., Лондон)⁴². И при Елизавете I в живописи по-прежнему доминировал портрет, а выдающимся портретистом был Николас Хиллиард (ок. 1547–1619) – английский художник, ювелир и иллюстратор манускриптов, прославившийся своими портретными миниатюрами с изображениями придворных Елизаветы, а затем и Якова I⁴³.

При посещении Уайт-холла внимание швейцарского путешественника остановилось также на предметах знаковых или редких в конце XVI столетия: королевских органах и спинетах, «на которых она [королева] играет», изящно сделанных диванов, бесчисленного количестве часов «всех размеров», индийской кровати «с индийским балдахинном» и индийском столике⁴⁴.

Утро 21 сентября началось для путешественника с посещения собора св. Павла, «самого знаменитого храма, главного из них»⁴⁵. Как он пишет: «... я пошел в этот собор, где слушал каноны»⁴⁶. Платтер, исповедовавший протестантизм, обратил внимание и на специфику англиканской церкви, подметив ее неоднозначность: «Священники в белых подризниках и квадратных беретах, на манер папистов, проводят службу на английском языке под аккомпанемент органа, как будто служат мессу»⁴⁷. Однако в большей степени Платтер интересуется собором как архитектурным и культурным объектом. Читаем: «Поднялся по 300 ступеням на крышу, покрытую чугуном, так что по ней можно ходить, и многие мужчины и женщины прогуливаются там по воскресеньям... Длина храма, как я измерил своими шагами, 242 шага, другие говорят 252 шага. Ширина в центре 36 шагов, от одной двери до другой, однако, 122 шага. Одна дверь отесана камнем...»⁴⁸. Ценно, что путешественник оставил потомкам описание еще средневекового, так называемого старого собора св. Павла, который был уничтожен Великим пожаром 1666 г.

Культурная программа Платтера продолжилась в тот же день, когда после ланча, около двух часов, он и его компаньоны, пересекли реку и оказались в театре «Глобус»: «... там, в доме под тростниковой крышей, мы видели великолепное исполнение трагедии про первого императора Юлия Цезаря труппой из 15 человек. Когда пьеса закончилась, они [актеры] танцевали очень красиво, двое были одеты в мужские костюмы и двое – в женские»⁴⁹.

Запечатлел Платтер и театр «Куртина»⁵⁰: «В другой день, недалеко от нашей гостиницы, в пригороде у Бишопгейт, если я правильно помню, я видел другую пьесу, в которой показывали разные народы и англичанина, сражавшегося за прекрасную даму...»⁵¹. И далее очень любопытный пассаж, наглядно свидетельствующий о принадлежности Платтера к немецкому культурному

пространству: «он [англичанин] победил всех, кроме немца, который выиграл даму в поединке и сел подле нее... Потом они чудесно танцевали английские и ирландские танцы»⁵².

Путешественник вообще много пишет о театрах. В частности, он отмечает, что «каждый день в Лондоне в полдень разыгрывают три пьесы в разных местах. У них конкуренция и те, кто играют лучше, получают сцену, и зрителям лучше видно. Там есть галереи и другие места, где сидеть удобнее, и они, соответственно, дороже. Те, кто желают стоять, платят один пенни, те, кто сидеть – входят через другую дверь и платят еще пенни. А тот, кто хочет сидеть с комфортом на подушках, где не только видно ему, но и видно его, он платит еще пенни у другой двери. Во время представления публику обносят едой и напитками, за плату можно подкрепиться хорошо. Актеры одеты богато и красиво... Сколько времени они проводят, развлекаясь в театрах, знает каждый, кто хоть раз видел, как они играют»⁵³.

Повышенный интерес лондонцев к театру, зафиксированный Платтером, далеко не случаен. Театр всегда являлся художественным выражением общественно значимых мыслей, идей, творческой атмосферы. Законы театрального творчества чутко реагировали и отображали окружающую действительность. Театральная переработка накопленного социального опыта, превращение его в предмет эстетической рефлексии происходит в определенных пространственных границах. Театральное пространство, будучи пространством творческого освоения реальности, входит в культурное пространство, является одним из системообразующих факторов культурного пространства и занимает важное место в его структуре⁵⁴.

В последние десятилетия XVI в. драматургия, синтез передовых гуманистических идей и народной драмы, становится самым демократическим видом искусства благодаря массовому характеру, который приобрел к концу века английский театр. В елизаветинскую эпоху происходит становление публичного профессионального театра, актерские труппы обзаводятся собственными помещениями. В 1576 г. актер Дж. Бербедрж выстроил первое театральное здание; к концу XVI – началу XVII в. в Лондоне насчитывалось около 20 театров, среди них – «Театр», «Куртина», «Глобус», «Лебедь» и др. С театральных подмостков звучали злободневные темы, ставились комедии Дж. Лили и Р. Грина, трагедии Т. Кида и К. Марло, разные по жанру пьесы У. Шекспира и Б. Джонсона, вобравшие в себя лучшие традиции средневековой городской драмы, но выражавшие новое, гуманистическое понимание природы человека и искусства⁵⁵.

Много внимания Томас Платтер уделяет и другим лондонским развлечениям, формирующим пространство повседневной культуры города.

Как особые забавы лондонцев он описывает петушиные бои и травлю медведя английскими

мастифами, отмечая, что места для таких развлечений обустроены как театр, привлекая множество участников и зрителей⁵⁶.

По наблюдению Томаса Платтера, в Лондоне «есть великое множество гостиниц, таверн и пивных на открытом воздухе, где можно хорошо развлекаться едой, выпивкой, игрой на скрипке и прочим»⁵⁷. Например, сообщает он, «на наш постоянный двор почти каждый день приходили музыканты»⁵⁸.

Утром 6 октября Томас посетил Тауэр, «очень величественный и хорошо укрепленный»⁵⁹. Судя по всему, Тауэр особенно запомнился Платтеру: он подробнейшим образом, в деталях, описал его коллекцию оружия, мебели, гобеленов, монетный двор и зверинец⁶⁰. Обращают на себя внимание два момента. Во-первых, Томас Платтер скрупулезно фиксирует все, что связано с королевскими особами Англии – Генрихом VIII и Елизаветой I. Он особо подчеркивает, что «... нам [путешественникам] показали настоящее оружие Генриха VIII⁶¹: его щит, который был «очень тяжелый», железный шлем, нагрудные щиты и перчатки, искусно сделанный жезл, множество боевых топориков, 10 больших оружейных стволов и пистолы, а также «огромный железный трон короля»⁶². В зале, «украшенной гобеленами, среди которых я видел очень дорогой, расшитый золотом», были «стул и кресло Елизаветы, чудесное кресло со скамеечкой для ног... три сундука, полных всякой всячины: рукоятей для кроватей, гирлянд для украшений кроватей, дорогих подушек, расшитых жемчугом и драгоценными камнями. В другом сундуке мы видели две подушки, расшитые золотом, сделанными по форме согнутых дукатов с королевским гербом и множество других милых вещиц, богато украшенных. Они все очень дорого стоят, поскольку на их изготовление пошло много золота...»⁶³. Чувствуется, что Платтер с большим трепетом относится к Елизавете. В его восприятии она – широко образованная, просвещенная, ценительница прекрасного – является своеобразным центром очень важной части культурного пространства Лондона (как, впрочем, и всей Англии).

Во-вторых, где только возможно, Томас Платтер подчеркивает достижения представителей немецкой культурной среды. Так, при описании монетного двора в Тауэре, «где видели, как делают разные деньги»⁶⁴, он посчитал необходимым, не без некоторой гордости, упомянуть о печи – «изобретении немцев, в которой металлические куски прямоугольной формы, помещенные в опалубку, чтобы не треснули, закаляются, а прямой огонь в печь не попадает»⁶⁵. Здесь можно говорить о локальном культурном пространстве, которое присутствует у Платтера (как и у любого человека) в качестве чувства «малой родины», «корней предков» и в рамках которого осуществляется культурная идентификация⁶⁶.

Все повествование Платтера свидетельствует

о том, что важнейшим элементом городского культурного пространства (и главным ориентиром) для него является Темза. Сообщая о посещении той или иной лондонской достопримечательности, он обязательно указывает ее месторасположение относительно реки. Так, Тауэр расположен «... недалеко от Темзы...»⁶⁷, королевская церковь Вестминстера «... находится к западу от Темзы»⁶⁸, Уайт-холл «... расположен выше моста через Темзу...»⁶⁹.

Именно по Темзе в основном перемещались гости столицы, и Томас Платтер не исключение. «Посмотрев на все это, мы направились по Темзе к себе в гостиницу»⁷⁰, «И потом вернулся по Темзе к себе в гостиницу»⁷¹ – читаем в его «Путешествиях». Платтер прямо пишет, что «... более привычно пересекать реку и двигаться вдоль по реке...»⁷²; «... и я сам проплыл на большой галере вдоль всего города от пригорода св. Екатерины до моста...»⁷³. При этом лодочники, конкурируя друг с другом, стремятся создать максимально возможные удобства для «туристов»: «... каждый [лодочник] норовит первым ухватить клиента, так как любой может выбрать лодку на свой вкус, а у каждого лодочника есть привилегия: по прибытии поместить свою лодку в наивыгоднейшем месте, чтобы было удобно наступать в нее клиентам. Ялики внутри чудесно убраны гобеленами и вышитыми подушками, уложенными на сиденьях, где удобно прилечь или облокотиться. На лавках могут сесть только два человека, напротив друг друга, а над лодками можно установить крышу для защиты от дождя или яркого солнца. В них очень удобно путешествовать, а управляют лодками один или два лодочника»⁷⁴.

С Темзой неразрывно связан еще один, важнейший для восприятия путешественника, элемент культурного пространства Лондона – мост: «Над рекой построен... мост...»⁷⁵, «мост через реку...»⁷⁶, с моста «... в трех местах можно спуститься на реку...»⁷⁷. Такое внимание Платтера к мосту далеко не случайно. Ведь в любом городе это важнейший элемент в системе городских фортификаций, в системе водных коммуникаций, это также предмет гордости горожан и символ авторитета, престижа города и городского сообщества⁷⁸.

Платтер наделяет Лондонский мост несколькими эпитетами и характеристиками, давая его довольно подробное описание: «... чудесный мост»⁷⁹, «мост... каменный, длинный, с 20 арками...»⁸⁰, с башней «в центре [моста]»⁸¹. И «... водная башня, через которую проходит водопровод, тоже находится на этом мосту...»⁸².

Таким образом, описание английской столицы, оставленное Томасом Платтером, представляет собой своеобразный «взгляд со стороны» на лондонскую действительность конца XVI в., позволяющий получить представление о характере города, в том числе в части, касающейся его культурного пространства. В целом, Платтер обращает внимание и дает отчет о тех местах, которые в

Лондоне не могли игнорировать путешественники и которые входили в стандартную поездку по городу, предлагавшуюся всем гостям. Это Темза, Лондонский мост, Тауэр, Вестминстер, Уайтхолл, собор св. Павла, Гилдхолл, Темпл, театры в Саутворке и Айлингтоне. К этим обязательным элементам городского культурного пространства Томас добавляет и некоторые другие: церкви, игорные дома, «...великое множество гостиниц, таверн и пивных на открытом воздухе...»⁸³. При этом Платтер, имеющий собственное культурное пространство – идеи, традиции, обычаи, порожденные его образованием и воспитанием в гуманистической среде, акцентирует внимание читателей не только на внешней культурной атрибутике Лондона, его архитектурных памятниках и их достопримечательностях, что само по себе, безусловно, важно. Культурное пространство города в восприятии Платтера имеет многослойную структуру, охватывая еще и театральное пространство, пространство живописи, музыки, отчасти образовательное и интеллектуальное пространства – все те пространства, которые включают в себя деятельностно-творческий элемент и, что сумел уловить и зафиксировать швейцарский путешественник, эволюционируют в меняющихся условиях конца XVI столетия.

Примечания

- 1 См.: Репина Л. П. Представления о прошлом и связь времен в историческом сознании // *Образы времени и исторические представления* : Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 9.
- 2 См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 270.
- 3 Прожил до 1628 года.
- 4 См.: URL: <http://www.biblicalstudies.ru/Books/Spitc0.html> (дата обращения: 15.02.2010).
- 5 См.: Thomas Platter's Travels in England // London 1066–1914 : Literary Sources and Documents / X. Baron : in ed. and with introd. by 2 vols. Mountfield, 1997. V. 1 : Medieval, Tudor, Stuart and Ge800. P. 187–197.
- 6 Чернова Л. Н. Городское пространство Лондона конца XVI века в восприятии современника (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 30–35.
- 7 Надо отдать должное Платтеру: когда он не был уверен в чем-то, о чем писал, обязательно подчеркивал это, не боясь предстать в невыгодном свете. «Если я правильно запомнил», «если я правильно помню» – фразы, иногда встречающиеся в «Путешествиях» швейцарца.
- 8 Thomas Platter, A Swiss Tourist in London. URL: http://www.wnorton.com/college/english/nael/16century/topic_4/tplatter.htm (дата обращения: 20.10.2011).
- 9 Подробнее об этом см.: Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1973 ; Thomson J. The Transformation of Medieval England. 1370–1529. N. Y., 1983 ; Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI вв.). Саратов, 1983 ; Дмитриева О. В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI веке. М., 1990 ; Евсеев В. А. Английский город в Тюдоровскую эпоху: Регионы и города. Иваново, 1995 ; *Он же*. Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново, 2010 ; Barron C. M. London in the later middle ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2004 ; Shevchenko O. F. From the Middle Ages to the Renaissance. Kyiv, 2010 ; Винокурова М. В., Дмитриева О. В. Федосов Д. Г. Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV–XVI веке // *Всемирная история* : в 6 т. Т. 3 : Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 197.
- 10 Thomas Platter's Travels in England. P. 188.
- 11 Ibidem.
- 12 Thomas Platter, A Swiss Tourist in London. URL: http://www.wnorton.com/college/english/nael/16century/topic_4/tplatter.htm (дата обращения: 20.10.2011).
- 13 См.: Чернова Л. Н. Указ. соч. С. 30.
- 14 Thomas Platter's Travels in England. P. 197.
- 15 Ibid. P. 194.
- 16 См.: Юсим М. А. События и перемены в духовной жизни Европы : Возрождение, Реформация, Контрреформация // *Всемирная история* : в 6 т. Т. 3 : Мир в раннее Новое время. С. 69.
- 17 См.: Бовыкин Д. Ю. Повседневная жизнь Европы в XVI – XVII веках // Там же. С. 113.
- 18 Thomas Platter's Travels in England. P. 188.
- 19 Ibid. P. 189.
- 20 Ibid. P. 194.
- 21 Ibidem.
- 22 Ibid. P. 191.
- 23 Ibidem.
- 24 Ibid. P. 194.
- 25 Ibidem.
- 26 Ibidem.
- 27 Ibid. P. 192. Очевидно, речь идет о знаменитой Белой башне, самой старинной части Тауэра, построенной в 1078 г. как крепость и личная резиденция Вильгельма Завоевателя. Здесь размещена интереснейшая коллекция оружия, доспехов и орудий пытки.
- 28 Ibidem.
- 29 Ibid. P. 195.
- 30 Ibid. P. 189.
- 31 Ibid. P. 195.
- 32 Ibid. P. 189.
- 33 Ibidem. Во второй половине XVI в. число приезжих из других стран росло в Лондоне в геометрической прогрессии: пивовары, переплетчики и ткачи из Нидерландских провинций, портные и вышивальщики из Франции, оружейники, красильщики стекольщики из Италии и т. д. (см.: *Акройд П.* Лондон. Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М., 2007. С. 134).
- 34 Thomas Platter's Travels in England. P. 196.
- 35 Часовня Генриха VII, заложенная в 1503 г. по приказу самого короля, расположена в восточной части храма

- и является самым изящным дополнением Аббатства. Генрих был захоронен здесь в 1509 г., рядом со своей супругой, Елизаветой Йоркской. Невероятно сложный, мелкой работы, геометрический орнамент сводов в виде веера, украшенный гербами дома Тюдоров и резными кулонами, – единственный во всей Англии. Напомним, что надгробие Генриха VII выполнил приглашенный в Англию итальянский мастер Пьетро Торриджано.
- ³⁶ Thomas Platter's Travels in England. P. 197. Как известно, в храме в течение более чем 600 лет короновались английские короли, и здесь же захоронено большинство из них.
- ³⁷ См.: Кидсон П., Мюррей П., Томпсон П. История английской архитектуры / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2003. С. 102–112.
- ³⁸ Thomas Platter's Travels in England. P. 193.
- ³⁹ Ibid. P. 194.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² За время пребывания в Англии (1526–1528 и 1532–1543 гг.) он написал серию портретов, среди которых – портреты Т. Мора и его семейства, архиепископа Кентерберийского, астронома Кратцера, несколько портретов Генриха VIII, королевы Джейн Сеймур, Эдуарда VI, герцога Норфолка, Анны Клевской, Кристины Датской и др. Живописные произведения Гольбейна отличаются тонкой выработкой рисунка, пластичной моделировкой, прозрачностью светотени, сочностью и шириной кисти. Его рисунки полны едкого сарказма, тонкой наблюдательности и, несмотря на свою жизненную правду и индивидуальность, поражают красотой формы и отделки.
- ⁴³ По большей части писал маленькие круглые миниатюры, но среди его работ встречаются и несколько крупных (около 15 см) и, по крайней мере, два полноформатных поясных портрета королевы Елизаветы.
- ⁴⁴ Thomas Platter's Travels in England. P. 194.
- ⁴⁵ Ibid. P. 195.
- ⁴⁶ Ibid. P. 195–196.
- ⁴⁷ Ibid. P. 196.
- ⁴⁸ Ibidem.
- ⁴⁹ Ibid. P. 195.
- ⁵⁰ Название «Куртина» можно перевести и как «участок крепостной стены» (театр находился вне городских стен), и как «театральный занавес».
- ⁵¹ Thomas Platter's Travels in England. P. 195.
- ⁵² Ibidem.
- ⁵³ Томас Платтер, швейцарский путешественник в Лондоне. URL: http://www.wwnorton.com/nael/16century/topic_4/tplatter.htm (дата обращения: 20.10.2011).
- ⁵⁴ См.: URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/589-cultural-space-structure-determination-of-specificity.html> (дата обращения: 25.03.2012).
- ⁵⁵ См.: Винокурова М. В., Дмитриева О. В. Федосов Д. Г. Указ. соч. С. 211.
- ⁵⁶ Томас Платтер, швейцарский путешественник в Лондоне. URL: http://www.wwnorton.com/nael/16century/topic_4/tplatter.htm (дата обращения: 20.10.2011).
- ⁵⁷ Из дневника швейцарского гуманиста Томаса Платтера, побывавшего в Лондоне в 1599 году. URL: <http://antoin.livejournal.com/833454.html> (дата обращения: 20.10.2011).
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Thomas Platter's Travels in England. P. 191.
- ⁶⁰ Ibidem.
- ⁶¹ Ibid. P. 192.
- ⁶² Ibidem.
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ Ibid. P. 193.
- ⁶⁵ Ibidem.
- ⁶⁶ См.: Бродель Ф. Что такое Франция : в 2 т. М., 1994. Т. 1 : Пространство и история. С. 177. Отметим еще один любопытный факт: сообщая о приглашении в гости проживавшего в Лондоне теолога Х. Д. Медусиуса и его жены, Платтер особо замечает, что она «родом из Гейдельберга» (Thomas Platter's Travels in England. P. 191).
- ⁶⁷ Ibidem.
- ⁶⁸ Ibid. P. 196.
- ⁶⁹ Ibid. P. 193.
- ⁷⁰ Ibid. P. 197.
- ⁷¹ Ibidem.
- ⁷² Ibid. P. 188.
- ⁷³ Ibidem.
- ⁷⁴ Ibid. P. 188–189.
- ⁷⁵ Ibid. P. 188.
- ⁷⁶ Ibid. P. 189.
- ⁷⁷ Ibidem.
- ⁷⁸ См.: Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 257–258.
- ⁷⁹ Thomas Platter's Travels in England. P. 188.
- ⁸⁰ Ibid. P. 189.
- ⁸¹ Ibidem.
- ⁸² Ibidem.
- ⁸³ Thomas Platter, A Swiss Tourist in London. URL: http://www.wwnorton.com/college/english/nael/16century/topic_4/tplatter.htm (дата обращения: 20.10.2011).

УДК 947(093)

МАСОНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ В XVIII ВЕКЕ

С. Е. Киясов

Саратовский государственный университет
E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам истории масонского движения в Германии XVIII века. Основное внимание сосредоточено на деятельности политического масонства.

Ключевые слова: немецкое масонство, политическое масонство, масонская конспирация, просветительская конспирация.

Masonry Movement in Germany of the 18th Century

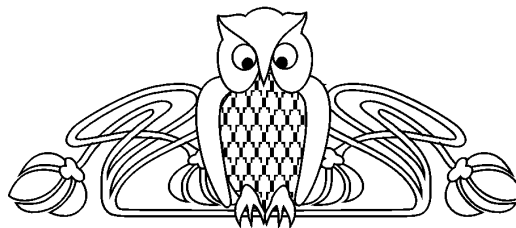
S. E. Kiyasov

The article studies the topical question of the masonry movement history in Germany of the 18th century. It particularly focuses on the activity of the political masonry

Key words: Germany masonry, political masonry, masonic conspiracy, enlightenment conspiracy.

Провозглашение Великой ложи Лондона (1717)¹ и публикация книги масонских «Конституций» Джеймса Андерсона (1723)² заложили прочные основы общеевропейской деятельности масонских структур. В короткое время новомодное интеллектуальное движение, перешагнув границы Великобритании, заявило о своём присутствии во Франции и Дании, в Испании и Голландии, в России и Польше. Весьма широкое распространение обновлённое масонство получило также на территории германских государств³.

Как установили специалисты, формирование масонских структур в Германии обладало особой спецификой. Нация философов и поэтов, не оставлявшая мечты о государственном единении, изобрела собственный путь развития Ордена «вольных каменщиков». В первую очередь, он предусматривал опору на мистицизм и религиозную экзальтацию, столь несвойственные европейским братьям-просветителям, но укоренившиеся в общественной жизни германских государств со времен Реформации. Идею наследие популярных немецких писателей-мистиков – Валентина Андреэ, Якоба Беме, Иоганна Арндта, Валентина Вейгеля, Георга Фридриха Ретцеля, Иоганна Конрада Диппеля, Карла фон Эккартсгаузена – надолго подчинило себе местные масонские ложи⁴. Вместе с тем, зарождение регулярного масонского движения на территории Германии, в частности в Пруссии, было обусловлено английским влиянием. Заметим, что данное обстоятельство ставит под сомнение утверждение старшего поколения немецких историков, которые отстаивали при-

оритеты «своего» масонства, якобы связанного с эволюцией местных ремесленных союзов⁵.

Первым «спекулятивным» масоном Германии по праву признаётся граф Альбрехт Вольфганг Шаумбург-Липпе, инициация которого состоялась в Лондоне⁶. Однако сами масонские ложи на немецкой земле впервые появилась в Гамбурге, жители которого находились в тесных торговых отношениях с Лондоном. Начальные шаги в этом направлении были предприняты гроссмейстером лондонской Великой ложи графом Стрэтмуром (Strathmore), который в 1733 г. выдал патент одиннадцати немецким масонам для основания «правильной» ложи в этом городе. В Великой ложе Англии новая дочерняя структура была зарегистрирована в официальном реестре⁷. Инсталляция гамбургской ложи состоялась значительно позже, в декабре 1737 г. Её осуществил Карл Людвиг Сарри (Sarry) – прусский чиновник и сын французского эмигранта-гугенота⁸. В 1740 г. ложу возглавил Матиас Альбрехт Лютманн, получивший статус Великого Провинциального мастера для Гамбурга и Верхней Саксонии. После этого данная масонская структура получила библейское имя «Абесалом»⁹.

Наиболее крупным успехом первых немецких «вольных каменщиков» стало привлечение в свои ряды и инсталляция наследника прусского престола. В этой роли выступил кронпринц и будущий король Фридрих II Великий (1712–1786). Правопреемник короны одного из крупнейших германских государств был посвящен 14 августа 1738 г. на заседании материнской Немецкой ложи в Брауншвейге. Вслед за этим Фридрих создал и возглавил собственную, частную ложу в замке Рейнсберг, открывшую историю масонства на территории самой Пруссии.

Причастность царственной особы к масонству обеспечила ложам большую популярность не только в Пруссии, но и в других немецких землях. Вслед за Фридрихом, который покровительствовал масонству, в ложи вступили многие короли, герцоги и курфюрсты разрозненной Германии. Со стороны тогдашних противников масонства, которых оказалось немало и в Пруссии, подобные пристрастия влиятельного монарха способствовали даже его причислению к разряду «ненавистников христианского закона»¹⁰.

В течение нескольких лет после появления масонской ложи в Гамбурге большинство немец-

ких земель также получили аналогичные структуры. В числе первых были открыты масонские ложи в Берлине, Альтенбурге, во Франкфурте-на-Майне и Франкфурте-на-Одере, в Марбурге, Лейпциге, Байрейте и Дрездене. Любопытно, что немецкие ложи испытывали немалое влияние со стороны французского Клермонского Капитула. Во всяком случае, историки отмечают наличие в Германии ранних масонских структур, которые назывались по-французски и вели свою работу на языке соседней страны. В качестве примера такой ориентации можно привести ложу «К Солнцу» («Au Soleil») в Байрейте¹¹. Правда, в отличие от оригинального варианта, который насчитывал во Франции только шесть степеней посвящения, немецкая модификация Клермонского Обряда состояла уже из десяти градусов¹².

В 40-х гг. XVIII в., то есть спустя десятилетие с момента начала своей успешной работы, немецкие масоны сумели приобрести значительную самостоятельность. В 1744 г. берлинская ложа «К трем Глобусам» (Zu den drei Weltkugeln), гроссмейстером которой был сам король Фридрих, приняла имя «Великой Материнской Королевской ложи». С этого времени в Германии появляются первые национальные масонские обряды, которые приобретают большое влияние не только на родине, но и за рубежом: во Франции, Австрии, Швеции, России. Поиск и раскрытие масонской тайны, культ послушания, появление в обрядовых церемониях рыцарских «высоких степеней», мистицизм – вот круг интересов немецких «вольных каменщиков».

В 1751 г. в Германии начинается эра масонского «строгочисления», открытая деятельностью барона К. Г. фон Хунда (1722–1776). Он попытался продолжить дело шотландца М. Рэмси (1686–1743) и внедрить в ложах «вольных каменщиков» не только рыцарские традиции, но и практику обязательного «послушания» таинственным лидером якобы воссозданного во Франции Ордена тамплиеров. Новый обряд пользовался большой популярностью среди немецких аристократов, которые преобладали в местных ложах. В частности, по этой системе с 1766 г. работала берлинская Великая ложа, которая получила новое название – Великая Материнская Национальная ложа. Ее гроссмейстером в 1772 г. стал герцог Фердинанд Брауншвейгский.

Основополагающие догматы Обряда «строгочисления» были пересмотрены и отменены, как не соответствующие масонским традициям, только на конгрессе «вольных каменщиков» в Вильгельмсбаде (1782)¹³. Значительный удар по системе Хунда нанес также один из ее первоначальных лидеров – Иоганн Вильгельм Циннендорф (1731–1782). Бывший военный врач, посвятивший себя масонству, этот человек занимал в берлинской Великой ложе, принявшей Обряд «строгочисления», пост мастера-казначей. Не сумев отчитаться по финансовым документам,

Циннендорф 6 мая 1767 г. был исключен из Ордена¹⁴. Оказавшись в опале, он подверг критике устои «тамплиерской легенды» Хунда и разработал собственный ритуал. В его основу легли положения хорошо знакомого в Германии Шведского Обряда¹⁵. В 1770 г. сторонники Циннендорфа создали независимую от «строгочисления» структуру, объединенную под верховенством Почтенной Великой Национальной ложи Франкмасонов Германии¹⁶. Гроссмейстером новой Великой ложи стал принц Л. К. Гессен-Дармштатский.

Действия Циннендорфа получили негласное одобрение короля Фридриха Великого, крайне недовольного возросшей таинственностью, а также чрезмерным разобщением прусского масонства. Существенная поддержка новой инициативе была оказана и со стороны Великой ложи Англии, которая, не обращая внимания на недавние «тамплиерские симпатии» Циннендорфа, согласилась выдать патент на открытие под его началом «правильной» Великой ложи в Берлине. Новый обряд получил известность не только в Пруссии и в Англии, но также в большинстве стран Центральной и Восточной Европы (Австрия, Польша, Россия). Очередной реформатор немецкого масонства скончался в зените славы в Берлине 6 июня 1792 г. во время заседания созданной им Великой ложи.

Помимо вышеперечисленных масонских обрядов, которые сыграли решающую роль в становлении движения «вольных каменщиков» в Германии, следует назвать и некоторые другие, менее известные. Например, в 1770 г. здесь открыл свою работу Возрожденный Египетский Обряд посвящения, известный как Crata Repoa (Божественное безмолвие). Он был создан усилиями поклонников древних мистерий, провинциальных дворян К. Ф. фон Кеппена и Й. В. фон Химмена. Претендовавший на оригинальность и древнее происхождение, этот Обряд состоял из семи степеней посвящения¹⁷. В 1787 г. в Лейпциге был образован Обряд Немецкого Союза, состоявший из шести степеней. Его основателем стал Карл Фридрих Бардт (1741–1792). Еще один масонский союз – Обряд Берлинского Совершенства – был основан И. Фесслером в 1798 г. В начале XIX в. его работа была перенесена на территорию Российской империи, захватив своим влиянием не только её столицу, но и некоторые провинциальные города¹⁸.

Однако самая значительная страница в истории германского масонства XVIII столетия, безусловно, связана с деятельностью Адама Вейсгаупта (1748–1830). Страстный поклонник материалистических, естественно-правовых и эгалитарных идей К. Гельвеция, Г. Б. де Мабли и Ж.-Ж. Руссо, он не без основания полагал, что философские концепции не в состоянии изменить существующее в обществе неравенство¹⁹. С целью практического преобразования мира в 1776 г. Вейсгаупт, будучи профессором университета в Ингольштадте (Бавария), создал тайное обще-

ство, известное как Орден иллюминатов. Осуществление возвышенных идеалов Просвещения предполагалось путем постепенного морального и нравственного перевоспитания людей. Идея политического переворота решительно отвергалась, так как свобода, по мнению Вейсгаупта – благо, которое народы не могут сразу освоить²⁰. Достижению стратегических целей была подчинена организационная структура Ордена. Поначалу иллюминаты были разделены на три степени, которые должны были соответствовать их моральному росту: Послушник, Ученик Минервы или Минервал и Просветленный Минервал²¹. Со временем Орден иллюминатов претерпел заметные организационные изменения. Он все больше напоминал рыцарско-тамплиерскую систему М. Рэмси и К. Хунда, известную в Германии как «строгое послушание»²². В то же время «просветленные» выступали в качестве продолжателей традиций мистического иллюминизма, заложенных деятельностью масонского Ордена мартинистов во Франции. Во всяком случае, их лидеры явно симпатизировали проповедям таких популярных масонских мистиков XVIII в., как Ж. Б. Виллермоз, М. Паскалли и Л. К. де Сен-Мартен.

Окончательные организационные параметры Орден иллюминатов приобрел в 1781 г. К этому времени Адам Вейсгаупт и его соратник Адольф Фрейхерр фон Книгге осуществили важные структурные реформы, превратившие иллюминатов в участников мощной конспиративной организации²³. Деятельность ее адептов была прикрыта не только строгой дисциплиной²⁴, но и системой тайнописи. Специальный шифр кодировал не только буквы алфавита, но и цифры²⁵. Иллюминатами был также принят особый календарь. Он состоял из двенадцати месяцев и начинал летоисчисление с 21 марта 630 года. Его начальными датами было признано правление персидского царя Ездгерда III (Jezdegard)²⁶. Заметим, что принципы нового календаря, отвергавшие католические традиции, в точности соответствовали более позднему замыслу французских революционеров Сильвена Марешала²⁷ и Шарля Ромма²⁸. Орден был разделен на три класса и двенадцать уровней посвящения. В первый класс были включены старые степени организации: Послушник, Минервал и Просветленный Минервал. Второй класс становился исключительно масонским – это был как бы промежуточный Орден. Он состоял из пяти степеней: Ученик, Подмастерье, Мастер, Шотландский рыцарь св. Андрея, Шотландский рыцарь Храма. В третьем классе реформаторы выделили два разряда мистерий, являвшихся собою руководящий Ареопаг. Малые мистерии состояли из степеней Просветленного Жреца и Просветленного Принца; высокие – включали в себя степени Мага-Философа и Повелителя (Homme Roi)²⁹. Все ключевые участники организации получили тайные конспиративные имена, напоминающие о подвигах героев античной истории. Так, Вейс-

гаупт был известен как Спартак; его ближайший сподвижник Франц Ксавье Цвак принял имя известного римского республиканца Катона; Книгге выступал под маской иудейско-эллинистического философа Филона Александрийского (Philo)³⁰.

Таким образом, инициатива Вейсгаупта–Книгге положила начало возникновению особой разновидности псевдомасонства, главной задачей которого стало прикрытие Ордена иллюминатов, а впоследствии – и других тайных политических организаций во многих странах Европы. Подобная особенность конспиративной тактики иллюминатов не ускользнула от внимания современников. Например, аббат О. Баррюэль, известный критическим восприятием революционных событий во Франции, подчеркивал в своих мемуарах, что сторонники Вейсгаупта «прикрывают себя завесой франкмасонства для того единственно, чтобы быть в безопасности»³¹. Такая оценка деятельности иллюминатов не является единственной. Некоторые исследователи, напротив, считали сторонников Вейсгаупта и Книгге самыми настоящими масонами, только особого, радикального направления. Именно такая характеристика иллюминизма прозвучала на советско-итальянской конференции историков в 1966 г. В частности, её озвучил и поддержал известный отечественный специалист в области истории общественно-политической мысли В. М. Далин³².

В 1782 г., на масонском конгрессе в Вильгельмсбаде, иллюминаты, вдохновляемые Адольфом фон Книгге, попытались подчинить себе ложи «строгости послушания», но потерпели неудачу. В 1784 г. указом герцога Карла Теодора Баварского, вынужденного вмешаться в развитие событий, Орден иллюминатов был запрещен, а его архивы захвачены и опубликованы. Сам Адам Вейсгаупт бежал за пределы Баварии. Он провёл остаток жизни в изгнании, в Готе, занимаясь литературным творчеством при дворе своего влиятельного покровителя и масона Эрнста Саксен-Готского³³.

Раскрытие конспиративной деятельности иллюминатов стало ярким свидетельством несостоятельности радикально-заговорщической просветительской программы, ставившей во главу угла попытку осуществления политического переворота. Помимо всего прочего, эта неудача – еще одно подтверждение несправедливости обвинений масонов в подготовке каких бы то ни было революционных волнений. Совершенно очевидно, что регулярные ложи «вольные каменщики» никогда не являлись тайным обществом, преследующим политические цели. Как и в случае с иллюминатами в Баварии, а позже – с карбонариями («угольщиками») в Италии, а также декабристами в России, их структура служила лишь прикрытием заговорщической деятельности.

Весьма резкую оценку политическим усилиям иллюминатов дали сами регулярные масоны. Об этом свидетельствует текст «Циркуляра об иллюминатах в Германии», распространенный в

1787 г.³⁴ Авторы документа характеризуют Орден иллюминатов в качестве «вредоносной секты», которая отвлекает истинный Орден от «чистой Христианской Религии»³⁵. Столь же отрицательно были оценены стремления Вейсгаупта к «необузданной независимости от светской и духовной власти». Приверженцы иллюминатов названы «ложными просветителями» и даже «душеубийцами»³⁶. Все истинные масоны призывались «противостоять врагу» и следовать собственной морали, которая предусматривала служение «Учению и образу Спасителя и Мастера нашего Иисуса Христа»³⁷.

В отличие от Пруссии, в империи австрийских Габсбургов масонство так и не получило поддержки со стороны правящей элиты. Наиболее известным австрийским масоном был и остаётся В. А. Моцарт (1756–1791). Гениальный музыкант и композитор, он оставил после себя блестящие образцы так называемой «масонской» музыки, которые бережно сохраняются в современной мировой культуре. В классической опере «Волшебная флейта» Моцарт наполнил сказочный сюжет серьезными морально-философскими идеями, своими заветными мыслями. Под влиянием философии масонского просветительства композитор явно проникся идеалами равенства, братства людей, верой в изначальность добра, возможность нравственного совершенствования человека, в конечном торжество света и разума³⁸.

Поначалу блажелательное отношение к масонству сформировалось также у молодого императора Иосифа II. Однако в 1784 г., напуганный возросшим политическим влиянием «вольных каменщиков», он распустил и запретуил масонский Орден в пределах Священной Римской империи. После революционного взрыва во Франции, который изначальню приписывался козням масонов и иллюминатов, тайные общества на территории империи были окончательно запрещены императором Францем³⁹. По-видимому, свою роль в антимасонских настроениях сыграл также дуалистический характер Дунайской монархии, на территории которой ложи «вольных каменщиков» могли легко превратиться в собрания мятежных сепаратистов.

Вне всяких сомнений, масонское движение оказало глубочайшее влияние на общественно-политическую и культурную жизнь большинства германских государств. По-настоящему глубокий след идеология «вольных каменщиков» оставила на страницах сочинений блистательных представителей немецкой литературы и классической философской мысли рубежа XVIII–XIX столетий – Г. Э. Лессинга (1726–1781), И. Г. Гердера (1741–1803), И. В. Гёте (1749–1832), И. Г. Фихте (1762–1814)⁴⁰.

Примечания

¹ Calvert A. F. The Grand Lodge of England. L., 1917.

² The Constitutions of the Free-Masons. Containing the

History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. L., 1723.

³ Традиции немецкой масонской историографии, сложившейся в XIX столетии, успешно развивают новейшие специалисты – см.: *Reinalter H.* Die Freimaurer. München, 2006; *Kottmann K.* Freimaurer und die katholische Kirche. Frankfurt am Main, 2009; *Shreffler H.* Der Papst und die Freimaurer. Innsbruck, 2010; *Digruber K.* Die Freimaurer und ihr Ritual. Berlin, 2011; *Gaspard J.* Freimaurer und illuminaten. Berlin, 2011. etc.

⁴ Сочинения этих авторов были популярны в России – см.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 267. К. 8–14; Ф. 237. К. 22 и др.

⁵ *Финдель И. Г.* История франк-масонства от возникновения его до настоящего времени : в 2 т. / пер. со 2-го нем. изд. СПб., 1872–1874.

⁶ См.: *Перцев В. Н.* Немецкое масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. / под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М., 1914–1915. Т. 1. С. 66. Позднее этот прусский аристократ, наряду с бароном фон Обергом, сыграл решающую роль в привлечении в Орден юного и романтического кронпринца Фридриха, будущего короля Пруссии.

⁷ Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie publié sous la direction de *D. Ligou*. P., 1987. P. 30.

⁸ *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P., 1987. P. 113.

⁹ Ibidem. В тексте третьего издания книги «Конституций» (1756) оговаривается, что под этим названием ложа в Гамбурге была зарегистрирована 23 октября 1740 г. См.: The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digisted By Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges. By *James Anderson*, D. D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By *John Entick*. L., 1756. P. 337.

¹⁰ [Баррюэль О.] Вольтерианцы или история о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. С французского последнего исправленного и вновь умноженного издания : в 12 ч. ; пер. с фр. М., 1805–1809. Ч. I. С. XXVI (Предупреждение).

¹¹ *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie... P. 114. В Байрейте (Bayreith) действует один из крупнейших масонских музеев Германии. Не менее известен в этой стране масонский музей в Сент-Михаэлисонне (St. Michaelisdonn).

¹² См.: *Vaùm A.* Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств : их ритуалов, литературы и истории / пер. с англ. СПб., 2003. С. 102. Об этом влиянии свидетельствует текст немецкой книги «Конституций», который был частично скопирован с французского издания 1736 и 1741 гг. Жана Кюэнена. См.: [*Quenen J.*] Verordnungen, Geschichte, Gesetz, Pflichten der Bruderschaft Freinmurer. Frankfurt und Leipzige, 1744. О «двуязычии» первых

- немецких лож свидетельствуют размещенные здесь тексты французских масонских песен (S. 293–302).
- 13 Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie... P. 114. Подробнее о конгрессе – см.: Hammermayer L. La crise de la Franc-Maçonnerie Européenne et le convent de Wilhelmsbad (1782) // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie / Revue annuelle publiée par la Société française d'Étude du XVIII siècle. № 19. P., 1987. P. 73–95.
- 14 См.: Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства... С. 75.
- 15 Шведский Обряд был известен и в России. Эта система утверждала свое прямое происхождение от Ордена рыцарей Храма и насчитывала десять степеней посвящения. В НИОР РГБ имеется описание Второго символического градуса этого Обряда на французском языке (Ф. 147. Ед. хр. 69. Л. 55–77).
- 16 Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie... P. 1271.
- 17 См.: Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства... С. 60–63. По-видимому, влияние немецких масонов позже испытал на себе создатель Египетского Обряда Калиостро. Книга под соответствующим названием была дважды выпущена ограниченным тиражом в России. См.: [Кеппен К. Ф.] Крата Репоа или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов / пер. с нем. М., 1779; Он же. Crata Repoa, или Каким образом в древние времена происходило в таинственном обществе посвящение египетских жрецов / пер. с нем. СПб., 1779.
- 18 О масонской деятельности Фёсслера в России см.: Горбачев Д. В. И. А. Фесслер – немецкий мыслитель и общественный деятель // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 217–224.
- 19 В письме от 29 марта 1778 года, адресованному иллюминату Цваку, Вейсгаупт говорит о мудрости Томаса Мора. В списке лучших авторов он также называл Т. Кампанеллу. См.: Die Korrespondenz des Illuminatenordens. Band 1: 1776–1781. Herausgegeben von Reinhard Markner, Monika Neugelauer-Wölk und Hermann Shüttler. Tübingen, 2005. S. 4, 9, 55.
- 20 См.: Ланда С. С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М., 1975. С. 264–265.
- 21 Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie... P. 1022. В древнеримской мифологии Минерва – богиня мудрости, покровительница наук, искусств и ремесел; она отождествлялась с древнегреческой Афиной.
- 22 Подражая тамплиерам, А. Вейсгаупт в 1781 г. вынашивал идею создания в Вене собственной финансовой структуры – банка, который, по его мнению, помог бы заручиться «протекцией императора». См.: Die Korrespondenz des Illuminatenordens... S. 401.
- 23 Их детали изложены в совместном сочинении, раскрывающем степени посвящения и историю Ордена иллюминатов. См.: Weishaupt A., Knigge A. von. Die neuesten Arbeiten des Spartacus und Philo in dem Illuminaten-Orden jetzt zum erstemal gedruckt und zur Beherzigung bey gegenwärtigen Zeitläuffen herausgegeben. München, 1794.
- 24 Строгие правила не исключали разрыва отношений. В переписке Вейсгаупта сохранились письма иллюмината и выдающегося австрийского дипломата, графа Йохана Людвиг фон Кобенцля (Арриан), который обсуждал проблему выхода из Ордена – см.: Die Korrespondenz des Illuminatenordens... S. 349–350.
- 25 Ibid. S. 75.
- 26 Die Korrespondenz des Illuminatenordens... S. 444. На самом деле, этот последний представитель династии Сасанидов (226–651 гг.) находился у власти с 632 по 651 г. После смерти царя Хосрова II (591–628) территория древнего Ирана переживала очередную смуту, в результате которой на троне побывали около десятка правителей. См.: История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. акад. В. В. Струве. Л., 1958. С. 69.
- 27 Этот радикально настроенный писатель и масон одним из первых в революционной Франции развенчал воскресенье и другие церковные праздники, призывая заменить их именами философов и революционеров. См.: Maréchal S. Almanach des républicains, pour servir à l'instruction publique. A Paris, 1793, № 4. P. I–XII. В его «святочках», первый вариант которых был опубликован в 1788 г., упоминаются Пифагор, Мор, Гус, Данте, Локк, Гоббс, Монтень, Вольтер, Руссо и многие другие выдающиеся мыслители-реформаторы.
- 28 Проект французского революционного календаря был рассмотрен и утвержден Конвентом 5 и 24 октября 1793 г. Его первый день – 22 сентября 1792 г. – совпал с провозглашением Республики. Каждый месяц делился на три декады и получил новые поэтические названия.
- 29 Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie... P. 1022. Сам Вейсгаупт, как знаменитый иезуит Лойола, носил титул Генерала ордена. См.: Die Korrespondenz des Illuminatenordens... S. 401.
- 30 Имена античных героев и философов (Брут, Пифагор, Анаксагор, Платон, Аристотель) неизменно пользовались большой популярностью в среде европейских интеллектуалов со времен Возрождения. Зачастую они использовались в текстах литературных мистификаций, в которых проповедовались самые радикальные теории.
- 31 [Баррюэль О.] Вольтерианцы... Ч. VI. С. 53–55. Детально рассмотрению заговорщических действий иллюминатов посвящена треть сочинения аббата-контрреволюционера.
- 32 Проблемы советско-итальянской историографии (материалы советско-итальянской конференции историков. 12–14 октября 1964 г.). М., 1966. С. 250–251. Виктор Моисеевич Далин высказал не менее интересное предположение о связях с иллюминатами участников «Социального кружка» К. Фоше и Н. Бонвилля, который действовал в годы Великой революции в Париже.
- 33 Weishaupt A. Über die Schrecken des Todes. Eine philosophische Rede. Nürnberg, 1786; Idem. Über Wahrheit und sittliche Vollkommenheit. Bd. 2. Regensburg, 1794. Исследователи склоняются к мнению, что последователями конспиративной тактики иллюминатов был создан знаменитый Тугендбунд – тайное общество, которое внесло значительный вклад в освобождение Пруссии от наполеоновской оккупации в 1813 г. См.: Берти Д. Демократы и социалисты в период Рисорджименто / пер. с итал. М., 1965. С. 137. В 1793 г. о своем присоединении к иллюминатам объявил один

- из лидеров немецких масонов «строгого послушания» Й. К. Боде.
- ³⁴ НИОР РГБ. Ф. 14 (Арсеньев В. С.). Ед. хр. 458. Л. 1–4.
- ³⁵ Там же. Л. 2–3.
- ³⁶ Там же. Л. 3.
- ³⁷ Там же. Л. 4.
- ³⁸ Другие образцы «масонской составляющей» творчества Моцарта – «Маленькая немецкая кантата», «Maurerische Trauermusik», «Zum Schluss der Freimaurerloge».

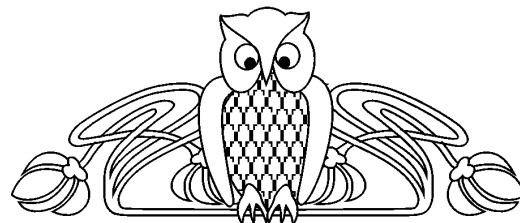
- ³⁹ Последний император Священной Римской империи (1792–1806); наследный император Австрии. См.: *Reinalter H. La Maçonnerie en Autriche // Dix-huitième siècle. La Franc-Maçonnerie...* P. 43–57. История австрийского масонства запечатлена в экспозиции музея в Цветтле.
- ⁴⁰ *Batley E. M. Lessing's Templars and the Reform of German Freemasonry // German Life and Letters. Juli, 1999.* P. 297–313.

УДК 94 (73)

КРИЗИСЫ 1930-Х ГОДОВ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВА США

С. О. Буранок

Московский государственный технический университет
имени М. А. Шолохова
E-mail: witch-king-1@mail.ru

В статье рассмотрена реакция общества США на кризисные моменты международных отношений 1931–1939 гг. Проанализированы оценки прессой и лидерами США агрессии Германии в Европе и Японии в Азии.

Ключевые слова: США, Вторая мировая война, Германия, Япония, Тихий океан, общественное мнение.

Crises of the 1930s in the Estimates of U. S. Society

S. O. Buranok

The article describes reaction of U. S. society to the crisis moments of international Affairs 1931–1939. U.S. media estimates analyzed the Germany's aggression in Europe and Japanese aggression in Asia.

Key words: USA, World War II, Germany, Japan, Pacific Ocean, public opinion.

В 1930-х гг. на процесс формирования в американском обществе образов, мифов и стереотипов восприятия как ситуации в своей стране, так и в мире в целом, оказывали влияние и ухудшающаяся международная обстановка и напряжённая ситуация во внутренней политике. Если в отношении к внутренним кризисам, таким как Великая депрессия, экономическая стагнация, «криминальная война» на Среднем Западе, позиция общественности была в общем стабильна, то в ситуации с восприятием внешней политики США наблюдается более сложная картина. В американском обществе 1930-х гг. по такой проблеме, как осознание угрозы войны, боролись две тенденции, выраженные «изоляционистами», с одной стороны, и «интернационалистами» – с другой. В данной ситуации особое влияние получала фигура президента США Франклина Рузвельта, который с большим вниманием относился как к европейским, так и дальневосточным делам.

Именно позиция президента определила общественные настроения и отношение к первому

серьёзному внешнеполитическому кризису 1930-х годов – «Маньчжурскому инциденту», в котором Рузвельт и близкие ему политические деятели США увидели уникальную возможность попытаться переориентировать с Китая на Советский Союз направление начавшейся японской агрессии. Важнейшим шагом здесь стала официальная позиция Госдепартамента США, которую чётко выразил государственный секретарь Г. Стивенсон – в американской прессе не должно быть критики действий Японии и никаких угроз¹. Поэтому, как пишет Г. Ф. Захарова, «правительство США не прибегало ни к чему такому, что хоть бы отдалённо напоминало угрозу или открытую критику»². Кроме того, после начала конфликта Лига Наций направляет японскому и китайскому правительствам телеграммы с предложением прекратить военные действия, а Японии вывести войска из Маньчжурии, т. е. были получены лишь «одинаковые предостережения»³. Ведущие газеты США точно исполнили просьбу. С самых первых сообщений о «Маньчжурском инциденте» симпатии были на стороне Японии: «Китайские войска атаковали японские части, и последние были вынуждены защищаться»⁴. В последующие дни развития конфликта (21–23 сентября) американская пресса даже советовала Японии начинать контрнаступление.

Подобные мысли озвучены на страницах «Washington Post», «New York Times»⁵. Сомнений в вине китайской стороны не было. Официальные заявления американских политиков также были благоприятны лишь для Японской империи – высказывалась надежда на разрешение конфликта силами японского и китайского правительств без вмешательства других стран⁶. В разгар японо-китайской борьбы (15 декабря 1931 г.) «Washington Post» снова публикует статью с «советами япон-

скому правительству»: «Для Японии главная задача, чтобы Маньчжурия была под контролем немилитаризованного китайского правительства, которое не препятствовало бы японским экономическим предприятиям»⁷.

Подобное отношение политиков и общественности США позволило Японии без особых проблем завершить оккупацию Маньчжурии и наметить следующую цель – Китай. Однако в отличие от территории Маньчжурии в Северном и Северо-Восточном Китае к середине 1930-х гг. сформировались устойчивые политические и экономические интересы, отдавать которые без борьбы руководство США не стремилось.

В связи с этим «Китайский инцидент» 1937 г. произвёл изменения как во внешней политике США, так и в сознании военно-политических деятелей⁸, но ситуация с общественным мнением и прессой была несколько иной. Важно отметить, что обозначаемые историками противоречия и напряжённость в японо-американских отношениях, появившиеся после 7 июля 1937 г., далеко не сразу были отмечены общественностью и СМИ США. Более того, в прессе Соединённых Штатов в период первой половины июля 1937 г. целая группа газет никакого значения случившимся столкновениям не придавала. Так, в алабамском издании «Tuscaloosa News» новости о Китае даже не попали на первую полосу (как и в калифорнийской «Berkeley Daily Gazette»⁹), а в небольшой заметке от 8 июля инцидент был представлен не как очередной этап агрессии Страны Восходящего Солнца, а как столкновения японских и китайских солдат, из-за которых японская армия вынуждена была начать наступление¹⁰.

Очень похожее отношение к ситуации на Дальнем Востоке прослеживается и в других газетах. «Bend Bulletin» (Орегон) сообщает, что из-за «сражений японских и китайских армий японцы вынуждены укреплять своё посольство в Пекине»¹¹, т. е. делают попытку представить Японию обороняющейся стороной. А в «Telegraph-Herald» была напечатана лишь японская версия случившегося 7 июля, где вся ответственность возлагалась на китайские войска¹². Видно, что, несмотря на развитие японской экспансии в период 1931–1937 гг., на сложности японо-американских отношений и формирование представлений о японской угрозе посредством военной публицистики, очередной шаг к расширению конфликта на Тихом океане был воспринят прессой США более чем спокойно. Продолжали господствовать тенденции восприятия образа японо-китайского противостояния, заложенные в 1931 г. В соответствии с ними в любой кризисной ситуации редакторами американских изданий «назначались» китайские генералы или, как максимум, объявлялись виновными обе стороны. Это позволяет говорить о том, что в период начала развития японо-китайской войны (июль – сентябрь 1937 г.) американское общество было не готово воспринимать Японию

как агрессора и оценивать действия на Тихом океане как угрозу Соединённым Штатам.

Ярким примером нового подхода к ситуации на Дальнем Востоке стала произнесённая 5 октября 1937 г. в Чикаго президентом США речь, в которой Рузвельт потребовал «карантина» для агрессора¹³. Американский историк Д. Борг, указывая на антияпонскую направленность речи, пишет, что она обозначила новое направление в дальневосточной политике США, которое в будущем приведёт к применению по отношению к Японии экономических санкций¹⁴.

Однако речь Рузвельта о «карантине» для агрессоров имела очень незначительное (прежде всего по времени) воздействие на американское общество и СМИ, которые уже через месяц после чикагского выступления вернулись к старым (период 1931–1933 гг.) образам и традициям восприятия японских действий. Это даёт основания думать, что ни нападение Японии на Китай летом 1937 г., ни расширение масштабов войны осенью 1937 г., не вызвали значительных перемен в оценке степени японской угрозы американскими журналистами, а через них и гражданами.

Катализатором перемен стало нападение 12 декабря 1937 г. в 13.30 11 японских палубных бомбардировщиков на американскую канонерскую лодку «Пэней» на реке Янцзы¹⁵. В этот день новости о гибели корабля не попали в прессу США, но упоминания о действиях канонерки у Нанкина по эвакуации американских граждан встречаются довольно часто¹⁶. Причём характер, объём и расположение публикаций (почти всегда на первой полосе) показывают, что журналисты понимали не только важность данной операции, но и её опасность, указывая, что «город горит», «японцы всё время обстреливают Нанкин». Следовательно, уже 12 декабря, ещё до первых сообщений об уничтожении корабля, в СМИ США начинает прогнозироваться (правда, только намёками) трагический финал.

Как отмечают отечественные и западные исследователи, народ США (несмотря на открытое нападение на американские корабли) был против объявления войны¹⁷. Это подтверждается и материалами прессы, где с 13 декабря высказывались требования об извинениях, полной компенсации, но нет призывов к войне¹⁸. Более того, сразу сообщается о реакции различных официальных представителей Японской империи: глава МИД Хирота принёс «глубочайшие извинения»¹⁹; военный и морской министры извинились перед американской нацией²⁰; анонимный представитель флота объяснил всё «ужасной ошибкой»²¹. Этого оказалось достаточно, чтобы мощное общественное движение в поддержку войны не сумело в США сформироваться. Хотя Рузвельт и просил в специальном обращении «нацию поддержать любой протест»²², в списке требований к Японии по поводу «Пэнейского инцидента»²³ ничего жёсткого и невыполнимого не было. Следовательно,

вся протестная риторика и негодование были в основном формальностью, а не началом процесса формирования качественно нового образа «японской угрозы». Резкого, а главное длительного изменения общественных настроений на антияпонские в прессе конца 1937 г. отчётливо не наблюдалось. Но это не означает, что изменений и трансформации восприятия дальневосточной империи не было совсем. Они носили поэтапный характер, создавая на страницах периодической печати в 1938–1941 гг. совершенно иной образ Японии, а главное, новую модель взаимодействия с Империей Восходящего Солнца, где приоритет отдавался методам экономического воздействия и силовым. Гибель «Пэнея» показала, что при другой форме освещения в СМИ событий можно было добиться совершенно других результатов, превратив короткую вспышку антияпонских настроений в эффективное средство воздействия на общественное сознание. Применительно к данному периоду историки отмечают, что в США по-прежнему Германию воспринимают как главного противника, а на Тихом океане последовательно проводили «стратегию бездействия»²⁴. Однако рассмотренные ранее материалы военного планирования, пресса и выступления военно-политических деятелей, а также американская публицистика показывают более сложную картину.

Начало войны в Европе становится сильнейшим фактором влияния на взгляды общественно-политических деятелей США. Переход к полномасштабному общеевропейскому конфликту вызывает в США настоящий всплеск антинацистских настроений. «New York Times» выходит 1 сентября 1939 г. с заголовком «Мобилизация польских граждан для противостояния вторжению Германии»²⁵. «Milwaukee Journal» – главное издание штата Висконсин с тиражом в почти 300000 экземпляров – была более категорична в тот день: «Польские города бомбят. Нацисты начали войну без объявления. Призыв помощи послан Англии и Франции; Италия держится в стороне»²⁶.

Но большинство периодических изданий США (как республиканской, так и демократической направленности) сосредоточило 1 сентября основное внимание не на боевых действиях в Польше, а на реакции администрации Белого дома и самого президента. «Christian Science Monitor» на первой полосе опубликовал «призыв Рузвельта к нациям прекратить уничтожение гражданского населения»²⁷. Этот же призыв, снабжённый комментариями, опубликовали ведущие периодические издания США²⁸. А в «Milwaukee Journal» воззвание главы Белого дома предстало в более развёрнутом виде: «Президент Рузвельт объявил, что верит: Соединённые Штаты не будут втянуты в войну, призвав Британию, Францию, Германию, Италию и Польшу не атаковать гражданское население»²⁹. Видно, что руководство США к этому времени осознало губительные последствия по-

литики умиротворения, однако, в год перед выборами Рузвельт не спешил сообщать населению о неизбежности скорого вовлечения США в общеевропейский конфликт. Учитывая влияние изоляционистских тенденций, исходивших, прежде всего, от республиканской партии и Конгресса, президент делает акцент на «варварстве войны» и строгом соблюдении, даже охране, существующего нейтрального положения США. Начало войны в Европе заставляет политиков и общественность США более пристально наблюдать за активными действиями Японии на Тихом океане.

Здесь важнейшим фактором, повлиявшим на взгляды военно-политических деятелей США, можно назвать заключение Тройственного союза 27 сентября 1940 г. 30 сентября 1940 г. госсекретарь США К. Хэлл резко отреагировал на подобную новость, заявив, что после заключения такого союза правительства Великобритании и США будут укреплять военно-морские и воздушные базы на Тихом океане, предоставлять всю необходимую помощь Китаю, рассмотрят вопрос о введении дополнительных эмбарго и скоординируют свои действия³⁰.

Данный вывод подтверждается и источниками личного происхождения. Известный вашингтонский журналист Д. Лоуренс записал в дневнике: «27 сентября 1940 г. Япония присоединилась к Германии. Результат может быть только один – война между США и Японией»³¹. Другой не менее важный общественный деятель – военный обозреватель газеты «New York Times» Х. Болдуин – доказывал неизбежность, более того, необходимость Тихоокеанской войны³².

Растущая угроза японо-американского военного конфликта стала предметом обсуждений и американского Конгресса, в особенности с начала 1941 г. 11 января конгресс утвердил новые ассигнования на военно-морское строительство, сооружение и расширение баз на Тихом океане: в Гуаме, Самоа, Джонстоне и Пальмире. Однако и Япония, и США были заинтересованы в том, чтобы несколько оттянуть войну и наилучшим образом подготовиться к неоправданному военному конфликту. Япония, кроме того, была заинтересована в том, чтобы максимально обеспечить внезапность и эффективность военного нападения на США и Англию³³.

В месяцы, предшествующие атаке Гавайев, вместе с уверенностью в скорой войне у американских политиков росла уверенность в возможности переориентировать вектор японской экспансии (на СССР) путём экономического давления и достижения соглашений³⁴. В советской историографии подобная политика получила название «Дальневосточного Мюнхена»³⁵.

Действительно, материалы прессы показывают, что подобное мнение было весьма популярным в США. Так, 9 сентября 1941 г. «New York Herald Tribune» сообщила о скором начале войны на Тихом океане – только между СССР

и Японией, при явной симпатии к последней³⁶. 23 сентября того же года прозвучали два похожих заявления. Первое – послание президента США послу в Японии Грю, где Рузвельт откровенно написал: «Не в наших интересах видеть Японию разгромленной и сведённой в положение третьей-степенной державы»³⁷. «New York Times» сообщила, зачем нужна сильная Япония для Америки: «Война СССР и Японии начнётся в ближайшие дни»³⁸. Указанные источники подтверждают вывод советских историков, что американские политики желали новой «большой войны между СССР и Японией» ради равновесия сил на Тихом океане³⁹.

Однако такие выводы, базирующиеся на анализе американской прессы и выступлений политиков, отражают взгляды только части американских общественно-политических кругов, тогда как другая часть уверенно прогнозировала вооружённый конфликт с Японией. Можно констатировать, что теорию «Дальневосточного Мюнхена», активно разрабатываемую советскими историками, поддерживали далеко не все общественные деятели США.

Материалы прессы, выступления, данные военных программ свидетельствуют о наличии двух влиятельных точек зрения. Коренная разница между ними – в объекте нападения: либо Япония атакует Америку, либо Советский Союз. Но важнее основное сходство – предсказывалась скорая, неизбежная война на Тихом океане, которую в любом случае начинает Япония, причём начинает внезапным нападением. Однако в новых, уже военных, условиях консолидации общественно-политических сил США по вопросам войны, мира и угрозы агрессии не происходит. Наоборот, как республиканцы, так и демократы начали использовать события Второй мировой войны для своих внутри- и внешнеполитических целей, связанных, прежде всего, с предвыборной гонкой. И публикации в прессе США периода весны 1938 г. – начала осени 1941 г. показывают, что позиция Гувера и изоляционистов вызывала большую общественную поддержку и Рузвельту даже в первые дни войны приходилось чрезвычайно осторожно добиваться изменений в настроениях общественности в целом и в законодательстве о нейтралитете в частности.

Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры современной России» (соглашение № 14.В 37.21.0003 от 18.06.2012 г.).

Примечания

- 1 См.: *Стимсон Г. А.* Дальневосточный кризис : Воспоминания и наблюдения. М., 1938. С. 21.
- 2 *Захарова Г. Ф.* Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М., 1990. С. 29–30.

- 3 *Севостьянов Г. Н.* Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке. 1931–1933. М., 1953. С. 163–164.
- 4 *New York Times.* 1931. September 19. P. 1.
- 5 *New York Times.* 1931. September 23. P. 8; *The Washington Post.* 1931. September 21. P. 2; *San Francisco Examiner.* 1931. September 22. P. 1.
- 6 *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Japan 1931–1941.* Vol. 1. Washington, 1943. P. 9.
- 7 *The Washington Post.* 1931. December 15. P. 5.
- 8 См.: *Peace and War : United States Foreign Policy 1931–1941.* Washington, 1983. P. 4–18; *Мальков В. Л.* Путь к имперству : Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 207; *История США : в 4 т. Т. 3 / ред. Г. Н. Севостьянов.* М., 1983. С. 306–307.
- 9 *Berkeley Daily Gazette.* 1937. July 8. P. 1.
- 10 *Tuscaloosa News.* 1937. July 8. P. 2.
- 11 *Bend Bulletin.* 1937. July 8. P. 1.
- 12 *Telegraph-Herald.* 1937. July 8. P. 9.
- 13 *Марушкин Б. И.* Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае 1937–1939. М., 1957. С. 39.
- 14 *Borg D.* The United States and The Far Eastern Crisis of 1933–1938. Cambridge (Mass.), 1964. P. 231–237.
- 15 *Foreign Relations of the United States.* Washington, 1958. Ch. I, Japan. P. 532–547.
- 16 *Palm Beach Post.* 1937. December 12. P. 66; *Pittsburgh Press.* 1937. December 12. P. 1; *New York Times.* 1937. December 12. P. 1; *St. Joseph News-Press.* 1937. December 12. P. 1; *Milwaukee Journal.* 1937. December 12. P. 1.
- 17 *Spector R. H.* Eagle Against the Sun : The American War With Japan. N. Y., 1984. P. 63; *Feis H.* The Road to Pearl Harbor. Princeton, 1950. P. 73; *Наджвафов Д. Г.* Нейтралитет США 1935–1941. М., 1990. С. 83–84.
- 18 *Free Lance-Star.* 1937. December 13. P. 1; *Prescott Evening Courier.* 1937. December 13. P. 1, 2; *Lawrence Daily Journal World.* 1937. December 13. P. 1.
- 19 *New York Times.* 1937. December 13. P. 1; *Free Lance-Star.* 1937. December 13. P. 1.
- 20 *Pittsburgh Press.* 1937. December 13. P. 1.
- 21 *Prescott Evening Courier.* 1937. December 13. P. 1.
- 22 *Pittsburgh Press.* 1937. December 13. P. 1.
- 23 *Lawrence Daily Journal World.* 1937. December 13. P. 1.
- 24 *Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960. С. 350; *Spector R. H.* Eagle Against the Sun : The American War With Japan. N. Y., 1984. P. 63; *Dallek R. Fr. D.* Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. N. Y., 1979. P. 76.
- 25 *New York Times.* 1939. September 1. P. 1.
- 26 *Milwaukee Journal.* 1939. September 1. P. 1.
- 27 *Christian Science Monitor.* 1939. September 1. P. 1.
- 28 *Washington Post.* 1939. September 1. P. 1; *New York Herald Tribune.* 1939. September 1. P. 1; *Chicago Daily Tribune.* 1939. September 1. P. 1.
- 29 *Milwaukee Journal.* 1939. September 1. P. 1.
- 30 *Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941.* Washington, 1983, P. 573–574. Действительно, в этот же

- день был введён запрет на ввоз стального и железного лома в Японию. См.: Морисон С. Э. Восходящее солнце над Тихим океаном : 1941 – апрель 1942 / пер. с англ. М.; СПб., 2002. С. 77.
- ³¹ Lawrence D. Diary of a Washington Correspondent. N. Y., 1942. P. 57.
- ³² Baldwin H. United we Stand : Defense of the Western Hemisphere. N. Y., 1941. P. 23.
- ³³ Гольдберг Д. И. Внешняя политика Японии : сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г. М., 1959. С. 129.
- ³⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке: 1840–1949 гг. М., 1956. С. 537.
- ³⁵ Севостьянов Г. Н. Подготовка войны на Тихом океане: сентябрь 1939 – декабрь 1941. М., 1962. С. 3–9 ; Родов Б. Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане в 1938–1941 гг. М., 1951. С. 110–111 ; Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии 1939–1945. М., 1980. С. 168, 178.
- ³⁶ New York Herald Tribune. 1941. September 9. P. 1.
- ³⁷ Pearl Harbor Attack. Washington, 1946. P. 4214–4215.
- ³⁸ New York Times. 1941. September 23. P. 1.
- ³⁹ Международные отношения на Дальнем Востоке : 1840–1949 гг. М., 1956. С. 475.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК [94:327] (73+560)\1980/1991\

ТУРЕЦКАЯ ПОЛИТИКА США: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ В 1980-е годы

А. С. Шенин

Саратовский государственный университет
E-mail: Shenin.andrei@gmail.com

В статье рассматривается политика США по отношению к Турции в 1980-е гг. Особое внимание уделено влиянию «перестройки» в Советском Союзе на изменение роли Анкары во внешней политике Вашингтона. В статье также показана борьба между этническими лоббистскими группировками и администрацией президента Р. Рейгана за право определять курс американо-турецкого сотрудничества.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, Турция, американо-турецкие отношения, СССР, перестройка, Конгресс США, лобби, Р. Рейган.

The U. S.'s Turkish Policy: Genesis and Evolution in 1980s

A. S. Shenin

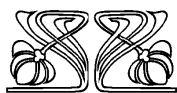
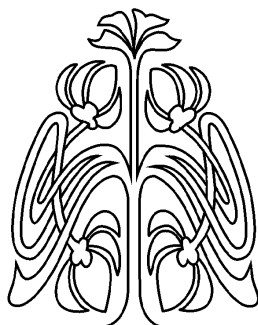
This article is devoted to the American policy toward Turkey in the 1980s. The special attention is paid to the influence of the «perestroika» in the USSR on changing Ankara's role in the foreign policy of Washington. The article shows competition between ethnic lobbies and the Reagan administration for the right to determine the direction of the American-Turkish relations.

Key words: United States of America, Turkey, American-Turkish relations, USSR, perestroika, U. S. Congress, lobby, R. Reagan.

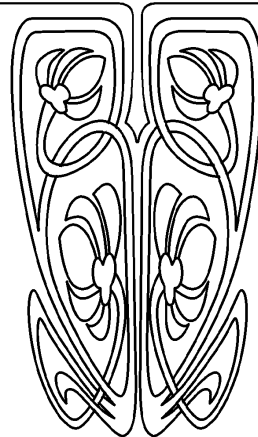
К началу 1980-х гг. в странах Среднего Востока произошли два государственных переворота, ставших отправной точкой для американо-турецких отношений на десятилетия вперед. Во-первых, «шахская революция» в Иране 1979 г. лишила США ключевого союзника в регионе. Во-вторых, очередной военный переворот в Турции в июле 1980 г. привел к власти «стражей светского режима» Атаюрка – военных, во главе с генералом Кенаном Эвренем. Высшие армейские чины сразу заявили, что намерены уделить наибольшее внимание интеграции Турции в мировые экономические схемы и западное сообщество, в отличие от свергнутых националистических лидеров, тративших все время на внутривосточные междоусобицы¹.

За полгода до переворота, 23 января 1980 г., президент США Джими Картер официально объявил о начале реализации новой внешнеполитической инициативы. «Доктрина Картера» подразумевала использование любых средств, в том числе и военной силы, для защиты интересов США в Персидском заливе, и Турция должна была сыграть стратегическую роль аванпоста Запада на Ближнем Востоке в новой геополитической игре. После смены правительства в Турции госсекретарь США Эдмунд Маски выступил с официальным заявлением, в котором одобрил события в Турции и заявил о сохранении уровня экономической помощи со стороны НАТО, несмотря на антидемократический характер смены правительства².

Столь синхронное движение США и Турции навстречу друг другу дали веские основания предполагать непосредственное участие Вашингтона в военном перевороте. Через несколько лет турецкий журналист Мехмед Али Биранд обнаружил и привел доказательства причастности США к этим событиям. В частности, он опубликовал короткий отрывок телефонного разговора, когда бывшему оператив-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

нику ЦРУ в Турции и члену Совета национальной безопасности Полу Хенце позвонили из Белого дома со словами: «Пол, ваши ребята в Турции сделали это»³.

Пришедшая к власти в 1981 г. республиканская команда Рональда Рейгана продолжила курс на укрепление позиций Турции на Ближнем Востоке через программы финансовой и военной помощи, несмотря на сложную экономическую ситуацию внутри США. 7 марта 1981 г. Рейган открыто объявил Турцию важнейшим союзником Соединенных Штатов⁴. Особую роль в регулировании двусторонних отношений играло американо-турецкое Соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики (DECA), подписанное 29 марта 1980 г.

Согласно подписанному документу, армия США получала доступ к объектам военной инфраструктуры Турции в обмен на гарантированную финансовую поддержку, экономическую помощь и предоставление необходимого вооружения турецкой армии⁵. Несмотря на то что договоренности были подписаны почти за полгода до переворота, после событий 12 сентября стороны ни на шаг не отошли от условий соглашения. За период с 1979 по 1983 г. Турция получила более 4 млрд долл. западной помощи. Основными донорами выступили США и Западная Германия, вложившие не менее 30% этой суммы⁶.

В целом, благодаря активной помощи из-за рубежа, ВВП Турции за 1980-е гг. вырос более чем наполовину⁷. Турецкие исследователи указывали, что США при этом интересовали не только стратегические возможности Турции на Среднем Востоке и Восточном Средиземноморье, но и сохранение престижа и привлекательности западного лагеря в идеологическом противостоянии с Советским Союзом⁸.

Военные поставки США для восьмисоттысячной турецкой армии представляли собой многомиллиардные сделки, крупнейшие из которых проводились через программу Foreign Military Sales (FMS). Так, 11 апреля 1981 г. министр обороны США предложил отправить в Турцию 15 самолетов Phantom F-4E⁹, а в 1984 г. Вашингтон и Анкара договорились о поставках 240 истребителей F-16, 160 из которых были предоставлены в период 1987–1993 гг., а оставшиеся 80 – с 1996 по 1999 г.¹⁰

Американские военные стратеги называли установленные в Турции ракетные системы жизненно важными для интересов США, учитывая 250-мильную границу Турции с Советским Союзом¹¹. Радарные установки, расположенные на территории турецкого государства, позволяли отслеживать испытания советских ракет, а также контролировать значительную часть воздушного пространства Советского Союза. Ракеты класса «земля-воздух» охраняли подходы к проливам Босфор и Дарданеллы, авиабаза в Инджирлике являлась ключевой площадкой для истребителей-бомбардировщиков США в Восточном Средиземноморье, крупные склады военно-морских

поставок и топлива базировались в турецких портах, а станции береговой охраны обеспечивали навигацию дальнего действия для американского Шестого флота. В случае военных действий страны НАТО, согласно отдельному соглашению 1982 г., предусмотрели развертывание американской тактической авиации на турецких передовых авиабазах Эрзурум, Ван, Батман, Муш, Диярбакыр, Мюртед, Эскишехир, Измир и Чигли¹².

Всего на территории Турецкого государства насчитывалось около 60 объектов инфраструктуры, необходимых для операций США и НАТО¹³. Таким образом, только за первые несколько лет военное значение Турции для сил западного блока увеличилось многократно.

Тем не менее, несмотря на полномасштабное сотрудничество и резкий рост финансовых потоков в Турцию, американо-турецкое партнерство на протяжении 1980-х гг. не было безоблачным. С самого начала президентства Рейгана в отношениях двух стран ощущалась напряженность из-за признания Белым домом в 1981 г. геноцида армян, произошедшего в Османской империи в 1915 г.¹⁴ Дело в том, что ранее Рейган занимал пост губернатора Калифорнии, штата с крупнейшей долей армянского населения в США, и поэтому он не мог остаться без поддержки столь влиятельного лобби на заре своего президентства. В 1984 г. демократы, занимавшие большинство мест в палате представителей, проголосовали за рассмотрение резолюции, которая квалифицировала убийство армянского населения в качестве «геноцида».

В ответ Турция пригрозила возможным отказом от покупки 11 американских самолетов «Boeing» в пользу самолетов европейского консорциума «Airbus Industries» и подняла вопрос о возможном отказе в продлении DECA¹⁵. В итоге, ввиду повышенной стратегической значимости Турции, 4 июня 1985 г. на общем голосовании в палате представителей резолюция о «геноциде» была заблокирована¹⁶.

С другой стороны, турецко-американские отношения подрывались действиями греческого лобби в США. После вторжения турецкой армии в северную часть острова Кипр в 1974 г. и провозглашения в 1983 г. Турецкой Республики Северного Кипра отношения Греции и Турции обострились до состояния постоянной готовности к боевым действиям. Греческая сторона регулярно обвиняла США и Великобританию в том, что они знали о готовящемся вторжении, но не предотвратили его.

В 1981 г., благодаря активным действиям на Капитолийском холме, греческому лобби удалось добиться сокращения военной помощи для Турции на 300 млн долл. и обеспечить договоренность о том, что на каждые 10 долл. для Анкары Конгресс будет выделять 7 долл. для Афин¹⁷. Правительство Рейгана (равно как и Картера) пыталось убедить законодателей, что Турция имеет несравненно большее значение для американских целей, чем Греция, особенно на фоне угроз греческого пре-

зидента А. Папандреу о закрытии американских военных баз после истечения договора в 1986 г.¹⁸ Однако уговоры Белого дома не подействовали на конгрессменов, и объем внешней помощи для Турции начал ежегодно сокращаться. Рейгану пришлось лично убеждать турецкого премьер-министра Т. Озала в приверженности американского правительства сохранению высокого уровня экономической помощи для Турции¹⁹.

Однако, несмотря на все усилия Рейгана, турецкая сторона все равно осталась недовольна, поскольку в ее представлении для экономической и военной модернизации необходимо было не менее 1,2 млрд долл. ежегодной помощи на протяжении десяти лет. На этом фоне Анкару особенно расстраивали объемы средств, выделявшиеся Израилю и Египту – 3 млрд долл. и 2,1 млрд долл. соответственно. Турки считали такое распределение помощи несправедливым и также заявили о подготовке к пересмотру американо-турецкого соглашения о военном и экономическом сотрудничестве²⁰.

Таким образом, перед США встала реальная угроза потери доступа к военным объектам одновременно и в Греции, и, что было гораздо неприятнее, в Турции. Для продления срока действия соглашения от 1980 г. в марте 1986 г. в Анкару прибыл госсекретарь США Дж. Шульц. Однако турецкая сторона, учитывая давление Греции по вопросу доступа к военным базам, выдвинула дополнительные условия. В частности, Турция потребовала увеличения доли турецкого текста на американском рынке с 120 млн долл. до 400 млн долл. и расширения финансовой и экономической помощи до уровня в 1 млрд долл.²¹

Столь требовательная позиция Турции в отношении своего крупнейшего спонсора была обоснована стремлением успеть получить как можно больше преференций, пока шаткое положение Рейгана не стало совсем безнадежным. Неоднзначные успехи «рейганомики», сокращение социальных программ и возможность импичмента в связи с делом «Иран-контрас» серьезно уменьшали возможности президента противодействовать армянскому и греческому лобби в Конгрессе.

Игнорируя призывы президента, 2 апреля 1987 г. Комиссия Сената по иностранным делам наложила эмбарго на продажу оружия производства США, которое могло быть использовано турецкими войсками на Кипре. Конгрессмены также потребовали сокращения турецкого воинского контингента на острове, если турки хотят возобновить американские поставки²². Под давлением с Капитолийского холма военная помощь для Турции неуклонно снижалась с 718 млн долл. в 1984 г. до 615 млн долл. в 1986 г. и 490 млн долл. в 1987 г.²³

Однако с 1988 г. помощь стала увеличиваться, поскольку ради сохранения максимально высокого уровня поддержки своим стратегическим партнерам, включая Турцию, госдеп кардинально пересмотрел программу помощи. В результате, серьезному сокращению помощи подверглись

Испания, Таиланд, Иордания, Оман, Португалия и другие страны. Южная Корея, планировавшая получить 230 млн долл. от США, фактически не получила ничего²⁴. Благодаря этой новой политике, в марте 1987 г. договор об использовании военных баз в Турции был продлен до 1990 г. В соглашении американская сторона подчеркнула, что будет «принимать все возможные меры, чтобы оказать максимальную военную помощь Турции»²⁵.

В целом, внутри США Анкара имела не так уж много влиятельных сторонников. Среди крупнейших покровителей Турции наиболее заметен был помощник министра обороны США Ричард Перл, но в 1987 г. он вышел в отставку. Анкара обратилась за помощью к лоббистам из фирмы «Hill+Knowlton Strategies» с намерением усилить свои позиции в Конгрессе, но особых успехов не добились. Один член Конгресса, объясняя свою поддержку Греции, заявил: «У меня нет ни единого турецкого ресторана в округе»²⁶.

Турецкая диаспора в США численностью около 180 тыс. американцев турецкого происхождения не имела ни связей, ни ресурсов, чтобы должным образом противостоять почти 2 млн греческих американцев. Ситуация была настолько отчаянной, что сторонники Анкары были вынуждены обратиться к представлявшему округ Колумбия конгрессмену У. Фонтроу с просьбой представлять интересы Турции на Капитолийском холме, несмотря на то что он являлся единственным членом Конгресса, у которого нет права голоса²⁷.

Единственной «точкой опоры» для Анкары в Конгрессе оказалось влиятельное еврейское лобби, благодарное Турции за поддержку Израиля в сдерживании агрессии со стороны арабских стран Ближнего Востока. Однако это чувство оказалось не настолько сильным, чтобы заставить его вступать в открытую конфронтацию с греческим и армянским лобби.

В результате, отдельные комиссии и комитеты Конгресса пропускали через себя все знаковые антитурецкие законопроекты. Так, 22 апреля 1987 г. комиссия палаты представителей по почтовой и государственной службам одобрила резолюцию, объявлявшую 24 апреля днем памяти геноцида армян в США. В знак протеста президент Турции К. Эврен отменил свой визит в Вашингтон²⁸.

Тем не менее, в июне 1988 г. К. Эврену все-таки пришлось совершить поездку в Вашингтон, в основном связанную с серьезным беспокойством Турции относительно президентской гонки между республиканцем Дж. Бушем и демократом, греком по происхождению, М. Дукакисом. Вероятность победы кандидата от демократической партии была достаточно высока, ибо за 25 дней до выборов он обогнал Буша на 17 процентных пунктов²⁹.

Опасения турецкого правительства имели под собой весьма серьезные основания. Ранее Дукакис заявлял, что в случае избрания его президентом, он сделает все возможное, чтобы заставить турецкие войска уйти с территории Северного Кипра,

а иностранная помощь Турции будет серьезно урезана в рамках общих сокращений внешнеполитического бюджета. К тому же, жена Дукакиса – Китти – была членом американской комиссии по холокосту и активно выступала с обвинениями в адрес Турции в геноциде армян 1915 г.³⁰

В связи с этим турецкое правительство предприняло попытки активизировать работу своих сторонников в США. Турция заплатила 780 тыс. долл. фирме «Hill+Knowlton Strategies» за представление своих интересов, американцы турецкого происхождения принимали активное участие в мероприятиях по сбору денег для кампании Буша, а организация «Американо-турецкая ассоциация» внесла 400 тыс. долл. в фонд избирательной кампании республиканского кандидата³¹. Авторитетный турецкий ученый Б. Басол заявил в «Cristian Science Monitor», что американо-турецкие отношения выстраивались в течение 50 лет и будет «позором» позволить им развалиться под влиянием этнической политики³².

Интересно отметить, что во время президентской кампании интересы турецких лоббистов неожиданно совпали с интересами армянского лобби, исторически выступавшего за претендентов от республиканского лагеря. Правда, ради армянской поддержки в июне 1988 г. Дж. Буш дал обещание, что признает «геноцид» армян. Как бы то ни было, масштабная поддержка Буша в итоге оказалась даже излишней, поскольку Дукакис провалил предвыборные телевизионные дебаты и потерпел сокрушительное поражение на выборах.

Став хозяином Белого дома, Дж. Буш сохранил финансовую помощь Турции на уровне последних лет и даже стал ее наращивать: в 1989 г. эта сумма составила 563,5 млн долл., а в 1990 г. – уже 613,8 млн долл. Новоиспеченный президент также не поддался на уговоры Комитета по иностранным делам палаты представителей заменить финансовую помощь на кредиты, в связи с бедственным положением в сфере соблюдения прав человека в Турции³³.

Тем не менее, давление в этом направлении усиливалось. Конгрессмен-демократ Дж. Динджелл призывал Конгресс признать, что американская военная помощь поощряет Турцию к нарушению Европейской конвенции по правам человека³⁴. Доклад «Human Rights Watch» также осудил администрацию Буша за пренебрежение столь важным вопросом в отношениях с Турцией. Единственным позитивным моментом, как отмечалось в докладе, было внимание к проблеме нового посла в Анкаре – М. Абрамовица, который заявил, что область соблюдения человеческих прав является одной из ключевых в повестке дня американо-турецких отношений³⁵.

Вместе с тем, появление Абрамовица на американо-турецкой сцене наблюдатели расценивали как определенный сигнал. Новый посол имел в своем «послужном списке» ряд очень характерных пунктов. В частности, в 1978–1981 гг. Абрамовиц,

будучи послом в Таиланде, принимал активное участие в свержении правительства премьер-министра Чоманана, а после играл важную роль в военном перевороте против правительства Ф. Маркоса на Филиппинах. Среди его заслуг также числилось участие в подготовке операции против генерала М. Норьеги в Панаме. Исходя из всего этого, серьезные перемены ожидались и в Турции³⁶.

Официальная позиция Вашингтона была вскоре объявлена, однако озвучил ее не Абрамовиц, а один из его ближайших заместителей, и по совместительству председатель организации «American Friends of Turkey», Дж. Харрис. Организация, считавшаяся лоббистской, на деле тесно сотрудничала с Госдепартаментом, Пентагоном и разведкой. В середине 1988 г. на встрече за закрытыми дверями под названием «Американо-турецкие отношения: повестка дня на 1990-е гг.» Харрис представил новую программу отношений с Турцией, в рамках которой правительство Т. Озала должно было перераспределить вектор отношений с СССР с противостояния «советской угрозе» на установление дружественных отношений с Москвой. Бывший генеральный прокурор США Э. Ричардсон отметил в комментариях к докладу, что внутренние «перестроечные» реформы, проводимые М. Горбачевым, существенно снижали риск военных столкновений, и в связи с этим США и Турции стоит пересмотреть свою политику по отношению к СССР в сторону снижения напряженности³⁷.

Для Анкары это означало, что после начала «перестройки» и фактического окончания холодной войны значимость Турции для США как форпоста противодействия советской экспансии значительно снизилась, и оправдать высокий уровень финансовой помощи было уже практически невозможно. Президент Т. Озал попытался заинтересовать Вашингтон идеей о том, что Анкара могла бы сыграть роль «моста» между Западом и тюркскими странами СССР, но безуспешно³⁸. Тем не менее, Турция все еще считалась важным союзником, что было подчеркнуто отказом Сената в феврале 1990 г. включить вопрос «геноцида армян» в повестку дня американо-турецких отношений³⁹.

Кардинальные изменения в двусторонних отношениях произошли во время войны в Персидском заливе, когда Турции представилась возможность доказать свою реальную полезность для США. Используя свой шанс по максимуму, Анкара открыла доступ войскам коалиции к своим военным базам, оставила перекрытым иракотурецкий нефтепровод Киркук-Юрмуталик, а также держала значительную группировку войск в районе иракотурецкой границы, оттягивая на себя часть сил армии С. Хуссейна.

В знак признательности правительство Буша после победы взяло на себя инициативу по созданию в Вашингтоне «Фонда защиты Турции» с участием Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ для компенсации потерь Анкары от перекрытия нефтепровода с Ираком. Страны-участницы внес-

ли 3,5 млрд долл., выразив таким образом свою признательность Турции за ее участие в войне⁴⁰.

В конце 1991 г., в связи с распадом СССР, администрация президента Дж. Буша вернулась к предложению Т. Озала использовать Турцию в качестве «моста» между Западом и Востоком. Спустя всего год идея турецкого президента раскрылась перед американскими стратегами в новом свете. Высокий уровень лояльности Анкары вкупе с ее близостью к проблемным регионам Балкан и Евразии поставили во главу стратегического сотрудничества с Турцией вопросы противодействия активно растущему иранскому фундаментализму и транспортировки энергоресурсов из «бесхозной» теперь Средней Азии на Запад через турецкую территорию. Благодаря своему географическому расположению, Турция осталась для США ключевым союзником, через которого американские корпорации имели возможность проникнуть на крупные рынки постсоветского пространства.

Примечания

- 1 *Uslu N.* The Turkish-American Relationship between 1947 and 2003 : The History of a Distinctive Alliance. N. Y. : Nova Science, 2003. P. 254.
- 2 *Aydın M., Erhan C., Erdem G.* Chronology of Turkish-American Relations // Faculty of Political Science, Ankara University. 2002. URL: <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/44/671/8553.pdf> (дата обращения: 05.01.2014).
- 3 *Birand M.* The Generals' Coup in Turkey. L. : Brassey's Defence Publishers, 1987. P. 185.
- 4 См.: *Aydın M., Erhan C., Erdem G.* Op. cit.
- 5 *Işıklar A.* An Analysis of Turkish American Relations: Improvement or Deterioration // Naval Postgraduate School. 2008. P. 61.
- 6 *Önis Z., Özmucur S.* Capital Flows and the External Financing of Turkey's Imports // OECD Development Centre. 1991. P. 36.
- 7 OECD Environmental Performance Reviews : Turkey 1999 // France : OECD publication service. 1999. P. 38.
- 8 *Uslu N.* Op. cit. P. 300.
- 9 См.: *Aydın M., Erhan C., Erdem G.* Op. cit. P. 6.
- 10 *Gabelnick T., Hartung W., Washburn J.* Arming Repression: U. S. Arms Sales to Turkey During the Clinton Administration // Joint Report of the World Policy Institute and the Federation of American Scientists. 1999. URL: <http://www.fas.org/asmp/library/reports/turkeyapp.htm> (дата обращения: 05.01.2014).
- 11 *Cohen S.* Arms Deal Pleases and Worries Turkey // The Christian Science Monitor. 1987. October, 2.
- 12 *Горносталев А.* Черноморские проливы // Зарубежное военное обозрение. 1990. № 9. С. 70–76.
- 13 *Горносталев А.* Военные объекты США и НАТО на территории Турции // Зарубежное военное обозрение. 1987. № 3. С. 61–67.
- 14 *Галстян А.* Рональд Рейган и «армянский вопрос». Аналитический центр «TimeToAnalyze». 2012. Апрель, 12. URL: <http://tta.am/рональд-рейган-и-армянский-вопрос/> (дата обращения: 05.01.2014).
- 15 Turkey-U. S. Dispute Could Affect Outcome of Boeing-Airbus Battle // The Wall Street Journal. 1984. October, 2. P. 1.
- 16 См.: *Aydın M., Erhan C., Erdem G.* Chronology of Turkish-American Relations. P. 7.
- 17 *Phillips J.* Turkey: An Increasingly Key Strategic Asset for the U.S // The Heritage Foundation. 1987. October, 14. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/1987/10/turkey-an-increasingly-key-strategic-asset-for-the-us>. (дата обращения: 05.01.2014).
- 18 *Editorial.* Washington Talk; Greece and Turkey, The Local War // The New York Times. 1987. March 26. P. 8.
- 19 *Gwertzman B.* Reagan Assures Turk on Aid for Military // The New York Times. 1985. April 3. P. 3.
- 20 *Kamm H.* Turkey Seeking Changes In U. S. Aid // The New York Times. 1985. August 4. P. 3.
- 21 *Gwertzman B.* Turks Link Trade to Pact on Bases, Surprising Shultz // The New York Times. 1986. March 24. P. 1.
- 22 См.: *Aydın M., Erhan C., Erdem G.* Op. cit. P. 7.
- 23 См.: *Phillips J.* Op. cit.
- 24 *Cushman J.* U. S. Reaches Agreement on Use of Turkish Bases // The New York Times. 1986. December 17. P. 6.
- 25 Agreement between the United States and Turkey Supplementing and Extending the Agreement of March 29, 1980 for Cooperation on Defense and Economy. Effected by Exchange of Letters at Washington, March 16, 1987.
- 26 *Editorial.* Washington Talk; Greece and Turkey, the Local War.
- 27 *Greenberger R.* Campaign '88: U. S. Turks Worry about a Dukakis Presidency, and Their Alarm Stirs Their Activism // Wall Street Journal. 1988. July 26. P. 1.
- 28 *Cohen S.* US Aid Cut Prompts Turkish Leader to Delay US Visit // The Christian Science Monitor. 1987. May, 6.
- 29 *Абарин В.* Как выигрывают и проигрывают президентскую кампанию в США // Радио Свобода. 2012. Октябрь 15. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24739891.html> (дата обращения: 05.01.2014).
- 30 См.: *Greenberger R.* Campaign '88 : U. S. Turks Worry about a Dukakis Presidency, and Their Alarm Stirs Their Activism.
- 31 Ibid.
- 32 *Basol B.* A Turkish View of Dukakis // The Christian Science Monitor. 1988. August 10.
- 33 Human Rights Watch World Report 1989. N.Y. : Human Rights Watch, 1989.
- 34 *Callaway R., Houston S., Matthews E.* Strategic US Foreign Assistance The Battle Between Human Rights and National Security // Ashgate. 2008. October. P. 139.
- 35 Human Rights Watch World Report 1989. N. Y. : Human Rights Watch. 1989.
- 36 *Drewda J.* Bush Ambassadorial Appointments Target Allies Turkey and South Korea // Executive Intelligence Review. 1989. May, 26. P. 51.
- 37 Ibid.
- 38 См.: *Işıklar A.* Op. cit.
- 39 См.: *Aydın M., Erhan C., Erdem G.* Op. cit.
- 40 *Athanassopoulou E.* American-Turkish Relations since the End of the Cold War // Middle East Policy. 2001. September 1. P. 151.

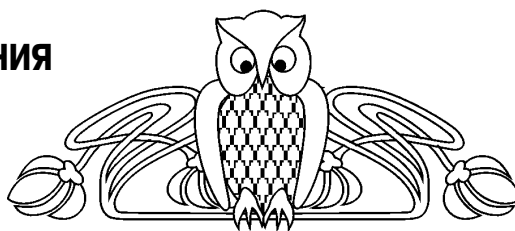

УДК [327.8(1,2,3)]

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИХ СДЕРЖИВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А. С. Скриба

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
E-mail: askriba@hse.ru

Конфликты Беларуси и России негативно сказываются на имидже евразийской интеграции. Дальнейшее углубление сотрудничества и расширение объединения в значительной степени будет зависеть от того, насколько успешно оно сможет решать двусторонние конфликты между участниками экономической группировки. В этом контексте наиболее перспективным решением видится не чередование политики «кнута и пряника» со стороны России, а формирование законодательной и институциональной базы, ограничивающей возможности спекулятивного балансирования малого государства в формируемом евразийском союзе.

Ключевые слова: белорусско-российские отношения, евразийская интеграция, политика балансирования, двусторонние конфликты.

Belarus-Russia Conflicts and their Restraints in the Context of Eurasian Integration

A. S. Skriba

Conflicts between Belarus and Russia have a negative impact on the image of the Eurasian integration. Union's further deepening and expanding will largely depend on how effectively bilateral conflicts between members of an economic grouping are solved. In this context, the most promising solution for Russia seems not striping policy of «carrot and stick», but creating the legislative and institutional framework, which limits the possibility of speculative balancing of a small state in the future Eurasian Union.

Key words: Belarus-Russia relations, Eurasian integration, balancing policy, bilateral conflicts.

Наверное, трудно привести еще один пример столь противоречивого двустороннего сотрудничества на всем постсоветском пространстве, как у Беларуси и России. Несмотря на то что история отношений этих государств после обретения ими независимости насчитывает немногим более двух десятилетий, уже сегодня можно обозначить их сложный и весьма неоднозначный характер.

С одной стороны, Беларусь и Россия участвуют в большом количестве различных интеграционных объединений. Их отношения начинались с высокой планки – создания Союзного государства в конце 1990-х гг. – которая, однако, так и не была достигнута на практике в полной мере. Далее последовало образование организации Договора о коллективной безопасности, формирование Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза и Единого экономического пространства. При этом руководство Беларуси,

по мнению российских коллег, в последние годы все чаще характеризуется как «последовательный сторонник интеграции»¹.

С другой стороны, на практике двусторонние отношения между странами нередко сопровождаются разногласиями, многие из которых страны вынуждены решать на самом высоком государственном уровне. При этом приходится констатировать, что существующие противоречия далеко не всегда удается разрешить даже лидерам двух государств, в результате чего оные превращаются в замороженные и вялотекущие конфликты, мягко говоря, не способствующие позитивному развитию как двустороннего диалога, так и региональной интеграции.

Уже к настоящему моменту белорусско-российские отношения в 2013 г. можно охарактеризовать как напряженные. За прошедшие первые девять месяцев отсутствовал существенный прогресс в интеграционном строительстве и межгосударственной отраслевой кооперации. При этом в августе 2013 г. произошло событие, позволившее говорить не только об отсутствии позитивного диалога, но и о некотором «откате» двусторонних отношений. Речь идет о конфликте белорусского государственного предприятия «Беларуськалий» и российской частной компании «Уралкалий». Его развитием стало принятие белорусской стороной весьма жестких мер в отношении менеджмента «Уралкалия», что уже вызвало резко негативную реакцию со стороны российского политического руководства.

Очередное обострение белорусско-российского диалога заставляет более углубленно проанализировать природу межгосударственных противоречий, повышает актуальность поиска не только причин, но и механизмов сдерживания конфликтных ситуаций. Важность выработки подобного рода механизмов обусловлена также необходимостью дальнейшего углубления евразийской интеграции, участниками которой являются и Беларусь, и Россия. Любые конфликты между этими странами, особенно те, которые остаются неразрешенными на протяжении многих лет, пагубно влияют на имидж объединения, а также на перспективы привлечения новых участников.

Следующий этап развития интеграционной группировки намечен на 2015 г., а потому меры,

направленные на стабилизацию белорусско-российских отношений и перенос их в конструктивное русло, необходимо выработать уже сегодня.

1. С исторической точки зрения добровольная интеграция государств в региональные группировки в невоенное время представляет собой явление относительно недавнее, а потому пока еще малоизученное. На сегодняшний день главным объектом исследований здесь является Европейский союз, чья история существования хоть и насчитывает более шестидесяти лет, однако лишь последние двадцать из них приходится на период после окончания «холодной войны», характеризующийся активным расширением группировки и углублением уровня интеграции. Хотя следует признать, что этот опыт является во многом уникальным, а потому используется при формировании иных региональных экономических группировок, в том числе и евразийской интеграции на пространстве бывшего СССР.

Еще менее изученным остается поведение государств, участвующих в интеграционных процессах, с точки зрения теорий международной политики. В первую очередь это относится к малым государствам, которые, сближаясь с региональными лидерами, вынуждены постоянно сохранять баланс между собственными интересами и безопасностью, поскольку любое сближение предполагает не только выгоды², но и обязательства (или внешние ограничения). Неслучайно сегодня вариативность политики этих государств в контексте региональной интеграции невероятно велика³, о чем говорят многочисленные примеры различных региональных объединений.

Неудивительно, что в этих условиях попытки классических теорий реализма сформулировать универсальную модель поведения государств применительно к современным интеграционным процессам оказались несостоятельными. В целом же главной причиной этого можно считать значительно снизившуюся конфронтационность международной среды и выход на первый план невоенных аспектов силы государства, таких как экономическая безопасность, конкурентоспособность и пр.

Именно это обстоятельство открыло перед многочисленными малыми государствами новые возможности самореализации, с одной стороны, основываясь на принципах международного права и тем самым фиксируя свою самостоятельность⁴, а с другой стороны, спекулируя опасениями крупных региональных игроков относительно собственной безопасности и своего места в стремительно меняющейся международной политике⁵.

Иными словами, после окончания «холодной войны» малые государства получили шанс стать не просто пассивными наблюдателями региональной интеграции, но ее активными участниками и институциональными «архитекторами».

В теориях реализма базовыми моделями поведения малых государств традиционно называ-

ются балансирование и примыкание⁶. Несмотря на то что в неконфронтационной международной среде эти термины несколько утратили свое традиционное значение, все же можно провести определенные параллели с нынешним поведением государств. Так, применительно к современным международным процессам (в частности – интеграционным), отдельная малая страна может проводить политику, направленную на сближение с тем или иным государством (примыкание), или, напротив, на дистанцирование от региональных интеграционных группировок (балансирование).

Исторически теории реализма справедливо противопоставляли балансирование и примыкание⁷. Несомненно, в условиях биполярного противостояния возможности постоянного лавирования между противоборствующими блоками у малых государств были объективно ограниченными. Им приходилось не только выбирать, чью сторону принять в том или ином вопросе, но и то, какую политику проводить в отношении определенного государства. В присутствии внешней угрозы невозможно одновременно балансировать ее источник (сдерживать его) и примыкать к нему (тем самым увеличивая его силу и влияние). Именно поэтому в отношении одного и того же государства политика балансирования и примыкания не могла успешно сочетаться.

В современных же условиях становится все более очевидно, что балансирование и примыкание есть две неотъемлемые составляющие внешней политики малых государств. Здесь они уже не исключают, а дополняют друг друга. Государство лишь варьирует интенсивность этих типов поведения, формируя ту или иную внешнюю политику. Именно на примере участия малого государства в региональных объединениях наиболее отчетливо проявляется изменчивость интенсивности этих политик, которая носит разнонаправленный характер по мере развития и углубления интеграции (рис. 1).

Рассмотрим типичный пример интеграции, когда относительно малое государство сближается с более сильным региональным лидером. Подобное экономическое сближение на начальных этапах несет малому государству очевидные преимущества, как то новый рынок сбыта своей продукции, доступ к ресурсам своего партнера (как природным, так и финансовым – кредитным и инвестиционным) и пр. При этом издержки такой политики примыкания на данном этапе являются минимальными – малое государство сохраняет самостоятельность в принятии большей части решений по вопросам собственной экономической политики и определения стратегии развития страны. Именно поэтому интенсивность политики примыкания здесь существенно выше, чем политика балансирования.

Однако по мере углубления интеграции ситуация постепенно меняется. Последующие этапы сближения предусматривают более тесную син-

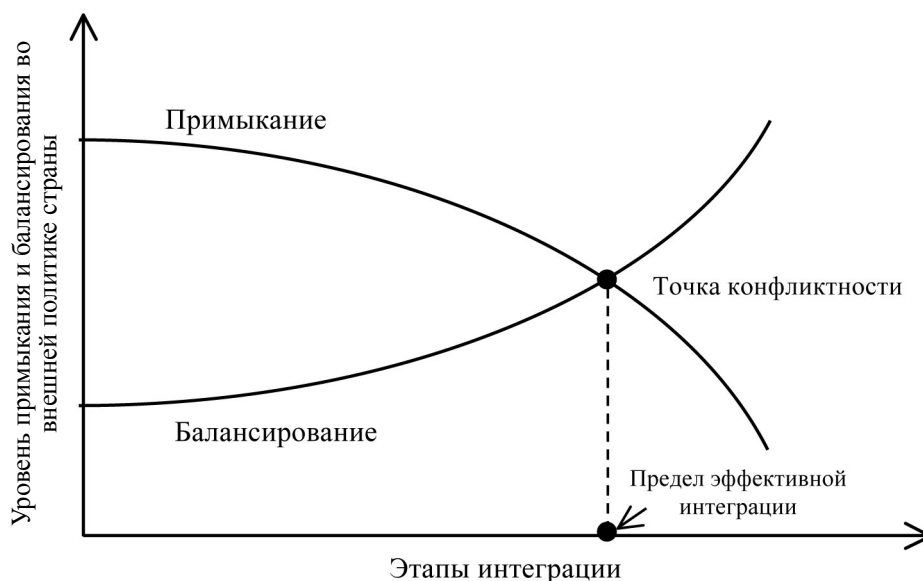

Рис. 1. Изменение политики балансирования и примыкания по мере развития интеграции

хронизацию экономических политик разных по потенциалу государств, где приоритет выбора той или иной политики будет объективно склоняться в пользу интересов более сильного участника интеграции. При этом все большее количество суверенных полномочий должно будет передаваться в наднациональные институты, где интересы малых стран также де-факто будут представлены в относительно меньшей степени. Все это, несомненно, заставляет малые государства постепенно активизировать политику балансирования, интенсивность которой по мере углубления интеграции будет расти. Соответственно интенсивность политики примыкания, напротив, будет снижаться.

Если представить разнонаправленное изменение интенсивности этих политик в виде двух графиков, то точку их пересечения – место, где интенсивность балансирования начинает превышать интенсивность примыкания, – можно обозначить как точку конфликтности. Любые интеграционные шаги, совершаемые после этой точки, будут сопровождаться высоким уровнем конфликтности отношений между интеграционным лидером, заинтересованным в постоянном углублении интеграции и расширении своего влияния, и малым государством, стремящимся сохранить собственную самостоятельность. Следовательно, любое продолжение интеграции (в том числе и принудительное) будет характеризоваться крайне невысокой и постоянно снижающейся эффективностью.

Важно отметить, что если применительно к малым государствам отсутствует универсальная модель поведения, так как политика балансирования и примыкания имеет свои национальные «особенности», то и изменение интенсивности этой политики по мере развития и углубления

интеграции будет различным. Следовательно, различным будет и интеграционный этап, на котором произойдет их пересечение и формирование точки повышенной конфликтности. На их интенсивность могут оказывать влияние такие внешние и внутренние факторы, как собственные ресурсы малого государства, величина диспропорции субъектов интеграции, наличие альтернативных интеграционных путей, присутствие национального и политического консенсуса относительно направления интеграции, характеристики политического режима страны и др.

Итак, если в ходе интеграции малого государства интенсивность политики балансирования превышает интенсивность примыкания, то интеграция достигла своего эффективного предела, и дальнейшее ее продолжение будет характеризоваться повышенной конфликтностью участников и низкой практической эффективностью. Этот тезис сохраняет свою актуальность и в обратном направлении. Если отношения между странами в рамках интеграционного объединения характеризуются систематическими конфликтами, значит, в процессе сближения была достигнута та самая точка, за которой дальнейший процесс интеграции на практике будет неэффективен. Последнее, в свою очередь, повышает актуальность изучения существующих противоречий между государствами с целью определения предела эффективного развития интеграционной группировки и выработки инструментов влияния на точку конфликтности и ее смещения.

Оценивая белорусско-российские отношения за последнее десятилетие, нельзя не заметить, что, несмотря на близкие, союзнические и, как их еще называют лидеры обоих государств, «братские» отношения, между странами регулярно возникают

серьезные противоречия. Некоторые из них не единожды приводили к серьезному обострению двустороннего диалога. Следовательно, исходя из уровня конфликтности и высокой интенсивности политики балансирования со стороны Беларуси, можно предположить, что в отношениях с Россией предел эффективной интеграции уже был достигнут.

Однако несмотря на указанное обстоятельство, не стоит забывать, что на сегодняшний день Беларусь и Россия не только являются участниками действующих интеграционных группировок (как экономических, так и военных), но также планируют дальнейшее углубление экономической интеграции в 2015 г. – создание Евразийского экономического союза. Подобная во многом противоречивая ситуация поднимает два немаловажных для будущего евразийской интеграции вопроса: почему уже на ранних стадиях сближения в белорусско-российских отношениях была достигнута точка конфликтности и как ее достижение сочетается с намерениями сторон продолжать развитие интеграционной группировки?

2. Значимость России для Беларуси, и в первую очередь для ее экономики, трудно переоценить. Беларусь являет собой малое государство с ограниченными ресурсами и потребительским рынком, открытой экспортоориентированной, а потому подверженной влиянию со стороны внешней конъюнктуры экономики. После обретения независимости Беларусь среди постсоветских республик обладала сравнительно высоким технологическим потенциалом, для поддержания которого требовалось сохранение традиционных рынков сбыта продукции и доступа к дешевому сырью. Решением стало сохранение тесного экономического сотрудничества с Россией, зафиксированное в многочисленных двусторонних договоренностях под эгидой стремления двух стран и их народов к единению и «реинтеграции». Здесь можно упомянуть различные договоры и соглашения 1990-х гг. и, в частности, создание 8 декабря 1999 г. Союзного государства Беларуси и России.

Главными аспектами двустороннего экономического сотрудничества за годы независимости Беларуси можно назвать доступ белорусских предприятий к российскому сырью, в первую очередь – энергетическому (нефть, природный газ), по льготным ценам, а также экспорт белорусской продукции на более емкий по сравнению с белорусским российский рынок. Немаловажное значение имели и российские кредитные ресурсы, в большинстве случаев предоставляемые также на сравнительно льготных условиях.

Значимость для Беларуси сотрудничества с Россией становилась еще большей на фоне напряженности диалога с европейскими странами по известным политическим причинам, главной из которых являлись претензии западных демократий к белорусскому политическому режиму по вопросам соблюдения прав человека и свободного

проведения выборов, которые начиная с 1994 г. ни разу официально не были ими признаны. В этих условиях отношения с Россией явились не только важным, но фактически безальтернативным ресурсом развития белорусской экономики.

Тем не менее, несмотря на объективно высокую заинтересованность Беларуси в тесном сотрудничестве с Россией, политические конфликты на самом высоком уровне по ряду экономических вопросов становятся неотъемлемой частью двустороннего диалога в 2000–2010-е гг. Среди таковых можно упомянуть следующие: так называемые «газовые войны», связанные со стоимостью природного газа для Беларуси и с условиями продажи белорусского транзитного предприятия «Белтрансгаз» российскому «Газпрому»; «нефтяные войны» вокруг условий поставок в Беларусь российской нефти и экспорта произведенных из нее нефтепродуктов; «молочные войны», причиной которых явились претензии российских санитарных органов к качеству белорусской сельскохозяйственной продукции, и др.

Примечательно, что двусторонние конфликты, пусть и несколько реже, продолжили присутствовать в белорусско-российских отношениях после перехода стран к экономическому сотрудничеству в рамках новых интеграционных объединений – Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП). В 2012 г. главным таким конфликтом стали противоречия сторон по поводу экспорта Беларусью нефтепродуктов, произведенных из российской нефти, под видом растворителей и разбавителей. Несмотря на то что формально белорусская сторона не нарушила ни одного интеграционного договора, сам факт подобного отношения к экономическому сближению вызвал немало вопросов у российских политиков.

Летом 2013 г. между странами сложились крайне напряженные отношения в связи с конфликтом двух национальных калийных компаний – «Беларуськалия» и «Уралкалия». Этот конфликт окончательно вышел за рамки диалога двух субъектов хозяйствования, когда генеральный директор «Уралкалия», прибывший в Минск по приглашению белорусского премьер-министра, был арестован, а еще несколько топ-менеджеров компании во главе с ее совладельцем объявлены в международный розыск по линии Интерпола. Законность подобных действий белорусской стороны еще предстоит оценить, однако уже сейчас можно констатировать, что они едва ли соответствуют декларируемому «союзническому» духу отношений Беларуси и России.

Нельзя не упомянуть и того факта, что одна из ключевых задач белорусско-российского сотрудничества в контексте евразийской интеграции – межотраслевая кооперация предприятий – также пока не имеет своего практического развития. В частности, на фоне калийного конфликта отсутствует прогресс в объединении МАЗа и КАМАЗа.

Претензии российской стороны по данному вопросу вызваны тем фактом, что по ходу переговорного процесса белорусские коллеги постоянно выдвигают новые условия, в результате чего сами переговоры становятся крайне затянутыми и, что самое главное, безрезультатными.

Итак, наличие противоречия между Беларусью и Россией, которые за последнее десятилетие так и не были разрешены и сохраняются, несмотря на переход стран к более институциональной евразийской интеграции (ТС и ЕЭП). Пример

Европейского союза показывает, что формирование Таможенного союза и зон, свободное перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы являются одними из первых этапов региональной экономической интеграции. Тем более странным кажется то, что уже на начальных этапах сближения объективно заинтересованная в интеграции Беларусь сохраняет высокий уровень конфликтности в отношениях с Россией, а в ее политике, очевидно, балансирование преобладает над примыканием (рис. 2).

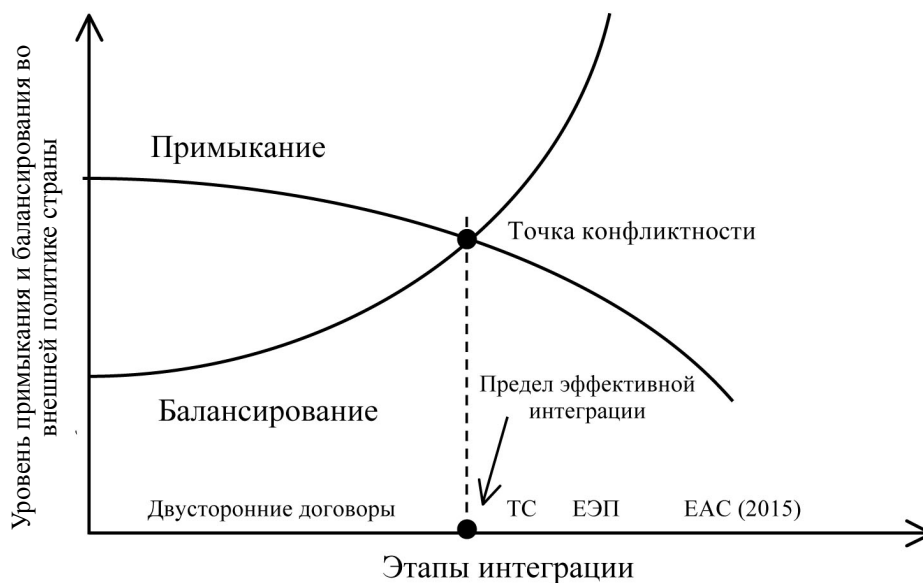

Рис. 2. Изменение политики балансирования и примыкания Беларуси по мере развития евразийской интеграции

Причина такого поведения видится в том, что интеграция Беларуси и России изначально отталкивалась не от «нулевой точки» – равноправного экономического сотрудничества двух независимых государств. Напомним: уже в 1990-е гг. Беларусь одной из первых на постсоветском пространстве получила существенные преференции от сохранения «льготного» режима торговли с Россией, причем сохраняла его дольше всех – вплоть до самого подписания соглашений об образовании Таможенного союза.

На первый взгляд, принципиального отличия от поэтапной интеграции здесь нет. Наоборот – если малое государство уже получает определенные выгоды от экономического сотрудничества с более сильным региональным лидером, то оно должно быть всячески заинтересовано в их пролонгации и институциональном закреплении. И действительно, заинтересованность Беларуси в сотрудничестве с Россией не только не уменьшилась, но, напротив, увеличилась на фоне нарастающих внутренних экономических проблем и сохраняющегося ограниченного диалога с западными партнерами – ЕС и США.

Тем не менее, если мы говорим о политике государства в контексте интеграции, его стремле-

нии к сближению или дистанцированию от более сильного регионального лидера, то существующий уровень экономического диалога двух стран имеет важное влияние на восприятие последующих интеграционных шагов.

Это проявляется в следующем. Если две страны начинают интеграцию «с нуля», то малое государство будет стремиться достигнуть того уровня сближения, который ему наиболее интересен (до момента точки конфликтности). Однако если между малым государством и региональным лидером уже достигнут определенный уровень экономической близости (в случае Беларуси и России – в рамках отдельных договоров), то любая попытка ее институционализации в новом интеграционном формате, предусматривающем более сильные наднациональные ограничения, будет вызывать негативную реакцию со стороны руководства малой страны, активизируя политику балансирования и приближая наступление точки конфликтности.

Пример белорусско-российских отношений показывает, что, несмотря на периодически возникающие противоречия, Беларусь в целом устраивал тот уровень сотрудничества с Россией, который был достигнут в 1990-е – первой половине 2000-х гг.

Очевидно, что по сравнению с любым другим постсоветским государством Беларусь имела самые льготные условия доступа к российским ресурсам и рынку. При этом стране удавалось постоянно ограничивать доступ российского капитала на белорусский рынок (исключением здесь является продажа 50% акций «Белтрансгаза» в 2006 г.). Иными словами, Беларусь к моменту подписания договора об образовании Таможенного союза уже получила определенные преимущества, при этом не будучи обремененной какими-либо обязательствами. Именно поэтому попытка России институционально закрепить не только нынешний уровень интеграции, но и придать ей импульс постоянного развития и углубления, уже на начальной стадии вызвала далеко не позитивную реакцию со стороны белорусского руководства.

Итак, отношения Беларуси с Россией на сегодняшний день можно охарактеризовать следующим образом. Для белорусской экономики евразийская интеграция по-прежнему имеет большое значение. Тем не менее, интеграционные процессы по обозначенным выше причинам опередили точку конфликтности, что негативно сказывается на отношениях двух стран как в двустороннем формате, так и в формате евразийской группировки. Дальнейшее углубление интеграции не только не решит эту проблему, но, напротив, может ее усугубить, активизировав в Беларуси националистическую политику как реакцию на дальнейшее ограничение государственного суверенитета интеграционными институтами. Именно поэтому решение данной проблемы должно начинаться уже на нынешнем интеграционном этапе.

3. Пока трудно однозначно определить, является ли исследуемая проблема универсальной для всех малых государств, которые участвуют в интеграции с более сильными акторами по белорусско-российскому сценарию – формированию наднациональных институтов, ограничивающих полномочия малого государства, после нескольких десятилетий преференциального экономического сотрудничества. С одной стороны, такой тип поведения есть вполне логичная реакция на внешние ограничения, не компенсируемые новыми выгодами. Как уже говорилось, прошлые выгоды на новом переговорном этапе не учитываются так, как этого ожидает инициатор институциональной интеграции. С другой стороны, если учитывать, что соотношение политики балансирования и примыкания подвержено влиянию многочисленных внешних и внутренних факторов, то и восприятие интеграции, и ее влияние на интенсивность той или иной политики у каждого малого государства будет различной.

Безусловно, в случае белорусско-российских отношений на это оказали существенное влияние такие факторы, как диспропорция субъектов интеграции (валовые внутренние продукты стран оцениваются в соотношении 1:17⁸), которая усугублена невысоким числом участников объединения, а также особенность политического

режима (общеизвестно, что авторитарные политические режимы более резко реагируют на внешние ограничения собственных полномочий внутри страны).

Не стоит забывать и о том, что, несмотря на декларируемую «волю» белорусского народа к сближению с Россией, общественное мнение, как и мнение представителей бизнеса, по вопросам интеграции является далеко не столь однозначным. Так, по данным опросов Независимого института социально-экономических и политических исследований (Минск), проведенных в 2009–2013 гг., предпочтения населения между объединением с Россией и Европейским союзом распределялись приблизительно поровну (около 40% за каждый из вариантов), причем в последние полтора года поддержка западного вектора интеграции была несколько выше⁹. Опрос представителей малого и среднего бизнеса, проведенный в 2013 г. Исследовательским центром ИПМ (Минск), показал, что нынешнее участие Беларуси в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве положительно оценила половина белорусских предпринимателей (50,6%), а перспективы ее углубления – лишь 44,3%¹⁰. По данным Интеграционного барометра Евразийского банка развития, белорусы хуже иных участников ТС и ЕЭП относятся к этим объединениям. Так, положительное мнение о ТС и ЕЭП высказали в Казахстане 80% и 76% опрошенных, в России – 72% и 70%, а в Беларуси – 60% и 62%¹¹.

Из этого следует два вывода. Во-первых, белорусское руководство, общество и бизнес схожим образом оценивают институциональные ограничения в рамках евразийской интеграции, что формирует высокий процент негативного отношения к этим процессам. Во-вторых, белорусское руководство в своих действиях, которые могут носить конфликтный характер, имеют возможность опереться на общественное мнение и интересы частного бизнеса. К слову, прошедшие годы показали, что такая практика может эффективно использоваться белорусской стороной в ходе двусторонних переговоров с Россией.

В целом сегодня становится все более очевидно, что попытки построить новый экономический союз на базе старых белорусско-российских договоров развиваются, мягко говоря, с переменным успехом. Схожая картина наблюдалась в 2000-е гг. и в российско-украинских отношениях, также регулярно сопровождавшихся различного рода торговыми и энергетическими конфликтами.

Исходя из этого, можно предположить, что наиболее правильным вариантом развития интеграции (реинтеграции) России с постсоветскими странами было бы завершение «цивилизованного развода» сторон и окончательный переход на рыночные механизмы экономического сотрудничества. Теоритически это позволило бы новым независимым малым государствам более объективно оценить собственные силы и перспективы своего

развития – самостоятельного или в формате интеграции с тем или иным региональным лидером. В результате интеграционные процессы приобрели бы существенно иной вектор, когда малые государства стали бы главными инициаторами экономического сближения, а не вынужденными участниками группировки (как это видится в случае с Беларусью).

Разумеется, существует определенный риск, что в этом случае Беларусь, лишенная российской экономической и финансовой поддержки, стала бы в гораздо большей степени подвержена демократическим и рыночным преобразованиям, которые привели бы к тому, что внешнеполитическая ситуация в этой стране стала бы развиваться по сценарию стран Прибалтики (вступление в ЕС и НАТО) или Украины (декларируемый приоритет европейской интеграции). Все же необходимо признать, что, несмотря на высокий уровень конфликтности белорусско-российских отношений, евразийская интеграция Беларуси уже стала действительностью (в отличие от все той же Украины). Однако в свете необходимости дальнейшего развития и углубления существующих экономических объединений требуется выработка инструментов, которые позволят снизить конфликтность двусторонних отношений Беларуси и России, а значит, обеспечат возможность более устойчивого развития евразийской интеграции.

Оценивая российскую политику в отношении Беларуси в последнее десятилетие, можно охарактеризовать ее как политику «кнута и пряника», где в роли пряников выступали новые льготы и преференции, а в роли кнута – угрозы или применение санкций и торгово-экономических ограничений (которые и приводили к вышеупомянутым газовым, нефтяным и молочным войнам). По всей видимости, ставка делалась на то, что «пряники» активизируют политику примыкания Беларуси, заинтересовав последнюю в экономическом сближении, а «кнут» предостережет от активизации политики балансирования.

В действительности же получилось наоборот. Практически все «новые» льготы и преференции являлись не чем иным, как уже предоставленными ранее (в 1990-е гг.). Изменились лишь условия их пролонгации, которые в 2000-е гг. все чаще стали накладывать на Беларусь определенные интеграционные обязательства. В результате политика примыкания не претерпела каких-то существенных изменений. Вместе с тем, новые условия сотрудничества все чаще вызвали резко негативную реакцию белорусского руководства, которое заметно активизировало политику балансирования, используя для этого все возможные инструменты. Среди них, в частности, можно назвать попытки активизировать диалог с Европейским союзом (в 2009–2010 гг.) и участие в созданной по его инициативе Восточном партнерстве, развитие экономического сотрудничества с Венесуэлой (по вопросам импорта нефти) и Китаем (привлечение

инвестиций с перспективой работы на территории всего ТС).

Очевидно, что такая стратегия приносит весьма умеренный результат. В связи с этим автор предполагает, что главным приоритетом в ближайшие годы должна стать политика, направленная не на стимулирование примыкания, а на институциональное ограничение балансирования Беларуси в евразийской экономической группировке.

Для этого, во-первых, **необходимо окончательно передать в компетенцию органов Таможенного союза и Единого экономического пространства все полномочия, регулирующие торгово-экономические отношения Беларуси и России.** Речь идет о том обстоятельстве, что сегодня экономическая составляющая иных форматов диалога, в частности – в рамках Союзного государства Беларуси и России, может вступать и нередко вступает в противоречие с евразийскими институтами, когда существуют различные механизмы спекуляций и получения дополнительных преференций в обход трехсторонних договоров ТС и ЕЭП. Иными словами, двусторонние *экономические* отношения должны быть полностью переведены в русло многосторонней евразийской экономической интеграции. Что касается самого Союзного государства, то в его компетенции следует сохранить неэкономическую деятельность, а само объединение сделать примером эффективного сохранения культурных связей между постсоветскими государствами.

Во-вторых, **нужно усилить работу по созданию действующего надгосударственного судебного органа, уполномоченного решать споры между межгосударственными субъектами хозяйствования.** Это позволит избежать дискриминирующего применения национального законодательства одной из заинтересованных сторон, как это было, в частности, в конфликте «Беларуськалия» и «Уралкалия», а также станет эффективным инструментом разрешения споров хозяйствующих субъектов, представляющих разные государства-участники объединения.

В-третьих, эффективная экономическая интеграция требует не только подписания договоров, но и их практического исполнения. Именно поэтому **целесообразным видится создание евразийского института, в полномочия которого будет входить анализ и оценка исполнения странами-участниками объединения подписанных соглашений, а также соответствия национального законодательства международным договорам.** В случае, если какие-либо нарушения будут иметь место, данный орган будет иметь возможность обратиться в наднациональную судебную инстанцию, создание которой предусмотрено предыдущим пунктом.

На практике результатом такой политики должно стать снижение интенсивности белорусского балансирования и, следовательно, смещение точки конфликтности (рис. 3). Лишь после и

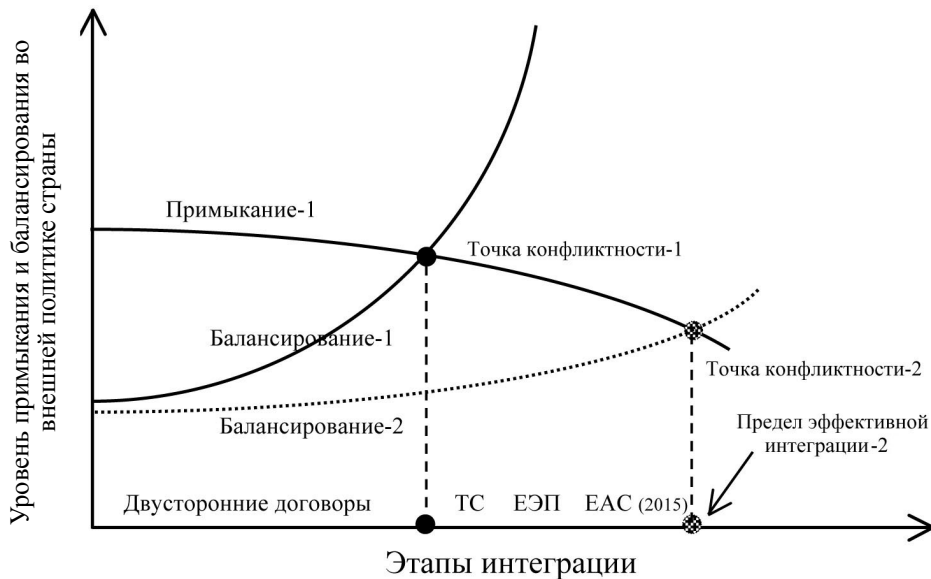

Рис. 3. Перспективы изменения политики балансирования и примыкания Беларуси по мере развития евразийской интеграции

только после этого в белорусско-российских отношениях будет создан определенный резерв для эффективного углубления евразийской интеграции, намеченного на вторую половину 2010-х гг.

В заключение необходимо признать, что перечисленные меры не являются безусловным гарантом долговременной нормализации белорусско-российских отношений. Противоречия между этими странами во многом являются объективными, равно как и интенсивность политики балансирования малого государства, возрастающая по мере развития интеграционного объединения. Иными словами, белорусско-российские противоречия продолжают иметь место, однако их проявление будет носить существенно менее конфликтный характер. Механизм ограничения белорусского балансирования позволит России, в первую очередь, выиграть время, необходимое для того, чтобы закрепить нынешний уровень интеграции и предложить Беларуси такую концепцию развития группировки, которая, возможно, в большей степени заинтересует и руководство этой страны, и ее бизнес-сообщество, и широкую общественность.

Примечания

¹ Путин считает Лукашенко последовательным сторонником интеграции с РФ // РИА Новости [электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20120127/550192846.html> (дата обращения: 03.03.2014).

² См.: Schweller R. Bandwagoning for Profit : Bringing the Revisionist State Back in // *International Security* 19:1 (Summer 1994).

³ См.: Кавешников Н. Малые и вредные // *Международные процессы*. 2008. Т. 6, № 3. С. 84–92.

⁴ См.: Кудряшова И. В. Легко ли быть средневеликим // *Международные процессы*. 2008. Т. 6, № 3 (18). С. 10–15.

⁵ См.: Walt S. Alliances in a Unipolar World // *World Politics*. 2009. Vol. 61/1. P. 86–120.

⁶ См.: Waltz K. *Theory of International Politics*. N. Y. : McGraw Hill, 1979. 256 p.

⁷ См.: Walt S. *The Origins of Alliances*. Cornell University Press, 1990. 336 p.

⁸ См.: World Economic Outlook (WEO) Database 2013 // International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/external/ns/cs.aspx?id=28> (дата обращения: 03.03.2014).

⁹ См.: Динамика белорусского общественного мнения / Независимый институт социально-экономических и политических исследований <http://www.iiseps.org/trends/11> (дата обращения: 03.03.2014).

¹⁰ См.: Скриба А. С. Белорусские МСП и Евразийская интеграция / Исследовательский центр ИПМ. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2013r05.pdf> (дата обращения: 03.03.2014).

¹¹ См.: Интеграционный барометр ЕАБР 2012 / Евразийский банк развития. URL: <http://www.vinokurov.info/assets/files/Centre%20Report%204%20rus.pdf> (дата обращения: 03.03.2014).

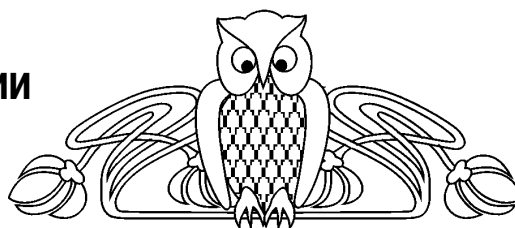

УДК [94:329.12:327](470)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ (на примере РПР-ПАРНАС)

Д. В. Редченко

Саратовский государственный университет
E-mail: engels-volga@yandex.ru

В статье, которая продолжает цикл публикаций автора, посвященных внешнеполитическим взглядам российской оппозиции, анализируются подходы к международным проблемам самой крупной праволиберальной партии России – РПР-ПАРНАС. Особое внимание уделяется оценкам российскими оппозиционными либералами таких актуальных в последние годы процессов и событий, как вступление России в ВТО, дипломатическая борьба на постсоветском пространстве вокруг вопроса о евроассоциации, гражданская война в Сирии, «Закон Магнитского».

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика России, российская оппозиция, современный либерализм, права человека, евроинтеграция.

Views of Foreign Policy of the Russian Liberal Opposition (on the Example of RPR-PARNAS)

D. V. Redchenko

In the article author continues his series of publications devoted to views on foreign policy among Russian opposition. This time he focused on the approaches to the international problems by the largest Right-wing liberal party of Russia – RPR-PARNAS. Special attention is given to estimates by the Russian oppositional liberals of such pressing questions as Russia's accession to the World Trade Organization, diplomatic clashes over the issues of euroassociation of some former Soviet Republics, civil war in Syria, and «The Magnitsky's Law».

Key words: international relations, foreign policy of Russia, Russian opposition, modern liberalism, human rights, eurointegration.

Представительство российской либеральной оппозиции в данной статье будет ограничено самой крупной и при этом наиболее непримиримой к нынешней российской власти современной либеральной партией России, а именно Республиканской партией России – Партией народной свободы (РПР-ПАРНАС), официально зарегистрированной Минюстом России 5 мая 2012 г. Сопредседателями партии являются хорошо известные в стране и за рубежом российские политики: Михаил Касьянов, Борис Немцов и Владимир Рыжков.

Внешнеполитические приоритеты этой части российских либералов кратко, но очень четко изложены в программе партии, принятой 16 июня 2012 г.

Собственно, внешнеполитическим целям и задачам посвящен лишь один пункт программы – 2.16, в котором ПАРНАС призывает: «Кардинально изменить внешнюю политику государства, поставив ее на службу реальным национальным интересам.

Восстановить нормальные, дружеские отношения с соседними государствами, бывшими республиками СССР. Стать частью общеевропейского пространства, ориентируясь на всестороннюю интеграцию с Европейским союзом. ... постепенно двигаться к формированию Союза Россия – НАТО для обеспечения европейской и глобальной безопасности на основе единых ценностей»¹.

Внешнеэкономические задачи сформулированы еще более коротко, но не менее четко. В посвященном им пункте программы – 2.8 – предлагается: «Перейти на европейские нормы технического регулирования и правила «входа» на рынок, создать с ЕС зону свободной торговли, в перспективе – таможенный союз с ЕС»².

В первой версии будущего пункта 2.8 программы, сформулированной 13 декабря 2010 г. на учредительном съезде «Партии народной свободы «За Россию без произвола и коррупции»», содержалась также задача вступления России в ВТО³, которая летом 2012 г. Кремлем была выполнена.

Однако результатами этого членства российские либералы остались недовольны в связи с неисполнением властями РФ своих обязательств, налагаемых ВТО. На международной конференции «ЕС и РФ: силы притяжения и отталкивания», организованной РПР-ПАРНАС и европейскими политиками из Альянса либералов и демократов за Европу (АЛДЕ) в Москве в декабре 2012 г., руководитель Высшей школы экономики (ВШЭ) Евгений Ясин заявил, что, к сожалению, РФ не сможет обойтись без соответствующих репрессивных мер со стороны ВТО и Евросоюза⁴. Причем директор по макроэкономическим исследованиям той же ВШЭ и член политбюро РПР-ПАРНАС Сергей Алексашенко даже допустил, что «Россия – первая страна, которая может выйти из ВТО», поскольку «у сегодняшних российских властей нет стратегического видения. Они не знают, зачем они вступили в ВТО. И поведение РФ в ВТО идет по той же колее»⁵.

По словам М. Касьянова, несмотря на то что Россия окончательно выбрала путь интеграции с ЕС «когда в 2003-м году на саммите Россия – ЕС в Санкт-Петербурге стороны провозгласили свои отношения «стратегическим партнерством», ... потом в 2005-м году начались резкие ухудшения отношений, все было заброшено»⁶, и к настоящему времени «мы далеко ушли от того уровня

отношений, который мы называли в 2003 году «стратегическим партнерством»⁷.

Вместо этого, по мнению В. Рыжкова, В. Путин отказался от реальной интеграции России с Евросоюзом и США в пользу проектов Таможенного союза с некоторыми странами СНГ (Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Арменией) и Евразийского союза. Причем это противопоставление основано не на экономической целесообразности, а на геополитических (имперских) амбициях Путина. Любые же попытки постсоветских стран начать интеграцию с Евросоюзом встречают жесткую реакцию Кремля, который сразу же начинает грозить «санкциями и неприятностями». В настоящее время с таким противодействием Москвы столкнулась Украина и временно отступила, отложив подписание соглашения с ЕС об ассоциации и всеобъемлющей зоне свободной торговли⁸.

Противоположной позиции, по словам Рыжкова, придерживается «РПР-ПАРНАС»: «Мы хотим, чтобы Россия стала европейским демократическим государством. Мы хотим, чтобы Беларусь стала европейским демократическим государством. Мы хотим, чтобы Украина стала европейским демократическим государством. Мы хотим, чтобы Молдова стала европейским демократическим государством, и чтобы все мы, пусть в отдаленной перспективе, стали частью объединенной Европы. Вот наша стратегия»⁹.

В связи с этим 25 ноября 2013 г. сопредседатели РПР-ПАРНАС Касьянов, Немцов и Рыжков выступили с совместным заявлением: «Исходя из интересов граждан России и Украины партия РПР-ПАРНАС считает необходимым активное сближение и последующую интеграцию обеих стран с Европейским союзом на основе общих общеевропейских ценностей. Мы не видим никаких угроз для россиян в стремлении украинского народа самостоятельно начать сближение Украины с Евросоюзом в ситуации, когда действующее руководство России наперекор реальным интересам граждан своей страны проводит курс на «цивилизационную» изоляцию России от ЕС и Запада в целом»¹⁰.

Участники уже упомянутой международной конференции «ЕС и РФ: силы притяжения и отталкивания», организованной РПР-ПАРНАС и Альянсом либералов и демократов за Европу (АЛДЕ), были солидарны в том, что путинская Россия руководствуется не теми ценностями, которыми следовало бы. В частности, Владимир Рыжков заявил, что в России «окончательно сформировался авторитарный репрессивный режим, не имеющий ничего общего с европейскими ценностями»¹¹. По словам другого сопредседателя РПР-ПАРНАС Бориса Немцова, «ценности Евросоюза – личность и права человека, ценности Путина – деньги и власть. Это разные ценности»¹².

Однако главным противником нынешнего российского президента, по мнению Рыжкова, яв-

ляется не Европа, а США: «Поддержку со стороны США демократии во всем мире и в России Путин и Ко воспринимают как сознательную подрывную работу американцев против российского режима, и против Путина лично. Поэтому сегодня все, что связано с Америкой, предается в Москве анафеме, а все американское выдавливается из страны»¹³.

По словам другого лидера РПР-ПАРНАС Михаила Касьянова, все попытки США (при поддержке Евросоюза) избавить мир от самых одиозных режимов наталкиваются на жесткую позицию официальной России в защиту этих режимов, за которую «ее сознательным и образованным гражданам, ориентированным на европейский выбор, на европейские ценности, должно быть стыдно». При этом, считает Касьянов, «российские руководители любят» выставлять себя в качестве едва ли не главных защитников международного права. «Но лицемерие такой позиции совершенно очевидно. ... на самом деле противоречия и противостояния современному международному праву, российские власти защищают вовсе не его, а международное право образца примерно конца позапрошлого века», когда «в рамках так называемой Вестфальской системы ... признавался абсолютный приоритет суверенитета национальных государств над всем прочим. Иными словами, в рамках своих границ государства могли творить что и как угодно, и международное сообщество не имело права вмешиваться»¹⁴.

Российские же либералы, так же как США и Евросоюз, руководствуются, по словам Касьянова, международным правом XXI века, в центре которого «находится уже не священный культ государства, а человек», права которого в современном мире защищаются не столько на национальном, сколько на международном уровне¹⁵. При этом «Россия – это не Советский Союз. Являясь членом ОБСЕ и Совета Европы, наша страна дала обязательства соблюдать элементарные стандарты демократии и прав человека. Сегодня эти обязательства не выполняются и, более того, ставятся российскими властями под сомнение»¹⁶.

Наиболее одиозное воплощение, по мнению лидеров РПР-ПАРНАС, эта позиция получила в сирийском вопросе. По словам Немцова, высказанным в феврале 2012 г. на пресс-конференции в Оттаве, позиция Кремля в сирийском вопросе, которая выглядит как антиамериканская, на самом деле является антироссийской. В. Путин руководствуется только своими личными интересами, противоречащими интересам страны: «Он считает, что сначала были Каддафи и Мубарак, теперь Асад, а следующим будет он, Путин. Поэтому, защищая Асада, он защищает себя»¹⁷.

Соответствующим образом в РПР-ПАРНАС восприняли известие об одобрении в ООН инициативы России по передаче химического оружия Сирии мировому сообществу. 27 сентября 2013 г. Касьянов заявил: «Сегодня многие хвалят российское руководство за выдвинутую инициативу ...

которая, как утверждается, позволит найти взаимоприемлемую дипломатическую развязку сирийской проблемы». Однако вряд ли «сирийский режим, который, наплевав на международное право, применил химическое оружие, теперь беспрекословно передаст это оружие под контроль международного сообщества». В итоге, по мнению Касьянова, инициатива России всего лишь дала бессмысленную для США и других демократических стран отсрочку в осуществлении давно назревших решительных действий против режима Асада¹⁸.

В самой России, признают оппозиционные либералы, подобные «гуманитарные» силовые акции США и НАТО, конечно, невозможны. Мешает, прежде всего, ядерный арсенал страны. Более того, лидеры РПП-ПАРНАС неоднократно заверяли, что не желают сценария «арабской весны» для России¹⁹. Между тем борьба с Кремлем (в том числе вооруженная) при опоре лишь на собственные силы признается ими также недостаточно эффективной. Поэтому РПП-ПАРНАС рассчитывает на третий путь борьбы: демократическая революция в России (по возможности ненасильственная) при плотной информационной и финансовой поддержке Западом оппозиционных организаций России и сворачивании им сотрудничества и введении санкций в отношении официальной России²⁰.

Так, по словам Касьянова, «такая форма взаимодействия Запады с российским режимом, как встречи на высшем уровне, должна быть отложена до лучших времен»²¹, поскольку «объятья и поцелуи демократически избранных лидеров с нелегитимными российскими руководителями [должны] ставиться в зависимость от соблюдения последними международных обязательств, принятых на себя Россией»²².

Говоря об американских санкциях на основе «Закона Магнитского», Касьянов подчеркнул, что «это не санкции против страны и против народа – это лишение привилегий нарушителей прав человека. Это реальная поддержка российского правозащитного движения, реальная поддержка российских демократов, борющихся за строительство демократического государства»²³.

Борис Немцов, присутствовавший 16 ноября 2012 г. в Конгрессе США во время голосования по закону, чуть позже на своем персональном сайте, увязав принятие «Закона Магнитского» и отмену поправки Джексона–Вэника, заявил, что это «отличный 100%-й пророссийский закон – страну не трогать, негодяев наказывать»²⁴.

При этом другой лидер РПП-ПАРНАС М. Касьянов, так же как и Немцов, выразил надежду, «что не только США, но и наши европейские партнеры примут аналогичные меры», правда, тут же оговорился, что «к сожалению, реакция представителей власти (в Европе. – Д. Р.) не обнадеживает. ... Идет интерпретация в стилистике холодной войны советских времен. Дескать, это наши внутренние дела»²⁵.

По словам Касьянова, такой подход в подобных вопросах вовсе не случаен: польстившись на выгоды от сотрудничества с Кремлем, «многие европейские политики в Евросоюзе считают, что господин Путин и его режим должны получить особую грамоту охранную, право на неисполнение международных обязательств в отношении прав человека»²⁶.

Есть у РПП-ПАРНАС претензии и к нынешней президентской администрации США. По словам Касьянова, «опыт последних лет убедительно показал, что близорукая тактика «перезагрузки» бесперспективна и контрпродуктивна, все уступки Запады в конечном счете идут ему и нам во вред»²⁷.

6 сентября 2013 г. Борис Немцов даже проигнорировал московскую встречу Обамы с российскими правозащитниками, заявив, что не видит никакого смысла в подобной встрече: «Обама – голливудский актер, бесхарактерный слабак. Не следует ждать, что он поможет россиянам обрести гражданскую свободу»²⁸.

Гораздо с большими надеждами лидеры ПАРНАСа встречаются с представителями другой американской партии – республиканской, с которыми найдено настоящее понимание, особенно такими жесткими и последовательными критиками Кремля и лично В. В. Путина, как Джон Маккейн²⁹.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что внешнеполитическая доктрина российских либералов не отличается оригинальностью и довольно точно копирует внешнеполитический курс Запады и в международных отношениях в целом и в отношении места России в этих международных отношениях в частности. Фактически РПП-ПАРНАС сконцентрирован лишь на двух внешнеполитических целях: стратегической – превратить Россию в неотъемлемую часть западной цивилизации (в том числе добиться членства в различных европейских и евроатлантических структурах) и тактической – в качестве важного условия достижения первой цели получить максимально широкую и далеко идущую поддержку Запады в борьбе против нынешней российской власти.

Примечания

- 1 Программа республиканской партии России – партии народной свободы (РПП-ПАРНАС). Принята 15-м внеочередным Съездом РПП 16 июня 2012 г. в г. Москве. URL: http://svobodanaroda.org/about/docs/party_program.php (дата обращения: 22.12.2013).
- 2 Там же.
- 3 См.: Программа Политической партии «Партия народной свободы «За Россию без произвола и коррупции»». Принята Учредительным съездом Политической партии «Партия народной свободы «За Россию без произвола и коррупции»».
- 4 См.: РНДС-РПП-ПАРНАС и АЛДЕ провели в Москве международную конференцию «ЕС и РФ: силы притяжения и отталкивания». 07.12.2012. URL: <http://>

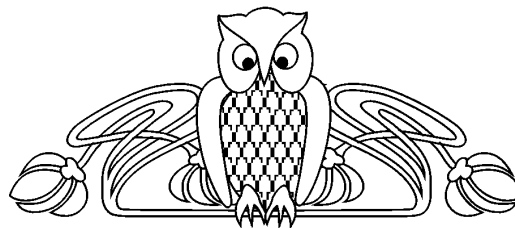

- svobodanaroda.org/news_part/3715/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 5 Там же.
- 6 Михаил Касьянов : О евроинтеграции Украины. URL: <http://svobodanaroda.org/news/4358/> (дата обращения: 28.11.2013).
- 7 РНДС-РПР-ПАРНАС и АЛДЕ провели в Москве международную конференцию «ЕС и РФ : силы притяжения и отталкивания». 07.12.2012. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/3715/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 8 См.: Владимир Рыжков : Лукашенко может взять в заложники посла России Сурикова. 28.10.2013. URL: <http://svobodanaroda.org/press/4295/> (дата обращения: 22.12.2013).
- 9 Там же.
- 10 Сопредседатели РПР-ПАРНАС : Партия поддерживает сближение с Евросоюзом Украины и России. 25.11.2013. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/4350/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 11 РНДС-РПР-ПАРНАС и АЛДЕ провели в Москве международную конференцию «ЕС и РФ : силы притяжения и отталкивания». 07.12.2012. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/3715/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 12 Там же.
- 13 Владимир Рыжков для The Moscow Times : Инвестирование в Майами было ошибкой Пехтина. 26.02.2013. URL: <http://svobodanaroda.org/press/3934/> (дата обращения: 22.12.2013).
- 14 РПР-ПАРНАС и ALDE провели международную конференцию «Россия и ЕС в глобальном мире сегодня». 27.09.2013. URL: <http://svobodanaroda.org/news/4255/> (дата обращения: 22.12.2013).
- 15 Там же.
- 16 «Запад должен отвергнуть мимолетные выгоды от потакания путинскому режиму во имя ценностей, на которых построено западное общество»: выступление М. Касьянова на международной конференции «Хельсинки 2.0: За демократию и верховенство права в России», 9–10 ноября 2011г. в Хельсинки (Финляндия). 10.11. 2011. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/2543/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 17 Немцов : Россия наложила вето на резолюцию ООН по Сирии, чтобы защитить Путина («СВС», Канада). 09.02.2012. URL: <http://www.inosmi.ru/politic/20120209/185416484.html> (дата обращения: 22.12.2013).
- 18 См.: РПР-ПАРНАС и ALDE провели международную конференцию «Россия и ЕС в глобальном мире сегодня». 27.09.2013. URL: <http://svobodanaroda.org/news/4255/> (дата обращения: 22.12.2013).
- 19 См., например: «Запад должен отвергнуть мимолетные выгоды от потакания путинскому режиму во имя ценностей, на которых построено западное общество»: выступление М. Касьянова на международной конференции «Хельсинки 2.0: За демократию и верховенство права в России», 9–10 ноября 2011г. в Хельсинки (Финляндия). 10.11.2011. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/2543/ (дата обращения: 22.12.2013); Немцов : Таргамадзе – авантюрист и пьяница. 26.10.2012. URL: <http://www.dni.ru/polit/2012/10/26/242643.html> (дата обращения: 22.12.2013).
- 20 РНДС-РПР-ПАРНАС и АЛДЕ провели в Москве международную конференцию «ЕС и РФ : силы притяжения и отталкивания». 07.12.2012. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/3715/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 21 Михаил Касьянов : Возможная отмена президентом Обамой предстоящей российско-американской встречи на высшем уровне – логичный шаг, демонстрирующий отношение США к ущемлению прав российских граждан. 05.08.2013. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/4182/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 22 «Запад должен отвергнуть мимолетные выгоды от потакания путинскому режиму во имя ценностей, на которых построено западное общество» : выступление М. Касьянова на международной конференции «Хельсинки 2.0 : За демократию и верховенство права в России», 9–10 ноября 2011г. в Хельсинки (Финляндия). 10.11. 2011. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/2543/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 23 Михаил Касьянов призвал европейских политиков дать политическую оценку нарушений прав человека в Российской Федерации. 5-го июня в Европарламенте прошли слушания, посвященные проблеме политических заключенных в России. 05.06.2013. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/4102/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 24 Нижняя палата конгресса США одобрила проект «закона Магнитского» и отмены поправки Джексона-Вэника. URL: <http://www.nemtsov.ru/?id=718632> (дата обращения: 22.12.2013).
- 25 Конгресс США принял закон Магнитского. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/3623/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 26 Михаил Касьянов призвал европейских политиков дать политическую оценку нарушений прав человека в Российской Федерации. 5-го июня в Европарламенте прошли слушания, посвященные проблеме политических заключенных в России. 05.06.2013. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/4102/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 27 «Запад должен отвергнуть мимолетные выгоды от потакания путинскому режиму во имя ценностей, на которых построено западное общество»: выступление М. Касьянова на международной конференции «Хельсинки 2.0: За демократию и верховенство права в России», 9–10 ноября 2011г. в Хельсинки (Финляндия). 10.11. 2011. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/2543/ (дата обращения: 22.12.2013).
- 28 Немцов : Обама – голливудский актер и бесхарактерный слабак. 07.09.2013. URL: <http://inotv.rt.com/2013-09-07/Nemtsov-Obama-gollivudskij-akter> (дата обращения: 22.12.2013).
- 29 См., например: Сенатор Джон Маккейн: «Россияне заслуживают лучшего, чем Путин». Обращение Джона Маккейна к гражданам России. 19.09.2013. URL: http://www.pravda.ru/news/world/northamerica/usacanada/19-09-2013/1174849-McCain_for_pravda_ru-0/ (дата обращения: 22.12.2013); М. Касьянов и В. Кара-Мурза провели встречи в Конгрессе США. 08.03.2013. URL: http://svobodanaroda.org/news_part/3956/ (дата обращения: 22.12.2013); Фотоальбом. В Конгрессе США Джон Маккейн, Борис Немцов, Владимир Кара-Мурза. URL: <http://www.nemtsov.ru/?id=706147> (дата обращения: 22.12.2013).

УДК 327 (4/5) [20]

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОГРАММЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА «ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО»

А. Н. Михайленко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва
E-mail: anmikh@mail.ru

И. И. Арсентьева

Саратовский государственный университет
E-mail: airen1@yandex.ru

В статье анализируется программа «Восточное партнерство», которая представляет собой инициативу Европейского союза, определяющую его отношения с постсоветскими государствами – Азербайджаном, Арменией, Беларуссией, Грузией, Молдавией и Украиной. Особое внимание уделяется приграничному сотрудничеству, включая программу «Территориальное сотрудничество стран Восточного партнерства».

Ключевые слова: постсоветское пространство, приграничное сотрудничество, Европейский союз, программа «Восточное партнерство», Украина, Россия, евразийская интеграция.

The Border Cooperation in the European Union's Eastern Partnership Program

A. N. Mikhailenko, I. I. Arsenyeva

This article deals with the Eastern Partnership Program. It is an initiative of the European Union governing its relationship with the post-Soviet states – Azerbaijan, Armenia, Belarus, Georgia, Moldova and Ukraine. Particular attention is given to border cooperation, including the Eastern Partnership Territorial Cooperation Support Programme.

Key words: post-Soviet space, border cooperation, European Union, Eastern Partnership Program, Ukraine, Russia, Eurasian integration.

Политика Европейского союза по отношению к соседним странам и странам, которые стали ближе к ЕС в результате его расширения, именуется Европейской политикой соседства (*European Neighbourhood Policy*). Общая концепция данной политики сформулирована в 2003 г. в сообщении Еврокомиссии «Расширенная Европа – соседи: новые рамки отношений с нашими восточными и южными соседями»¹. Декларируемой целью стало сотрудничество по созданию зоны безопасности и благосостояния, «кольца друзей» на границах Евросоюза. Региональными преломлениями европейской инициативы выступают «Северное измерение», «Средиземноморский союз», «Восточное партнерство».

Программа «Восточное партнерство» (*Eastern Partnership Program*) направлена на сближение Европейского союза с шестью бывшими советскими республиками – Азербайджаном, Арменией,

Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной. Проект был впервые озвучен в мае 2008 г., в декабре того же года Европейская комиссия представила предложения по его развитию, в мае 2009 г. в Праге прошел первый саммит. По его итогам была подписана Совместная декларация², предполагающая возможность заключения соглашений ЕС с теми постсоветскими странами, которые преуспеют в проведении политических и социально-экономических реформ.

В целом «Восточное партнерство» – достаточно многоплановый проект, но в нем можно выделить следующие ключевые компоненты³:

– новые договорные отношения, реализуемые посредством Соглашений об ассоциации (*Association Agreements*), которые призваны заменить Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (*Partnership and Cooperation Agreements*), заключенные ЕС с восточными соседями;

– комплексную программу институционального строительства (*Comprehensive Institution Building Programme*), т. е. широкомасштабные реформы существующих институтов;

– «глубокие и всеобъемлющие» зоны свободной торговли (*deep and comprehensive free trade areas*), которые должны помочь восточным соседям выйти со своими товарами на рынок Европейского союза, а в перспективе способствовать образованию Экономического сообщества европейского соседства (*Neighbourhood Economic Community*);

– новую визовую политику (*new visa policy*) и визовую либерализацию (*visa liberalization*), что предусматривает заключение соглашений о мобильности и безопасности (*Mobility and Security Pacts*) с каждым из государств-членов «Восточного партнерства» в целях усиления мобильности людских потоков и одновременно борьбы с нелегальной миграцией;

– углубление энергетического сотрудничества, вынесение на повестку дня положений об «энергетической взаимозависимости» (*energy interdependence*), включение восточных партнеров в единое энергетическое пространство Европы;

– содействие социально-экономическому развитию восточных партнеров (*supporting economic and social development*), в том числе с помощью механизмов приграничного сотрудничества.

Последнее положение получило более детальную разработку в принятом в мае 2011 г. совместном коммюнике «Новый ответ на изменяющееся соседство» (*A New Response to a Changing*

Neighbourhood)⁴. В документе подчеркивается, что приграничное сотрудничество стран «Восточного партнерства» выступает одним из инструментов преодоления экономического неравенства регионов и повышения качества жизни населения.

На характер европейской инициативы значительно повлиял российско-грузинский конфликт 2008 г. Его развитие способствовало достижению большинством государств-членов ЕС консенсуса относительно необходимости систематизации и активизации деятельности на постсоветском пространстве. Более того, это событие значительно усилило позиции сил, выступавших за создание «Восточного партнерства» в качестве ответа на «негативное влияние» Москвы. В итоге не только ускорился процесс разработки программы, но и ее формулировки стали более жесткими. В то же время европейские политики неоднократно делали заявления о нейтральном геополитическом характере программы. Так, и.о. премьер-министра Чехии, председательствующей в 2009 г. в ЕС, М. Тополанек на пресс-конференции по итогам Пражского саммита заявил, что проект «не должен быть ни возобновлением блоковой системы, ни борьбой за сферы влияния»⁵.

Несмотря на подобные заявления, европейская инициатива вызвала достаточно настороженную реакцию российской стороны. Многие политики и эксперты усмотрели в этом очередную попытку Евросоюза укрепить свое геополитическое влияние на постсоветском пространстве за счет России. Высказываются опасения, что программа создаст новые разделительные линии в Европе и поставит страны региона перед искусственным выбором между сотрудничеством с Москвой или Брюсселем. А. И. Суздальцев сравнил «Восточное партнерство» и ГУАМ: обе структуры объединяют «обиженных» Россией и призваны застопорить развитие таких интеграционных объединений, как ЕврАзЭС, СНГ и т. д. По мнению эксперта, реальная цель программы – оттеснение России в «северо-восточный угол Евразии»⁶.

Этот прогноз, сделанный в 2009 г., находит подтверждение в украинском варианте евроинтеграции. Как известно, переговоры о подписании Соглашения об ассоциации Украины с ЕС (*Ukraine-European Union Association Agreement*) велись на протяжении нескольких лет. Документ планировали подписать в ноябре 2013 г. на Вильнюсском саммите «Восточного партнерства». Однако за несколько дней до саммита кабинет министров Украины приостановил процесс подготовки к заключению соглашения «с целью принятия мер по обеспечению национальной безопасности..., более детального изучения и проработки комплекса мероприятий, которые необходимо осуществить для восстановления утраченных объемов производства и направлений торгово-экономических отношений с РФ и другими государствами-членами СНГ»⁷. Принятое украинским правительством решение спровоци-

ровало массовые столкновения сторонников и противников евроинтеграции, в результате чего в феврале 2014 г. в Украине произошла смена власти.

Уже в марте переговоры об ассоциации были возобновлены, 21 марта подписана политическая часть Соглашения, а 27 июня – экономическая. По заявлениям МИД Украины, это стало исторической вехой в развитии отношений с ЕС, формально закрепляя цивилизационный выбор в пользу европейских ценностей демократии, верховенства права, соблюдения прав и свобод человека⁸. Министр экономического развития и торговли Украины П. М. Шеремета заявил, что выгоды от евроинтеграции в конечном итоге переселят ее риски: выходя на очень конкурентоспособный европейский рынок, украинский бизнес вынужден повышать качество своих товаров и услуг, инновационность, маркетинг⁹.

Безусловно, способность украинской продукции конкурировать на европейском рынке и оптимизм новой украинской власти по поводу ассоциации с ЕС вызывают множество сомнений. Невозможно сбросить со счетов и тот факт, что Россия занимала одно из лидирующих мест среди зарубежных инвесторов в украинскую экономику и являлась крупнейшим торговым партнером (более четверти внешней торговли Украины). Следовательно, отказ Киева от сотрудничества с Москвой влечет за собой целый комплекс негативных последствий для национальной промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы и т.д.

Сегодня некоторые западные политики и политологи признают, что откровенная европейская стратегия отрыва стран СНГ от России зашла в тупик. Это касается, в том числе, программы «Восточное партнерство». Представитель Еврокомиссии М. Гуз-Веттер заявила о необходимости диалога между ЕС и Россией в отношении будущей Молдавии, Грузии и других стран¹⁰. Исследовательница из германского Института европейской политики К. Боттгер еще более категорична. Она считает, что со стороны Евросоюза было глупостью попытаться заменить Россию экономическими связями с европейскими государствами¹¹. Это невозможно потому, что доля России в их экономических связях нередко больше, чем доля Европы.

Об этом свидетельствует множество примеров из жизни постсоветских стран. Так, в 2013 г. на российский рынок было поставлено 180 тыс. т молдавских яблок (из общего объема экспорта в 194 тыс. т). Летом 2014 г. Россельхознадзор запретил их ввоз из-за обнаружения плодовой гнили. Злые языки, правда, утверждают, что данная мера принята в ответ на проевропейский курс нынешних молдавских властей. Тем не менее, вне зависимости от причин принятия решения, молдавские яблоки потеряли российский рынок. В сложившихся условиях Кишинев попросил по-

мощи у Евросоюза, который вдвое увеличил молдавскую квоту – с 40 до 80 тыс. т. Но очевидно, что это составляет незначительную часть потеряннного рынка. К тому же, увеличение квоты совсем не означает, что вся она будет выбрана молдавскими производителями. Необходимо соответствовать европейским стандартам качества. Учитывая, что российский рынок оказался закрытым также для сельскохозяйственной продукции из ЕС, Молдавии вряд ли стоит ожидать значительной помощи.

Мысль о теснейшей связи России и постсоветских стран в разных вариациях всё чаще встречается в европейской политической мысли. Так, в редакционной статье влиятельной британской газеты *Financial Times* говорится о том, что реинтеграция стран постсоветского пространства в Евразийский экономический союз – не такая уж плохая идея¹². У этого объединения, считают авторы статьи, есть некоторые преимущества. Несомненно, оно отличается от Евросоюза, и конфронтация между ними может привести к расколу Европы. Поэтому редакция газеты делает вывод о том, что Европейскому союзу лучше попытаться предотвратить такую конфронтацию, стремиться к согласованию принципов и правил торговли. В частности, предлагается провести трехсторонние переговоры с Россией и Украиной в отношении ассоциации Киева с Европейским союзом.

Такое изменение европейской позиции означает признание теснейших связей постсоветских стран с Россией и понимание того, что искусственный их разрыв чреват множественными негативными последствиями. Существует несколько проявлений этого понимания со стороны как самих этих стран, так и руководителей европейских государств. Например, на встрече глав правительств стран СНГ в Минске в конце мая 2014 г. молдавский премьер Ю. Лянкэ заявил: «На наш взгляд, никаких противоречий зоны свободной торговли с ЕС и СНГ нет»¹³. Можно надеяться, что заявление было предварительно согласовано с европейскими партнерами, которые также разделяют эту позицию.

В этом же плане обратим внимание на то, что в конце мая 2014 г. в Берлине премьер-министр Молдавии Ю. Лянкэ, глава правительства Грузии И. Гарибашвили и и.о. премьер-министра Украины А. Яценюк встречались с А. Меркель. Канцлер Германии подчеркнула, что ЕС «не хочет вступать в конкурентную борьбу с Российской Федерацией», и не ставит перед тремя странами-партнерами искусственный выбор между Западом и Востоком¹⁴. На наш же взгляд, конкуренция не несет в себе отрицательного заряда и даже была бы желательна для эффективного развития постсоветского пространства, но соперничество и, тем более, противоборство – вот чего не стоило бы допускать в отношениях между Россией и Евросоюзом.

Еще более четко мысль о возможности разноформатного сотрудничества постсоветских стран

выразил президент Франции Ф. Олланд, выступая 12 мая 2014 г. на открытии армяно-французского экономического форума в Ереване: «Мы должны найти такую модель ассоциации Армении с Евросоюзом, которая не противоречила бы членству Армении в Таможенном союзе»¹⁵. Он отметил также, что Франция не заставляет Армению делать выбор, который бы противоречил ее интересам. Более того, французский президент выразил уверенность в том, что можно найти указанную выше модель. Всё это свидетельствует о довольно существенном изменении позиции Европейского союза, которое Россия должна учесть в своей политике.

Такое мнение политиков находит поддержку и среди ученых. Например, исследователи известного аналитического центра «Карнеги» изучали вопрос об отношении Таможенного союза (который сегодня вырос в Евразийский экономический союз) и Европейского союза¹⁶. Они пришли к выводу о том, что некоторые члены ЕС, особенно балтийские страны и Польша, рассматривают Таможенный союз как попытку Москвы возродить империю. Однако такие опасения необходимо преодолеть, внимательно следить за развитием этой организации, сотрудничать с ней в соответствии со своими интересами. По мнению авторов исследования, Россия стремится к равноправному сотрудничеству с Брюсселем, и предложение Москвы о формировании общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока заслуживает внимания.

К сожалению, подобное здоровое отношение с трудом пробивает себе дорогу. Отношения Евросоюза с Россией резко обострились на фоне гражданской войны в Украине. Поэтому можно ожидать, что в обозримом будущем ЕС не откажется от своих планов отрыва постсоветских стран от России. Более того, вполне возможна активизация деятельности в восточном направлении, а значит, число разделительных линий на постсоветском пространстве будет увеличиваться.

В складывающейся ситуации, представляющей вполне очевидную угрозу российским национальным интересам, имеет смысл обратить более пристальное внимание на приграничье. В Концепции внешней политики РФ отмечается, что «приграничное сотрудничество является важным резервом двусторонних связей с соответствующими странами и регионами в торговой, экономической, гуманитарной и иных областях»¹⁷. Более того, мы согласимся с мнением Л. Н. Снежановой, которая утверждает, что приграничное сотрудничество помогает укреплять исторически сложившиеся связи и решать отдельные вопросы межгосударственных отношений, в том числе такие, по которым затруднительно или пока невозможно принимать решение на более высоком уровне¹⁸.

Приграничные связи могут и должны способствовать формированию на постсоветском

пространстве такой интеграционной структуры, которую внешние акторы не смогут разрушить при всем их желании. В этом направлении имеются неиспользованные резервы, существуют возможности более эффективного развития приграничных связей. Одна из таких потенциальных возможностей состоит в том, чтобы использовать некоторые разработки ЕС.

Особый интерес в этом отношении представляет подпрограмма «Территориальное сотрудничество стран Восточного партнерства», ТСВП (*Eastern Partnership Territorial Cooperation Support Programme*, EaPTC)¹⁹. Она распространяется на акторов вдоль границы между Арменией и Грузией, Азербайджаном и Грузией, Белоруссией и Украиной, Украиной и Молдавией.

ТСВП ставит перед собой задачу получения следующих результатов институционального развития (*institutional building*):

- составление карты акторов и целевых групп, существенных для успешного воплощения в жизнь программ территориального сотрудничества;
- разработка управленческих подходов и механизмов;
- определение политических, правовых и административных препятствий территориальному сотрудничеству и воплощение в жизнь лучших практик противодействия им;
- создание дополнительных финансовых ресурсов для территориального сотрудничества со стороны правительств и доноров.

В наращивании возможностей субъектов приграничного сотрудничества (*capacity building*) программа должна получить следующие результаты:

- лучшее понимание возможностей целевых групп и разработка методологии работы с их недостатками в привязке к каждой из четырех приграничных зон;
- укрепляющиеся возможности местных/региональных государственных и негосударственных акторов по обе стороны границы выявлять партнеров и организовывать действия в общих интересах, находить источники финансирования и управлять совместными проектами;
- знание о программах территориального сотрудничества, укрепление собственности территориального сотрудничества.

Проекты территориального сотрудничества осуществляются на грантовой основе. Заявки могут подавать местные и региональные органы власти, поставщики государственных услуг (например, органы здравоохранения), академические, образовательные, научно-исследовательские структуры, спортивные и культурные учреждения (музеи, библиотеки, молодежные организации), организации гражданского общества, деловые ассоциации и союзы.

Важнейшим условием предоставления грантов является участие обеих сторон приграничья на всех стадиях разработки и реализации проекта.

Кроме того, в штате сотрудников, сопровождающих проект, также должны быть представители обеих сторон. Наконец, финансирование должно быть совместным: средства ЕС – не более 80 % общей стоимости проекта, по 10% должны внести сами участники.

В соответствии с ТСВП будут поддерживаться трансграничные проекты, направленные на решение трех задач. Первая из них – улучшение условий жизни местных общин. Это может быть, например, проект повышения конкурентоспособности местной экономики, разработка совместных туристических маршрутов, выработка совместными усилиями путей решения трансграничных проблем и др. Вторая – решение общих проблем в области окружающей среды, занятости, здравоохранения и т.д. Например, совместный мониторинг и рациональное использование природных ресурсов и заповедников. Наконец, третья задача состоит в развитии в приграничных районах совместными усилиями культуры, образования и спорта. Особое внимание уделяется развитию контактов между людьми (расширение информационных обменов, создание местных социальных сетей и пр.). На решение этих задач Европейская комиссия выделяет из своего бюджета 12,5 млн евро, которые должны быть дополнены донорами, а также странами-участниками проекта.

ТСВП, по замыслу его разработчиков, должно стать одним из кирпичиков в построении крепкого трансграничного партнерства в Большой Европе. Реализация программы, по заверениям европейских политиков, сблизит общества стран-участниц и поднимет уровень жизни в тех регионах, где будут осуществляться трансграничные проекты. В то же время отмечается, что территориальное сотрудничество в рамках «Восточного партнерства» ограничивается рядом факторов. В частности, наблюдается недостаточная осведомленность и компетентность со стороны местных и региональных органов власти, что препятствует осуществлению намеченных мероприятий в полном объеме²⁰.

Для решения данной проблемы за последний год предпринят ряд практических шагов. С июня 2013 г. начал свое функционирование сетевой портал www.eaptc.eu, ставший основным источником информации о произошедших и запланированных событиях, а также, что крайне важно, инструментом поиска партнеров. Налажен выпуск электронного бюллетеня ТСВП, первый номер которого вышел в январе 2014 г.²¹ Прошли обучающие семинары и медиа-брифинги. Последние, учитывая роль СМИ в современном мире, крайне важны для обеспечения эффективной реализации любой программы. В этой связи в Армении, Грузии, Молдавии и Украине проведена серия брифингов для журналистов. Региональные телерадиокomпании, печатные и электронные СМИ проинформированы о том, как государственные и негосударственные структуры могут участвовать в проектах ТСВП.

Особую роль в налаживании приграничных контактов призваны сыграть региональные конференции, которые уже состоялись в 2013 г. в Степанаване, Житомире, Кишиневе, Телави. Так, в прошедшей 11 октября в Степанаване конференции приняли участие представители трех марзов (областей) Армении – Ширак, Лори, Тавуш и двух пограничных с ними мхаре (краев) Грузии – Самцхе-Джавахети и Квемо-Картли. Участники мероприятия обсудили ряд проблем, касающихся таких сфер, как социальное и экономическое развитие приграничных регионов, расширение сотрудничества в рамках культуры, спорта и туризма.

4 июля 2014 г. в Тбилиси состоялась конференция, в которой приняли участие более 160 представителей центральных и региональных органов власти, организаций гражданского общества и независимых экспертов из всех шести стран «Восточного партнерства». Они подтвердили стремление развивать более тесные связи между своими приграничными регионами и запустить в действие трансграничные проекты. В рамках мероприятия прошло обсуждение приоритетов, институциональных основ и механизмов управления этими программами.

Конечно, говорить об успехах или, напротив, неудачах ТСВП преждевременно, поскольку отбор заявок производится до декабря 2014 г. Реализация поддерживаемых проектов стартует в январе 2015 г. Тем не менее, сама идея и предварительная работа по активизации приграничных связей представляют большой интерес. В этой связи российским экспертам следовало бы более подробно изучить принципы и механизмы деятельности ТСВП, чтобы по возможности использовать некоторые элементы этого опыта при реализации проектов евразийской интеграции, а также в приграничном сотрудничестве России с другими постсоветскими государствами.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Концептуальные основы развития приграничья в контексте национальной безопасности России» (№ 12-03-00002а).

Примечания

- 1 Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with Our Eastern and Southern Neighbours / Commission of the European Communities. Brussels, 11 March 2003. URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (дата обращения: 15.02.2014).
- 2 Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit, Prague, 7 May 2009. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf (дата обращения: 22.02.2014).
- 3 *Lapczyoski Marcin*. The European Union's Eastern Partnership : Chances and Perspectives // *Caucasian Review of International Affairs*. Spring, 2009. URL: http://www.cria-online.org/7_3.html (дата обращения: 25.02.2014).
- 4 A New Response to a Changing Neighbourhood : Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions (Brussels, 25 May 2011). URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0303:FIN:en:PDF> (дата обращения: 16.02.2014).
- 5 «Восточное партнерство» как зеркало европейских ожиданий ЕС // РИА Новости. 8 мая 2009. URL: <http://ria.ru/world/20090508/170439144.html#14090067852253&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (дата обращения: 03.03.2014).
- 6 *Суздальцев А. И.* «Восточное партнерство» ЕС и риски для России : доклад для Научно-экспертного совета ОДКБ // Политическое обозрение с Андреем Суздальцевым. 22 мая 2009 г. URL: <http://politoboz.com/content/vostochnoe-partnerstvo-es-i-riski-dlya-rossii-doklad> (дата обращения: 05.03.2014).
- 7 Досье. К шестому заседанию Российско-Украинской межгосударственной комиссии // ИТАР-ТАСС. 17 декабря 2013. URL: <http://itar-tass.com/info/838500> (дата обращения: 01.03.2014).
- 8 Заява МЗС України у зв'язку з підписанням політичних положень Угоди про асоціацію між Україною та ЄС // Урядовий портал : Єдиний веб-портал органів виконавчої влади в Україні. 21 марта 2014. URL: http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=247127712&cat_id=244276429 (дата обращения: 06.06.2014).
- 9 Підписання економічної частини Угоди про асоціацію з ЄС відкриває широкі перспективи перед українським бізнесом // Урядовий портал : Єдиний веб-портал органів виконавчої влади в Україні. 26 июня 2014. URL: http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=247420305&cat_id=244277212 (дата обращения: 28.06.2014).
- 10 EU Urged to Change its Eastern Partnership Policy Because of Turmoil in Ukraine // PRNewswire. 27 March 2014. URL: <http://www.prnewswire.com/news-releases/eu-urged-to-change-its-eastern-partnership-policy-because-of-turmoil-in-ukraine-252624241.html> (дата обращения: 18.06.2014).
- 11 Ibid.
- 12 Russia-Led Union Risks New Divisions. The EU Should Aim to Make Two Trade Blocs Compatible // *Financial Times*. 2 January 2014. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/661ac072-6813-11e3-8ada-00144feabdc0.html#axzz3CPJ217j1> (дата обращения: 15.02.2014).
- 13 Киев не стал «кусать себя за локоть». Украина не подала заявку на выход из СНГ // *Коммерсантъ*. 31 мая 2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2484118> (дата обращения: 03.06.2014).
- 14 Меркель : ЕС не хочет конкурировать с РФ за Украину, Молдавию и Грузию // ИА REGNUM. 29 мая 2014. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1808012.html#ixzz33HVB19Af> (дата обращения: 02.06.2014).
- 15 Олланд : мы должны найти модель ассоциации Армении с ЕС // Радио Азатутюн. 12 мая 2014. URL: <http://rus.azatutyun.am/content/article/25382237.html> (дата обращения: 05.06.2014).

- ¹⁶ Shumylo-Tapiola O. The Eurasian Customs Union : Friend or Foe of the EU? // Carnegie Europe. 3 October 2012. URL: <http://www.carnegie.ru/publications/?fa=49548> (дата обращения: 25.01.2014).
- ¹⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.). Официальный сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 06.02.2014).
- ¹⁸ Снежанова Л. Н. Приграничное сотрудничество в Российской Федерации // Национальный институт развития современной идеологии. URL: <http://www.nirsi.ru/80> (дата обращения: 26.01.2014).
- ¹⁹ Eastern Partnership Territorial Cooperation Support Programme. URL: <http://www.eaptc.eu/en/eaptc-program.html> (дата обращения: 08.02.2014).
- ²⁰ Время переосмыслить Восточное партнерство : доклад местных и региональных органов власти Восточного партнерства Саммиту глав государств и правительств Восточного партнерства. Вильнюс, 2013. URL: http://cor.europa.eu/en/activities/corleap/Documents/political_report_ru.pdf (дата обращения: 18.02.2014).
- ²¹ Eastern Partnership Territorial Cooperation (December 2012 – December 2013): Newsletter, January 2014. URL: http://tric.info/file/eaptc_newsletter_issue%201_dec%202012-dec%202013_eng.pdf (дата обращения: 14.02.2014).

УДК [94:327](47+73+47-12)\20\

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ НА НОВОМ ЭТАПЕ НЕОКОНСЕРВАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ (2003 Г.)

С. Ю. Шенин

Саратовский государственный университет
E-mail: shenins@yahoo.com

Статья посвящена изучению процесса формирования новых политических условий в каспийском регионе после окончания операции «Иракская свобода» в мае 2003 г. В контексте американских и российских стратегических планов в регионе анализируются отношения местных властей в таких странах, как Азербайджан, Грузия и Казахстан, к политике Москвы и Вашингтона, а также влияние новых условий на российско-американские отношения.
Ключевые слова: США, каспийский регион, транскавказский нефтепровод, Россия, военные базы, «цветные революции».

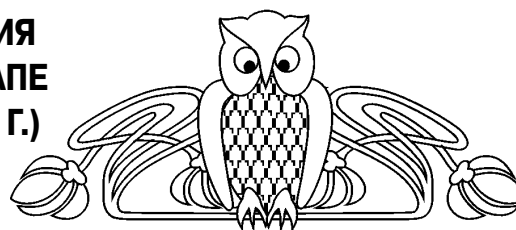
**Russian-American Relations in the Caspian Region
during a New Stage of the Neoconservative Strategy (2003)**

S. Yu. Shenin

The article is devoted to the study of forming the new political environment in the Caspian region after the completion of the «Operation Iraqi Freedom» in May 2003. In the context of the American and Russian strategic plans, the attitudes of the Azerbaijan, Georgia and Kazakhstan governments towards Moscow and Washington policies, as well as the influence of the new political environment on the Russian-American relations are also analyzed.

Key words: United States, Caspian region, trans-caucasian pipeline, Russia, military bases, «color revolutions».

Как известно, администрация Дж. Буша-мл. после террористических атак 11 сентября 2001 г. перевела свою внешнюю политику на неоконсервативные рельсы. Администрация уверенно шла по пути решительного реструктурирования геополитических пространств с целью перекрыть карту мира и увековечить американскую гегемонию за счет колоссального военного преимущества.

Контроль над Афганистаном и Ираком (после завершения операции «Иракская свобода» в мае 2003 г.) позволял американским неоконсерваторам сделать следующий шаг: осуществить в важнейшем регионе Каспийского моря геостратегический мега-проект, целью которого было максимально ослабить здесь влияние России и Ирана, получить плацдарм давления на них, а также на Китай. Это было необходимо для того, чтобы оторванную от России Центральную Азию объединить экономическими и стратегическими узами с Афганистаном, а потом этот регион, чуть позже получивший название «Большая Центральная Азия», должен был стать составной частью интегрированного «Большого Ближнего Востока».

Главным элементом указанного мега-проекта должно было стать строительство энергетического коридора Восток–Запад. В рамках этой стратегии в каспийском регионе в апреле 2003 г. началось строительство трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), который нес очевидную и гигантскую геополитическую нагрузку, ибо должен был вывести страны Прикаспия из-под влияния Москвы и Тегерана. Являясь своеобразной каспийской «берлинской стеной», трубопровод создавал экономические условия для усиления здесь влияния США.

Естественно, эти планы не были оставлены без внимания московской политической элиты, которая понимала их критическую важность. В российском экспертном сообществе немедленно началась дискуссия по поводу того, как реагировать на эту новую активность администрации Буша-мл. Общее мнение заключалось в том, что Москва еще очень слаба для того, чтобы противо-

стоять попыткам выдавливания из региона своего «южного подбрюшья», особенно в момент, когда влияние и авторитет США значительно усилились после успеха в Ираке.

Исходя из этой общей мысли, сформировались три точки зрения. Одна из них (наиболее отчетливо она была сформулирована В. Кременюком, заместителем директора Института США и Канады РАН) говорила о том, что США в регионе решают крайне важную проблему сдерживания исламского фундаментализма и терроризма, которую Россия не могла решить самостоятельно, но которая могла стать смертельной угрозой для нее. Поэтому Москва должна рассматривать Вашингтон в качестве стратегического партнера в регионе и, «сменив тон», действовать совместно, в том числе и по вопросу строительства БТД. В противном случае мог произойти жесткий конфликт, который не сулил России ничего хорошего.

Другие эксперты (например, В. Игрунов, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам СНГ) считали, что Россия должна противостоять США в регионе, для чего привлечь в свой лагерь Европу и Китай, которые являлись конкурентами и могли стать противовесом глобальному «имперскому центру». Кроме того, необходимо было усиливать двухсторонние отношения со странами региона, чтобы у них была возможность маневрировать и не поддаваться всецело американскому давлению.

Наконец, третья точка зрения (ее придерживался, например, политолог Д. Орешкин, руководитель аналитической группы «Меркатор») заключалась в том, что, поскольку Россия не может ничего противопоставить США, она должна оставить прикаспийские республики в покое и сконцентрироваться на решении своих внутренних вопросов до тех пор, пока США, проводящие в этих странах политику поддержки авторитарных правителей – местных «сукиных сынов», – не дискредитируют себя и не поднимут там волну антиамериканских настроений. А до того времени Москва должна была пестовать свою главную опору в прикаспийских республиках – многомиллионную русскоязычную диаспору, которая впоследствии могла стать главным инструментом борьбы с американским влиянием¹.

Однако Кремль эту дискуссию проигнорировал, ибо уже формировал свою стратегию. В целом он был согласен с общей повесткой дня глобального сотрудничества, которая была предложена В. Путину во время саммита в Крофорде (Техас) в ноябре 2001 г. и предполагала интеграцию России (в первую очередь, энергетическую) в состав западного сообщества. Тем не менее, Москва была не согласна с постановкой вопроса об интеграции в обмен на уход из сфер влияния в каспийском регионе. Фактически, такой подход означал ослабление диверсифицированности российской энергетической системы и монопольный контроль над ней Запада, в первую очередь, США,

что повышало уязвимость и без того ослабленной экономики России.

Соответственно Кремль выбрал стратегию активного противостояния политике изоляции России от ее «южного подбрюшья», правда, не на всем протяжении «прикаспийского фронта». В Центральной Азии Москва не возражала, чтобы пока все оставить как есть – ее устраивали «крофордское равновесие», в рамках которого между РФ и США здесь были поделены сферы влияния. Саммиты, состоявшиеся осенью 2003 г. в Санкт-Петербурге и Кэмп-Дэвиде, вроде бы подтвердили правомерность этого дележа. Поэтому российские официальные лица раз за разом повторяли, что американские базы в Центральной Азии Кремль пока не беспокоят, и они могут остаться, ибо играют важную роль в сдерживании исламизма, но только на время антитеррористической операции в Афганистане². С другой стороны, терроризм и борьба с ним американцев в регионе дали Москве предлог создавать здесь свои базы (в Киргизии и Таджикистане) и активно укреплять ОДКБ³.

Особые надежды на поддержание в Центральной Азии статуса кво (а в перспективе и вытеснения США из региона) Москва возлагала на расширение сотрудничества с Пекином. С приходом к руководству КНР Ху Цзиньтао российско-китайское сотрудничество взлетело на новые высоты. Так, во время его первого визита в Москву (май 2003 г.) наметился по сути стратегический союз между двумя державами, который включал в себя сотрудничество по самым разным направлениям, – от строительства нефтепровода Ангарск–Дацин до совместных космических проектов. Наконец, СМИ отмечали, что «Россия и Китай обеспокоены тем, что США не останутся на Ираке, и необходимость оказать сопротивление сближают их еще сильнее» (Лузянин)⁴.

Крупнейшие российские эксперты (например, Г. Чуфрин и С. Лузянин) подчеркивали, что сотрудничество с Китаем для России «более важно, чем с США». Самым сильным стимулом для такого сближения, особенно после Ирака, стал антиамериканизм и угроза формирования однополярного мира во главе с США, что прямо признал в Москве Ху Цзиньтао⁵. Правда, против временного антитеррористического присутствия Америки в Центральной Азии Пекин тоже пока не возражал, ибо исламизм представлял реальную угрозу и западным районам Китая, в первую очередь, Синьцзян-Уйгурскому автономному округу⁶.

Главным инструментом противодействия потенциальной американской гегемонии в Центральной Азии оставалась ШОС, которая укреплялась все новыми проектами. Ху Цзиньтао добился того, чтобы к вопросам безопасности был добавлен и аспект многостороннего экономического сотрудничества, в рамках которого предлагалось формировать в регионе зоны свободной торговли. Россия понимала угрозы для себя – со временем китайцы вытеснят из региона не только США, но

и РФ. Поэтому Кремль старался ограничить экономическую деятельность Пекина в Центральной Азии энергетикой, в рамках которой китайцам предлагалось вытеснить западные компании⁷.

Тем не менее потенциал ШОС оставался пока не раскрыт – это был своего рода «зародыш» антиамериканской организации⁸, которую можно было превратить в полноценный инструмент геополитической обороны достаточно быстро. Пока же министр иностранных дел И. Иванов заявил, что РФ и США не являются противниками в Центральной Азии и не должны ими стать в будущем⁹.

Однако на Кавказе Москва не была настроена столь же примирительно. Транскавказская «берлинская стена» в виде БТД угрожала отрезать от России не только Кавказ, но и со временем Центральную Азию, ибо в этот «энергетический коридор» США планировали направить не только нефтегазовые ресурсы Азербайджана, но в перспективе и углеводороды всей Центральной Азии (через транскаспийские трубопроводы, если транскаспийский не будет построен). Соответственно на середину 2003 г. Кавказ стал самым «горячим» участком «каспийского фронта». Москва стала прилагать здесь все возможные усилия для противодействия БТД, пытаясь нарастить свое влияние в противовес американскому.

В Азербайджане у Москвы дело обстояло хуже всего. Глава республики Гейдар Алиев, по словам специального советника президента Клинтона по каспийской энергетике Р. Морнингстара, считал, что самым выгодным для транспортировки азербайджанской нефти являлся иранский маршрут. Кроме того, он с интересом посматривал в сторону российско-турецкого «Голубого потока» – администрация (в лице представителя госдепартамента по Каспию С. Манна) даже была вынуждена жестко предупредить Баку не пытаться направить по нему свой газ из месторождения Шах Дениз¹⁰.

Все это говорило о том, что Алиев был сторонником балансирования между державами. И тем не менее, он был ближе к США и Западу, рассчитывая через них решить нагорно-карабахскую проблему за счет преференций при заключении нефтяных контрактов, политических уступок Западу, прежде всего США, искусного лавирования между Москвой и Вашингтоном, а также нового фактора в азербайджанской внешней политике – нефтедолларов (за двадцать лет планировалось получить 29 млрд долл.).

Москва явно проигрывала здесь конкуренцию, и поэтому решение Г. Алиева о передаче власти, фактически, по наследству было шансом усилить свое влияние в Азербайджане, поскольку Запад был просто обязан протестовать и требовать чистейших выборов, которых не могло быть, но которые обещал в сентябре преемник (и одновременно премьер-министр) Ильхам Алиев государственному секретарю К. Пауэллу. После этого СМИ в США запестрили заголовками «Династическая демократия», «Монархия во всем, кроме названия» и т. п.

Вашингтон оказался в очень двусмысленном положении. С одной стороны, честные выборы были нужны для обеспечения управляемости и долгосрочной стабильности в этой стране, ибо нефтяные корпорации пришли сюда надолго, а использование построенных трубопроводов также рассчитывалось на десятилетия. Но, с другой стороны, победителем выборов должен был быть только Ильхам, поскольку только он гарантировал реализацию курса отца в краткосрочном плане. Однако его победа не могла быть чистой – в обществе зрело массовое недовольство, связанное с жесточайшей коррупцией и тяжелыми социально-экономическими условиями. Поэтому и без того активная оппозиция имела все шансы выиграть честные выборы.

Кроме того, в отношении Азербайджана, страны, которая, по словам З. Бжезинского, являлась «пробкой в бутылке, содержащей все богатства Каспия и Центральной Азии»¹¹, Москва и Вашингтон пришли к консенсусу, который подразумевал, что власть здесь должна была быть передана гладко, без потрясений. Об этом, в частности, говорили поздравления с назначением на пост премьер-министра, которые Ильхам Алиев получил в начале августа из обеих столиц.

К сентябрю администрация пришла к окончательному выводу, что вариант с «демократическим наследованием» надо поддержать, ибо требование честных выборов в этот критический момент геополитической игры мог заставить азербайджанскую элиту отвернуться от Вашингтона. Корпорации, вложившие миллиарды в разработку каспийских углеводородов, настаивали, что с Ильхамом не будет проблем, не будет пересмотра контрактов и политического бардака. Наконец, и сами Алиевы посылали постоянно сигналы, что предпочитают Вашингтон, что Азербайджан готов вступить в НАТО, принять американские базы, проводить проамериканскую политику на Каспии¹².

К тому же, Алиевы не были уверены в исходе игры, в том, что США поддержат Ильхама, ибо в Америке нарастали протесты против «династической» смены власти, которая противоречила принципиальным целям американской внешней политики. Оппозиция в США указывала, что попытка обеспечить стабильность в Азербайджане антидемократическими методами «династического наследования» ради достижения геополитических целей – независимости региона от России и Ирана – может иметь в долгосрочном плане крайне негативные последствия, а именно дальнейшее сворачивание демократии, усиление авторитаризма, а также укрепление исламистов, ибо без «демократического импульса» общество станет еще более податливым для экстремизма. Американские либералы указывали, что наследование власти Алиевым-сыном, которое поддерживает администрация, предполагает цементирование системы Алиева-отца – «коррупция, взятки и ложь». Эти антидемократические принципы могут усилить авторитарные тенденции по всему региону Прика-

спия, а идея «династического наследования» может таким образом стать, фактически, легализованной и одобренной, причем самим Вашингтоном.

Собственно, мошенничество уже началось, указывали противники данной схемы в США, ибо лидеры оппозиции в Азербайджане были сняты с выборов, а госдепартамент осудил подавление протестов чисто символически. Продолжение такой политики ставило под угрозу долгосрочную стабильность в стране (о которой так много говорили представители администрации) и будущее геополитических проектов, таких, например, как транскавказский энергетический коридор. Выборы должны быть честными, а власть – легитимной, тогда и за американское влияние не нужно будет бояться¹³.

Учитывая наличие таких настроений в США, бакинская правящая элита во главе с Алиевыми побаивалась непредсказуемости Вашингтона, который мог пойти на сговор с азербайджанской оппозицией (если та пообещает игру по нужным правилам). Поэтому для подстраховки, на всякий случай, они решили активизировать игру с Москвой, что должно было стать инструментом давления на Вашингтон. Кремль же надеялся, что если он поможет Ильхаму выиграть выборы, то сможет использовать свой единственный шанс стать ближе, усилить свое влияние на Баку для противодействия дальнейшему укреплению Запада на Кавказе.

В результате, Москва начала закулисные переговоры с представителями Ильхама (в первую очередь, с главой президентской администрации Р. Мехтиевым, который в Азербайджане рассматривался как пророссийский политик) о поддержке и признании выборов 15 октября, даже если во время их проведения будут зафиксированы масштабные фальсификации. Взамен Москва хотела бы институционализировать свое влияние на процесс принятия решений в азербайджанской столице через госсовет или совет безопасности. Естественно, что эта «московская схема» очень беспокоила Вашингтон, поскольку в случае успеха Баку мог уйти из-под его влияния с крайне тяжелыми геополитическими последствиями для США и администрации¹⁴.

В Грузии Кремль проявлял еще большую активность. Кроме чисто пропагандистских вбросов через СМИ информации о том, что США готовят в Грузии (как и в Азербайджане) плацдарм для удара по Ирану, что явно усиливало внутривнутриполитическое напряжение¹⁵, Москва начала и вполне конкретные действия по укреплению рычагов давления на эту страну. Используя тяжелое энергетическое положение Грузии, с помощью РАО «ЕЭС России» и благословения Э. Шеварднадзе, она сумела купить (за 150 млн долл.) тбилисскую электрораспределительную сеть «Теласи» у американской компании «AES», которая, по ее словам, «устала воевать с министерством энергетики Грузии». На протесты грузинской оппозиции американское посольство ответило, что в стране плохой инвестиционный климат, поэтому инвесторы от собственности избавляются¹⁶.

Затем Э. Шеварднадзе и российский «Газпром» договорились создать совместную компанию, которая должна была переправлять газ в Турцию и Армению. Естественно, что это угрожало американским интересам на Южном Кавказе и, в первую очередь, проектам, связанным с освоением месторождения Шах Дениз. Уже 6 июня С. Манн срочно прибыл из Баку в Тбилиси, где напомнил Шеварднадзе, что тот брал обязательства по продвижению газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум (БТЭ) и потребовал, чтобы грузинский лидер отказался от сделки с «Газпромом», ибо США не нравится идея экспорта русского газа через Грузию¹⁷. Шеварднадзе, в свою очередь, заявил, что действует в интересах населения, которому не хватает энергии. Поэтому, пока БТЭ не построен, он будет покупать газ у русских, а после завершения строительства БТЭ на местном энергетическом рынке будет создана конкурентная среда, от чего грузинский народ только выиграет. Шеварднадзе утверждал, что привержен программе сбалансированных отношений США и России: Кавказ должен быть ареной сотрудничества и честной конкуренции, а не конфронтации¹⁸.

Администрация с такой позицией, конечно же, согласиться не могла. Шеварднадзе был обвинен в изменении политического курса на промосковский, а также в разрывывании американской помощи¹⁹. Против президента объединилась оппозиция, которая утверждала, что Шеварднадзе нагнетает напряженность и вступил в войну с парламентом, чтобы уйти от выборов. Накал страстей был настолько велик, что в Грузию, якобы с миротворческой миссией, прибыл сам Дж. Бэйкер. Однако во время своего визита он в основном требовал обеспечения честных выборов, поскольку многие инвесторы делают ставку на эту страну. Американская пресса разъясняла, что если Шеварднадзе попытается выборами манипулировать и попытается решить их исход мошенническим путем, то в такой ситуации трубопроводная стратегия «энергетического коридора Восток–Запад» может рухнуть, ибо наступит хаос, в котором независимые Абхазия, Ю. Осетия и Аджария будут угрожать американским планам на Кавказе. А Москва, которая стала большим игроком на местном энергетическом рынке, сможет через Грузию попасть и на рынок Турции²⁰.

Угроза стратегии «энергетического коридора Восток–Запад» таилась не только в Баку и Тбилиси, но и в Астане. У администрации США, конечно, вызывала озабоченность политика Астаны в отношении стремления пересмотреть СРП²¹ с частными западными компаниями. Но это было не главное, ибо инвестиции в том или ином виде в углеводороды все равно пойдут, и раньше или позже эти споры будут урегулированы. Главным было то, что БТД рассчитывался на казахскую нефть, а участие Казахстана в проекте не было гарантировано: пока вся добываемая нефть на Тенгизе уходила по российским трубам, а место-

рождение Кашаган должно было заработать не раньше 2010 г. Следовательно, в 2005 г. нефти для транспортировки через стратегический трубопровод будет очень мало. Назарбаев признавал, что он обещал поставлять нефть для БТД, но пока стороны не могли договориться по тарифам²².

Более того, появилась угроза, что и после 2010 г. БТД может не получить казахстанскую нефть, ибо наблюдался стратегический разворот Астаны в сторону Пекина. Это было серьезнее, ибо вся нефть с Кашагана могла уйти в Китай. Интерес Поднебесной к казахстанской нефти вырос еще больше после того, как РФ приостановила проект строительства трубопровода из Ангарска в Дацин, а Астана стала явственно посылать сигналы в сторону Пекина о готовности сотрудничать, чтобы предотвратить доминирование США или РФ, т. е. активизировала свою «многовекторную» политики балансирования. Казахстан поддерживал КНР в вопросе Тайваня, выражал озабоченность американской базой в Киргизии и демонстрировал полное неприятие уйгурского национализма. Министр иностранных дел РК К. Токаев прямо указал: «Несмотря на риск, мы должны иметь хорошие отношения с Китаем»²³. А министр энергетики и минеральных ресурсов В. Школьник откровенно заявил, что БТД понадобится Казахстану не ранее 2010 г., а основное внимание будет сосредоточено на строительстве трубопровода Атасу–Алашанькоу²⁴.

Геополитические ставки в этих трех странах для администрации США были слишком высоки, чтобы оставить развитие ситуации на усмотрение «уставших автократов», т. е. Э. Шеварднадзе, Г. Алиева и Н. Назарбаева – политическая переориентация на Москву, экономическая стагнация в регионе, или, «что еще хуже, возврат к старым конфликтам, представлялись недопустимыми»²⁵, поскольку угрожали стратегическому плану администрации – геополитическому мега-проекту реструктурирования всего евразийского пространства.

Поэтому администрация США, во главе которой по-прежнему находились консервативные и неоконсервативные политики, осенью 2003 г. решительно перешла к политике жесткого вытеснения конкурентов, в первую очередь, Москвы из Прикаспия. Эта политика включала в себя приход к власти в прикаспийских странах прозападных политиков с помощью так называемых «цветных революций», демилитаризацию Каспийского моря и решение проблемы его статуса, подключение ресурсов НАТО к планам Вашингтона в регионе и т. д.

Примечания

- 1 См.: Россия использует США в качестве буфера в Центральной Азии // Независимая газета. 30 апреля. 2003. URL: http://www.ng.ru/cis/2003-04-30/5_experts.html (дата обращения: 20.11.2011).
- 2 См.: CIS Defence Body Says US Troops in Central Asia Welcome but not Forever – Interfax news agency, 23 May

2003 // BBC Monitoring Former Soviet Union – Political. May 23. 2003.

- 3 См.: Панфилова В. Россия заново осваивает Центральную Азию // Независимая газета. 23 сентября 2003. URL: www.ng.ru/cis/2003-09-23/5_kirghizia.html?id_user=Y (дата обращения: 20.11.2011)
- 4 См.: Weir F. Budding Allies: Russia and China // The Christian Science Monitor June 4. 2003.
- 5 Ibid.
- 6 См.: Russia Deems US military Presence in Central Asia Justified – Interfax news agency. Moscow. July 03 // BBC Monitoring Former Soviet Union – Political. July 24. 2003.
- 7 См.: Shanghai Group Premiers Hail Beijing Talks – Xinhua news agency. Beijing. September 03 // BBC Monitoring Asia – Pacific. September 23. 2003.
- 8 См.: Politics-Asia : Moscow Seeking Ties in East to Counter U. S. Thrust // Inter Press Service English News Wire. June 18. 2003.
- 9 См.: Central Asia must not Become Area of Russo-US rivalry – Pyramid TV. Bishkek. July 03 // BBC Monitoring Central Asia. July 10. 2003.
- 10 См.: US Official Says Caspian Oil Producers May Face «Serious» Competition from Iraq – ITAR-TASS news agency. Moscow. June 03 // BBC Monitoring Central Asia. June 5. 2003.
- 11 Цит. по: Analysis : A Time of Change for Azerbaijan // United Press International. August 5. 2003.
- 12 См.: Holley D. Dynasty and Democracy – Azerbaijan at a Crossroads // Los Angeles Times. September 7. 2003 ; Cecil C. West seeks smooth handover as Azeri rule passes to son // Moscow Times of London. October 13. 2003.
- 13 См.: Newberg P. Oil-Lubricated Realpolitik Deepens Divisions in an Ailing Caucasus // Los Angeles Times. October 12. 2003.
- 14 См.: Newberg P. Op. cit. ; Cecil C. Op. cit.
- 15 См.: Суслов Д. Буш сколотил антииранскую коалицию // Независимая газета. 29 мая 2003 г. С. 1 ; Georgian Leader Denies USA Using Georgia for Air Reconnaissance of Russia – ITAR-TASS news agency, Moscow. 14 July. 2003 // BBC Monitoring Former Soviet Union – Political. July 14. 2003.
- 16 См.: Georgian President «Outraged» by American Firm's «Secret» Deal with Russia – Georgian Radio, Tbilisi, 14 August. 2003 // BBC Monitoring Newsfile. August 12. 2003.
- 17 См.: Mairowitz D. Outpost of the New Cold War // The Progressive. 2004. Vol. 68, № 4. P. 2 ; Feature : Turkey's Energy Disputes // United Press International. June 26. 2003.
- 18 См.: Georgian President «Outraged»...
- 19 См.: Analysis: Putin Steers Russia's Resurgence // United Press International. October 9. 2003.
- 20 См.: Newberg, P. Op. cit.
- 21 Соглашение о разделе продукции.
- 22 См.: Pope H. Balancing Act Gives China a Key Role // Wall Street Journal. November 21. 2003.
- 23 Ibid.
- 24 См.: Interview with Kazakh Minister Shkolnik // United Press International. December 21. 2003.
- 25 См.: Newberg P. Op. cit.

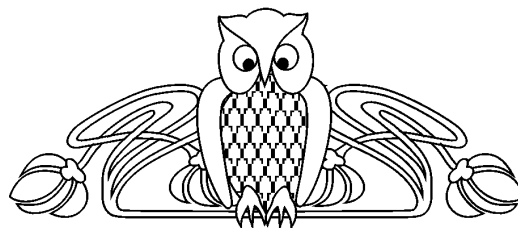

УДК 94 (560)

ТУРЕЦКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI ВЕКА: ОПЫТ ПОСРЕДНИЧЕСКИХ УСИЛИЙ

Ю. В. Маврина

Саратовский государственный университет
E-mail: mavrinajv@mail.ru

Данная статья посвящена вопросу реализации посреднических усилий Турции, направленных на повышение ее роли, как в региональном, так и в глобальном масштабе. В статье показываются причины, повлиявшие на изменение внешнеполитического курса Турции в первое десятилетие XXI века, рассматривается опыт посреднических усилий, анализируются проблемы, не позволившие Турции в полной мере раскрыть свой потенциал.

Ключевые слова: Турция, Ахмет Давутоглу, посредничество, региональная сила.

Turkish Foreign Policy in the First Decade of XXI Century: the Experience of Mediation Efforts

Yu. V. Mavrina

The article focuses on the issue of mediation efforts of Turkey aimed at enhancing its role in regional and global scale. It shows the reasons which had an influence on the change of foreign policy line of Turkey in the first decade of XXI century. It also presents the experience of mediation efforts and examines the obstacles which hadn't allowed Turkey to fulfil its potential to its full extent.

Key words: Turkey, Ahmet Davutoglu, mediation, regional power.

В 2002 году на парламентских выборах в Турции с большим преимуществом голосов победила умеренная исламская партия. Результаты выборов позволили Партии справедливости и развития сформировать однопартийное правительство во главе с лидером партии Р.Эрдоганом. Благодаря проведенным новым правительством реформам, Турция за несколько лет совершила впечатляющий рывок в экономическом развитии, что обусловило формирование собственного взгляда на мироустройство и место в нем Турции. Правящая партия провозгласила новый курс на превращение страны в одну из ведущих экономик мира¹.

Главной целью этой политики стал поиск новых рынков для увеличения торговли, привлечения иностранных инвестиций и обеспечения рабочими местами молодого и динамичного населения Турции. Реализация экономических планов потребовала от Турции корректировки внешнеполитического курса. В основу новой внешнеполитической стратегии легли идеи из опубликованной в 2001 году книги профессора геополитики университета Бейкент А. Давутоглу «Стратегическая глубина: международное положение Турции». Идеи профессора полностью соответствовали амбициозным устремлениям премьер-министра Эрдогана.

Давутоглу считал, что у Турции есть все необходимые качества региональной супердержавы, основанные на ее выгодном географическом расположении и историческом наследии. Турция является единственным государством Евразии, имеющим выход к Балканам, Ближнему Востоку и Кавказу. Турция – это одновременно и Европа, и Азия, она является членом НАТО и ОИК, мусульманская, но светская и демократическая, экономически и политически стабильная и процветающая. Турция имеет связи с арабами, курдами, персами и кавказцами, что также является преимуществом. Все это, по мнению Давутоглу, дает Турции право играть важную роль в соответствии с ее собственными интересами, а не согласно интересам альянсов, в которых она состоит².

Давутоглу утверждал, что Турция является естественным наследником Османской империи, объединявшей когда-то весь мусульманский мир и, следовательно, имеет потенциал, чтобы стать мусульманской сверхдержавой³. Он писал, что «ни одна политическая проблема в регионе не может быть решена без обращения к Османским архивам». Общая история и культурные ценности со странами, некогда входящими в состав Османской империи, обязывают Турцию внести свой вклад в безопасность, стабильность и процветание в широком диапазоне территорий, выходящих за пределы непосредственной близости Турции⁴.

Уникальные демографические реалии Турции также влияют на ее внешнюю политику. В Турции больше боснийцев, чем в Боснии и Герцеговине, больше албанцев, чем в Косово, больше чеченцев, чем в Чечне, больше абхазов, чем в Абхазском регионе Грузии, а также значительное число азербайджанцев и представителей других национальностей из соседних регионов. Поэтому, полагает профессор, региональные конфликты оказывают непосредственное влияние на ее внутреннюю политику. Турция испытывает напряженность внутри страны и сталкивается с общественными требованиями проводить активную внешнюю политику для обеспечения мира и безопасности этих общин. В этом смысле внешняя политика Турции также формируется собственной демократией, отражая приоритеты и интересы своих граждан⁵.

Давутоглу заявлял: «Никто более не может позволить себе роскошь быть просто зрителем в международных вопросах. Наша задача становит-

ся даже более смелой перед лицом того факта, что очаги многих проблем, относящихся к вопросам глобального мира и безопасности, находятся по соседству с Турцией»⁶.

Однако курс на установление добрососедских отношений не означает, что Турция развернула свою внешнюю политику на 180°, отвернувшись от западного направления и переориентировавшись на восточное. По мнению Давутоглу, Турции необходимо сохранить хорошие отношения с Западом, но при этом она также должна укрепить свои позиции на Востоке. Давутоглу настаивал на том, что Турция, имея много идентичностей, обязана тем самым проводить многовекторную внешнюю политику, так как этого требуют ее национальные интересы: «С нашей точки зрения, политика нулевых проблем с нашими соседями совместима с членством в НАТО и процессом евроинтеграции. Это целая философия самого Европейского Союза, который возник путем минимизирования политических проблем с его соседями. Так же и мы хотим иметь зону безопасности и стабильности вокруг нас. И это и есть тот самый европейский подход, базирующийся на европейской философии и европейских ценностях»⁷.

Усиление роли Турции в региональном и глобальном масштабе Давутоглу связывал в том числе с эффективным использованием международных форумов и созданием новых инициатив для придания импульсу решению вопросов, представляющих взаимный интерес. Вот почему, когда в 2005 году на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН глава испанского правительства Сапатеро высказал предложение о формировании Альянса цивилизаций, который бы охватывал как западный, так и арабо-мусульманский мир, премьер-министр Турции Эрдоган не просто поддержал испанскую инициативу, но и стал ее коспонсором.

14 июля 2005 года Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан объявил о создании Альянса цивилизаций, что означало формальный переход этой инициативы под эгиду ООН. Для организации практической работы в рамках данной инициативы К. Аннан создал Группу высокого уровня в составе 20 человек, включив в нее видных политических, общественных и религиозных деятелей, ученых. Ее сопредседателями стали бывший генеральный директор ЮНЕСКО испанец Федерико Майор и госминистр Турции, профессор философии Мехмет Айдын⁸. Основным международным событием Альянса стал ежегодный форум, где многочисленные государственные деятели, представители неправительственных организаций, различных конфессий, молодежных организаций, СМИ обмениваются мнениями, опытом и идеями, связанными с деятельностью в рамках данного объединения⁹. Турция активно поддерживала эти усилия, постоянно подчеркивая свою особую роль в цивилизационном диалоге. Так, премьер Эрдоган в своем выступлении 15 января 2008 года

на открытии форума Альянса цивилизаций в Мадриде подчеркнул, что: «Турция является светской и демократической республикой, с динамичной рыночной экономикой и в подавляющем большинстве мусульманским населением. Турция – единственная страна, которая является членом ОИК и НАТО, и в настоящее время проводит переговоры о вступлении в Европейский Союз. С этими особыми характеристиками Турция представляет собой наилучшую панацею против теории «столкновения цивилизаций»¹⁰.

Наращивая свою активность в этом направлении, Турция совместно с Финляндией в 2010 году предложила новую инициативу под названием «Медиация за мир». Инициатива преследовала три цели: повышение информированности международного сообщества о важности посредничества как средства предотвращения и разрешения конфликтов; формирование посреднического потенциала, как в рамках ООН, так и в рамках региональных организаций (которые часто обладают возможностями для урегулирования конфликта в их собственной зоне ответственности); а также повышение уровня координации между различными участниками посредничества с целью минимизировать ненужное дублирование и осложнение процесса. Турция также внесла предложение организовать в Стамбуле региональный Центр посредничества ООН и призвала другие страны последовать их примеру. По мнению ее руководства, такие центры могли быть весьма полезными для подготовки будущих медиаторов и обсуждения вопросов, связанных с посредничеством¹¹. В развитие этой инициативы в том же году на Генеральной Ассамблее ООН была создана Группа друзей мирного посредничества, сопредседателями которой стали Финляндия и Турция. Группа была призвана разрабатывать предложения для Генерального секретаря ООН относительно развития мирного посредничества¹².

Глава МИД Финляндии Александр Стабб 24 сентября 2010 года в Нью-Йорке на совместной пресс-конференции с Давутоглу так объяснил готовность своей страны к взаимодействию с Анкарой: «Турция более влиятельна в мировой политике по сравнению со многими странами-членами ЕС. У нее сильная роль медиатора на Ближнем Востоке, в Африке, Персидском заливе и на Балканах. У нее также очень близкие и стратегические отношения с США. Я думаю, очень важно видеть такую страну рядом с нами»¹³.

В связи с этим нельзя не отметить, что нарастающая активность Анкары в вопросах урегулирования конфликтов явилась практическим воплощением идей Давутоглу. Это позволило Турции, используя свое географическое положение, тесные исторические и культурные связи на достаточно большой территории, стать, по мнению турецкого МИДа, мощным катализатором в развитии диалога и взаимодействия между культурами¹⁴.

Дебютом Анкары на Ближнем Востоке стало выдвижение своей кандидатуры как главного посредника в решении сирийско-иракских разногласий, разгоревшихся после обвинения сирийского режима в укрытии организаторов двух крупных терактов в Багдаде в 2004 году. Арабские страны на заседании Лиги арабских государств в Каире признали успех Турции в предотвращении острого конфликта Сирии и Ирака¹⁵.

В 2007 году при посредничестве А. Гюля, тогдашнего министра иностранных дел, а ныне президента Турции, было принято решение о разработке технического соглашения между Ираном и МАГАТЭ. К сожалению, проект соглашения не был завершён¹⁶. Не нашла поддержки и совместная инициатива Турции и Бразилии об обогащении урана на территории Турции для иранского исследовательского реактора. Вашингтон был возмущён тем, что в этой сделке не было никакого требования о том, чтобы Иран остановил программу обогащения урана¹⁷. Тем не менее, Анкара продолжала усилия с целью наладить диалог международного сообщества с Ираном, так как понимала, что силовое решение проблемы обернется для нее политическими и экономическими потерями¹⁸.

Важным событием стало примирение при посредничестве Турции Пакистана и Афганистана. Организованный в 2007 году в Анкаре тройственный саммит Турция–Афганистан–Пакистан с тех пор стал ежегодным. Президенты трех стран подтвердили свою решимость активизировать сотрудничество в поддержку афганского процесса мира и для решения проблем безопасности, оказывающих влияние на весь регион¹⁹. Для Турции, претендовавшей на региональное лидерство, активное участие в подобного рода саммитах на высшем уровне означало в перспективе укрепление позиций в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также давало ей возможность заявить о себе как о важном государстве, принимающем участие в урегулировании афганской проблемы наряду с мировыми лидерами²⁰.

В мае 2008 года представители кабинета премьер-министра Израиля и их сирийские коллеги побывали в Стамбуле, где обе группы находились отдельно друг от друга, в засекреченном месте. Два дня турецкие посредники курсировали между ними²¹. В коротких официальных заявлениях обеих сторон говорилось, что переговоры проводились «добросовестно и беспристрастно». Бесспорным фактом было желание Сирии вернуть Голанские высоты, захваченные Израилем в 1967 году. Израиль же хотел положить конец близкому союзу Сирии с Ираном, уменьшить влияние таких антиизраильских группировок, как Хезболла и Хамас²². Следует отметить безусловный позитивный итог этой очень непростой посреднической миссии: в конце 2008 года по инициативе Анкары была достигнута договоренность о начале прямых переговоров²³. Однако стартовавший переговор-

ный процесс был прерван операцией «Литой свинец», начатой 27 декабря 2008 года Тель-Авивом в секторе Газа. Турция, посчитав себя обманутой, продемонстрировала крайне жесткую реакцию²⁴. Последовавшие неоднократные нападки турецкого премьер-министра на Израиль, по мнению профессора по международным отношениям Израильского центра стратегических исследований Бегин-Садат Э.Гилбоа, эффективно убрали какую-либо роль Турции в арабо-израильских переговорах²⁵.

Попробовала себя в качестве посредника Турция и на Кавказе. Конфликт вокруг Южной Осетии изменил региональный баланс, сложившийся в Закавказье после распада СССР. Вскоре после окончания активных боевых действий, в августе 2008 года, премьер-министр Турции Эрдоган предложил проект Платформы сотрудничества и стабильности на Кавказе²⁶. Платформа предполагала выстраивание политики взаимного сосуществования двух сформировавшихся военно-политических союзов: России и Армении (включая новые де-факто независимые государства), с одной стороны, Турции, Азербайджана и Грузии – с другой. Без сомнения, что предложенная Анкарой стратегия отражала ее стремление к региональному лидерству. Об этом говорит тот факт, что турками из *системы региональной безопасности* был искусственно выведен Иран, который не меньше Турции имел оснований для регионального лидерства²⁷. Согласно Платформе, судьбу Кавказа должны решать пять региональных государств – Турция, Россия, Грузия, Азербайджан и Армения. Понятно, что позиция последних трех стран на фоне могущества первых двух не сможет сыграть большую роль, и вся деятельность такого формата, в случае его реализации, осуществлялась бы под патронажем Турции и России²⁸. Неудивительно, что предложенная инициатива не получила продолжения.

Однако это не сказалось на миротворческих усилиях Анкары. В октябре 2009 года президент Турции А. Гюль посетил Белград, пытаясь содействовать упрочению мира на Балканах. В результате турецкого посредничества, сербский парламент принял декларацию с извинениями за геноцид в боснийской Сребренице. Более того, 24 апреля 2010 года была подписана Стамбульская декларация по вопросам мира и стабильности на Балканах, касавшаяся Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины²⁹. Подписание этой декларации стало значительным дипломатическим успехом Турции, важность которого особенно подчеркивалась имевшимся диссонансом между обозначенными амбициями и достигнутыми практическими результатами. Между тем, заявляя о своей ответственности в палестинско-израильском конфликте, урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке, в Афганистане, на Балканах и Кавказе, Турция демонстрировала мировому сообществу свои претензии на роль регионального лидера и требовала относиться к ней соответствующим образом³⁰.

Активность Турции не осталась незамеченной ни на Западе, ни на Востоке. Подобная позиция, безусловно, являлась результатом гибкой и достаточно последовательной политики турецкого руководства в 2000-е годы в отношениях со своими противниками и союзниками, особенно, если учесть, что для политической элиты Турции понятия «враг» и «союзник» зачастую переплетаются в сложную и неоднозначную категорию – национальные интересы и приоритеты³¹.

В конце нулевых годов обозначились новые акценты во внешнеполитическом курсе Анкары. Акценты, которые в случае их усиления неизбежно уменьшат посреднические возможности Турции. Так, стремясь к улучшению отношений с арабским миром, турецкое руководство пошло на вполне целенаправленное ухудшение отношений с Израилем. Учитывая роль и возможности этой страны в мировых делах (достаточно только упомянуть «израильское лобби» во многих ключевых странах), такое изменение политики может свидетельствовать о разочаровании в прежних ориентирах и переходе к новому внешнеполитическому курсу. Для этого есть и объективные, и субъективные факторы, посредством которых Турция в изменившейся политической ситуации добивается определенного усиления своего влияния в арабских странах³². При этом стремление Турции получить полноправное членство в западном клубе, включая ЕС, все еще не снимается с повестки дня.

Как видим, Анкара стремится достичь многих целей, и некоторые из них откровенно противоречат друг другу. Страна хочет быть влиятельной силой в регионе, очень подозрительно относящейся к Западу, особенно к Израилю и к США. Позиционирует себя суннитской державой, действующей от имени суннитов в Ливане, Ираке и других местах. Стремиться стать учредителем новой группы развивающихся стран всего мира. И наконец, остаться надежным союзником Запада. Иными словами, Турция не хочет быть просто самой яркой звездой в окутанном тьмой окружении; она хочет сиять на мировой арене. И такие амбиции могут подтолкнуть Турцию к поиску равновесия между ее соперничающими идентичностями³³.

Таким образом, Турция, долгое время проводившая политику невовлеченности в региональные конфликты и всегда действовавшая в русле американских интересов, с приходом к власти в стране в начале нового века умеренной исламской партии во главе с Эрдоганом кардинально поменяла свою позицию. Заявив о своем намерении выполнять роль цивилизационного моста, Турция начала активно продвигаться в этом направлении, хотя довольно часто это не давало реального результата. Анализируя причины неудач в посреднических попытках Турции, следует отметить, что негативное воздействие на дипломатические усилия Турции оказали следу-

ющие факторы: 1) недоверие Запада к дипломатическим усилиям и инициативам Турции, как это было в случае с Иранской ядерной программой; 2) неспособность Турции сохранить беспристрастное отношение в ситуации, связанной с собственными национальными интересами, как, например, в арабо-израильском конфликте; 3) нежелание сторон идти на компромисс и конструктивный диалог, как в грузино-осетинском конфликте. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что посредническая роль довольно редко оказывается успешной, и даже великие державы в течение длительного времени не могут разрешить многих кризисных ситуаций на планете. То, что усилия Анкары не привели к дальнейшей эскалации конфликтов, в урегулировании которых она пыталась участвовать, уже можно считать положительным результатом. Несомненно, что Турция в нулевые годы, действуя в отличие от США посредством мягкой, а не жесткой силы, и настаивая на урегулировании всех конфликтов исключительно мирными дипломатическими средствами, вносила свой посильный вклад в укрепление мира и безопасности.

Примечания

- 1 Мурад Эткин: «Турция располагает достаточными ресурсами для проведения независимой политики, дружественной к своим соседям». URL: <http://www.vestikavkaza.ru/interview/politika/46083.html> (дата обращения: 05.11.2013).
- 2 Rageh Omaar. *Turkey's New Visionary*. URL: <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2010/05/201051216450683494.html> (дата обращения: 17.10.2013).
- 3 Joshua W. Walker. *Architect of Power*. URL: <http://www.securityaffairs.org/issues/2010/18/walker.php> (дата обращения: 24.01.2014).
- 4 Ahmet Davutoğlu. *Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul, Küre Yayınları, 2001. P. 332.
- 5 Ahmet Davutoğlu. *Turkey's Zero-Problems Foreign Policy*. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy (дата обращения: 15.10.2013).
- 6 Глава МИД Турции Ахмет Давутоглу : эксклюзивное интервью армянскому информагентству Арминфо. URL: http://www.1in.am/rus/foreign_fatrelation_4794.html (дата обращения: 08.12.2013).
- 7 Owen Matthews. *Davutoglu: Inside Turkey's New Foreign Policy*. URL: <http://www.newsweek.com/davutoglu-inside-turkeys-new-foreign-policy-76677> (дата обращения: 09.02.2014).
- 8 Орлов А. А. Альянс цивилизаций : испанская проекция // Партнерство цивилизаций : нет разумной альтернативы : сб. статей. М. : Институт востоковедения РАН ; Центр стратегических и политических исследований, 2011. С. 139.
- 9 Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. *The Alliance of Civilizations Initiative*. URL: <http://www.mfa>

- gov.tr/the-alliance-of-civilizations-initiative.en.mfa (дата обращения: 05.03.2014).
- ¹⁰ Resep Tayyip Erdoğan's statement at the opening session, Alliance of Civilizations Forum, Madrid, Jan. 15. 2008. URL: <http://www.unaoc.org/repository/erdogan.pdf> (дата обращения: 14.01.2014).
- ¹¹ A. Davutoğlu and E. Tuomioja. Mediation for peace: A means toward a better world. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/mediation-for-peace-a-means-toward-a-better-world.aspx?pageID=238&nID=14595&NewsCatID=396> (дата обращения: 18.03.2014).
- ¹² Финляндия и Турция – хозяева встречи ООН по мирному посредничеству. URL: http://yle.fi/uutiset/finlyandiya_i_turtsiya_-_khozyaeva_vstrechi_oon_po_mirnomu_posrednichestvu/6599281 (дата обращения: 21.03.2014).
- ¹³ Finland, Turkey present peace mediation initiative. URL: <http://www.todayzaman.com/news-222785-finland-turkey-present-peace-mediation-initiative.html> (дата обращения: 15.02.2014).
- ¹⁴ МИД Турецкой Республики. Краткий обзор внешней политики Турции. URL: <http://www.mfa.gov.tr/russian.en.mfa> (дата обращения: 24.11.2013).
- ¹⁵ Садыхова У. Турция – новый луч света в темном царстве Ближнего Востока? URL: <http://meast.ru/article/turtsiya-ndash-novyi-luch-sveta-v-temnom-tsarstve-blizhnego-vostoka-obozrevatel-trend-news> (дата обращения: 19.12.2013).
- ¹⁶ Глоговска Ж. Турция и Иран : региональная взаимозависимость и глобальные недоразумения. URL: http://www.bilgesam.org/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=318:turtsiya-i-iran-regionalnaya-vzaimozovisimost-i-globalnie-nedorazumeniya-&catid=77:ortadogu-analizler&Itemid=224 (дата обращения: 28.01.2014).
- ¹⁷ Анкара раздражает супер-державы. URL: <http://news.am/rus/news/66769.html> (дата обращения: 12.02.2014).
- ¹⁸ Гурьев А. А. Турция и ядерная программа Ирана. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/27-01-06.htm> (дата обращения: 24.12.2013).
- ¹⁹ Рехман Я. Пакистан, Турция подтвердили готовность работать по Афганистану. URL: <http://centralasiaonline.com/ru/articles/caii/features/pakistan/main/2012/12/14/feature-02> (дата обращения: 16.02.2014).
- ²⁰ В Турции прошел саммит Турция-Афганистан-Пакистан. URL: <http://www.rusorient.ru/page.php?vrub=rm&vparid=5292&vid=5924> (дата обращения: 05.03.2014).
- ²¹ Bronner E. Israel Holds Peace Talks With Syria. URL: <http://www.nytimes.com/2008/05/22/world/middleeast/22mideast.html?fta=y> (дата обращения: 28.11.2013).
- ²² Bronner E. Israel and Syria negotiate as Turkey mediates. URL: http://www.nytimes.com/2008/05/21/world/africa/21iht-mideast.4.13101516.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 28.11.2013).
- ²³ Interview with Turkish Foreign Minister: «Turkey and Europe Need Each Other». URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/0,1518,767432-2,00.html> (дата обращения: 14.03.2014).
- ²⁴ Кысаджик С. Возможно ли улучшение отношений Турции и Израиля? URL: <http://inosmi.ru/world/20121116/202237244.html> (дата обращения: 11.02.2014).
- ²⁵ Садыхова У. Шансы Турции на посредничество в израильско-арабском конфликте малы. URL: <http://meast.ru/article/shansy-turtsii-na-posrednichestvo-v-izraillsko-arabskom-konflikte-maly-ndash-eksperty> (дата обращения: 15.02.2014).
- ²⁶ Оган С. «Платформа сотрудничества и стабильности на Кавказе» и усилия Турции по обеспечению региональной безопасности. URL: <http://www.regnum.ru/news/1234391.html> (дата обращения: 08.12.2013).
- ²⁷ Евсеев В. Иран в системе безопасности на Южном Кавказе. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/91967/Iran_v_sisteme_bezopasnosti_na_Yuzhnom_Kavkaze (дата обращения: 19.11.2013).
- ²⁸ Россия и Турция – вместе на Кавказе. URL: <http://kavkasia.net/World/article/1312926063.php> (дата обращения: 22.12.2013).
- ²⁹ Maja Šoštarić. Bosnia, Revisited: Turkey's gains, challenges and future aspirations. URL: <http://www.balkananalysis.com/turkey/2011/07/12/bosnia-revisited-turkey%E2%80%99s-gains-challenges-and-future-aspirations/> (дата обращения: 10.03.2014).
- ³⁰ Гаджиев А. Г. К вопросу о глобальных внешнеполитических амбициях Турции. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/31-05-10a.htm> (дата обращения: 14.02.2014).
- ³¹ Кахриманов Д. Стратегические глубины Турции и Россия. URL: <http://www.ansar.ru/analytics/2011/04/18/14282> (дата обращения: 15.01.2014).
- ³² Рубен Сафрастьян: «Арабские страны вынуждены использовать помощь Турции». URL: <http://www.vestikavkaza.ru/interview/politika/47019.html> (дата обращения: 21.02.2014).
- ³³ James Traub. All Roads Lead to Istanbul. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/10/15/all_roads_lead_to_istanbul (дата обращения: 27.03.2014).

УДК 327: 334. 012. 23 – 027. 542

ЭТНИЧЕСКИЙ БИЗНЕС В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т. В. Черевичко

Саратовский государственный университет
E-mail: cherevichko@inbox.ru

В статье рассматриваются особенности этнического бизнеса как структурного элемента системы международных отношений. Особый акцент сделан на его сетевую организацию в процессе этнической глобализации.

Ключевые слова: этническая глобализация, этнический бизнес, сетевая миграция.

Ethnic Business in the System of International Relations

T. V. Cherevichko

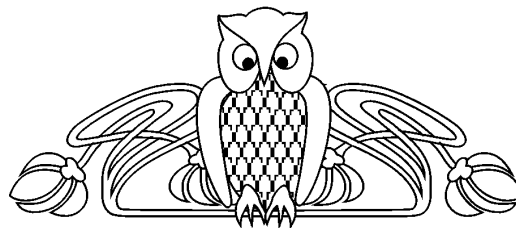
The article considers the ethnic business features as structural unit of the system of international relations. There is a special emphasis on its network organization in the process of ethnic globalization.

Key words: ethnic globalization, ethnic business, network migration.

Становление мироцелостного, миросистемного взгляда на человеческое сообщество происходило параллельно с осознанием глобальных проблем и процессов взаимозависимости различных стран мира друг от друга. Человечество незаметно, но стремительно стало единым целым. Процессы объединения человечества приняли такой размах, что уже никто не сомневается в такой закономерности, как взаимосвязанном переплетении мира вопреки его многоликости. «Современный этап глобализации связан с формированием всемирной целостности – мирового общества», – отмечает Р. Зуйков¹. По его мнению, конституирующими подсистемами мирового общества становятся геоэкономическая система воспроизводства и институционально-политическая система мира².

Структурная перестройка современного миропорядка определяется глобальными мегатрендами. К их числу относят ускоренные темпы общественного развития; кризис глобальных институтов; перемещение центров мирового развития (от США и Европы на Восток); наращивание глобальных миграционных потоков, направляющихся против перемещения центров мирового экономического развития.

Выявление наиболее важных глобальных трендов, с одной стороны, позволяет определить направления развития мирового порядка, с другой – провести «человеческое измерение» современных структурных изменений миропорядка, что становится основополагающей для прогнозирования развития и системы международных отношений.

В этом контексте особое значение приобретает этническая глобализация – явление уникальное в глобальном мире. Этническая глобализация представляет собой процесс создания этнического глобального сообщества, определяющей основой которого являются сетевые принципы развития. В качестве основного принципа формирования сетевых структур называют самоорганизацию сетевых участников. Иначе говоря, в основе этнической глобализации лежит принцип сетевой самоорганизации, что обуславливает появление особой организационной структуры системы международных отношений – сетевых этнических институтов, которые и составляют этническую «организацию без границ».

Сети, по мнению ряда исследователей, представляют собой организационные формы, характеризующиеся свободными горизонтальными взаимными коммуникациями и обменом между всеми их участниками. Они поддерживают открытые и подвижные отношения между субъектами.

М. Манн (M. Mann) выделил пять сетей социального взаимодействия в современном мире:

- локальные, определяющие непосредственное социальное взаимодействие;
- национальные, созданные национальным государством и непосредственно определяющие наши жизни через законодательство и систему контроля;
- интернациональные, определяющие отношения между национально конституированными сущностями и включающие договоренности между государствами по проблемам миграции, транспорта, коммуникаций налогов и т.д.
- транснациональные, независимые от национальных государств;
- глобальные, которые охватывают весь мир в целом³.

Этническая глобализация как сетевой процесс имеет ряд особенностей. Это, во-первых, наличие двух разнонаправленных потоков – миграция населения и движение капитала. И, во-вторых, институционализация этнических сообществ.

В качестве примера этнической глобализации можно привести китайскую глобализацию. В настоящее время китайская диаспора в 150 странах мира насчитывает, по различным данным, от 55 до 62 млн человек. Как отмечает С. Рязанцев, китайская глобализация сопровождается расширением миграционных потоков со стороны КНР с одно-

временным широкомасштабным движением капитала в сторону Китая⁴. Так, например, китайская диаспора в Италии, как и во всем мире, представляет собой не только стабильное, устойчивое сообщество со своими законами, но и то, что, более важно в экономическом плане, её экономическая деятельность начинает составлять конкуренцию национальной экономике. Яркий пример – округ Прато (Италия), в недавнем прошлом один из главных центров текстильной промышленности ЕС (с объёмом продаж в 2001 г. в 5 млрд евро). Здесь за несколько лет возник этнически обособленный китайский комплекс по производству дешёвой одежды, способный выпускать до 1 млн изделий в день. Более половины доходов этого комплекса уходит от налогообложения и переводится в Китай⁵.

Говоря об этнической глобализации, следует отметить, что этот сетевой процесс формирует диаспоральность миров: со своими городами – «воротами» и «узлами переплетений» миграционных и инвестиционных потоков. «Глобальные ворота» – одна из ключевых характеристик глобализации. По мнению ряда исследователей, определяющую роль при образовании «глобальных ворот» играют социальные сети, в первую очередь сети доверия, которые под воздействием различных факторов начинают стягиваться к определенной географической точке, где и возникают «ворота»⁶. К этим «воротам» устремляются торговые, финансовые и миграционные потоки. Поскольку экономика во многом независима от политики, это «центростремительное движение» может игнорировать национальные границы. Возникает мощный торговый и финансовый центр – глобальный город, задачей которого является замкнуть все потоки на себе и стать «воротами» для всего «мир-экономики». Наибольшее число «глобальных ворот» сложилось в Западной Европе и переселенческих колониях (Северная Америка, Австралия). Многие из этих «ворот» органически возникли в процессе западноевропейской экспансии. Традиции некоторых из них уходят корнями в раннее средневековье, эпоху формирования пояса независимых торговых городов – от Северной Италии через Рейн до стран Бенилюкса. Другие центры «созрели» позднее, на излете средневековья (Лондон, Париж) или в Новое время (североамериканские «ворота», Сидней).

Особую роль в «воротообразовании» современного мира играет этнический бизнес как составляющая часть этнической глобализации. Этнический бизнес возникает в «узлах переплетения» основных «воротообразующих потоков – миграционных и финансовых. Этнический бизнес – элемент международных отношений – одновременно является и сетью институционального доверия.

Если в зарубежной научной литературе использование понятия «этнический бизнес» имеет уже достаточно длительную традицию,

то в российских исследованиях этнический бизнес – наименее изученное экономическое явление, которое в определенной степени условно можно назвать «черным ящиком». Существуют разные точки зрения в понимании этнической экономики, этнического предпринимательства и этнического бизнеса. Указанные понятия взаимосвязаны, но не тождественны, имеют свое внутреннее содержание и внешнее проявление.

Этническая экономика – понятие более широкое и емкое, чем этническое предпринимательство и бизнес. Этническую экономику в научных исследованиях рассматривают как характер занятости иммигрантов в принимающем обществе, их самостоятельное решение проблем обеспечения себя средствами к существованию⁷ и отмечают ее взаимосвязь с неформальной экономикой⁸. Так, например, А. Портес, отмечая тесную взаимосвязь этнической экономики с неформальной, подчеркивает вариативность экономики: для некоторых иммигрантов неформальная экономика означает способ выживания в агрессивной социальной среде, для других – способ быстрого экономического подъема, для третьих – это путь к примирению экономических нужд с нормами культурного поведения⁹.

Под термином «этническое предпринимательство» ряд авторов понимает форму социально-экономической адаптации мигрантов, которые, попав в иную среду, мобилизуют свои внутренние ресурсы и, пытаясь выжить, открывают собственное дело¹⁰. Р. Уолдингер (R. Waldinger), рассматривая «этническое предпринимательство» отмечает, что основой успеха иммигрантов является занятие ими пустующих рыночных ниш, а не постепенное вытеснение местных предпринимателей из-за недоступной для них групповой мобилизации или действия жесткой конкуренции¹¹.

В нашем же понимании бизнес является этническим, если в нем участвуют представители одной этнической группы. Будучи этническим меньшинством, люди имеют возможность объединиться на основе общей (разделенной) этничности и организовать совместный бизнес, они доверяют друг другу, так как принадлежат к общей этнической группе. Значимым моментом в данном определении является то, что мигранты имеют в своем распоряжении дополнительные ресурсы, называемые «этническими», которые основаны на идентификации человека с определённым этническим сообществом.

По мнению ряда исследователей, доверие есть возникающее в рамках определённого сообщества ожидание того, что члены данного сообщества будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами¹². Доверие, основанное на разделенной этнической идентичности, позволяет сформировать «этнические» сети и увеличить мигрантам свой «социальный капитал». Таким образом, определяющими ха-

рактическими сетевыми этническими бизнесами являются его всеобщность и наличие института доверия.

Становление и развитие этнического бизнеса происходило и происходит на основе масштабной международной миграции в целом, и этнической в том числе. О масштабах миграции населения в мире можно судить по следующим данным – общее количество международных мигрантов во всем мире в 2010 году составило 214 миллионов человек. Согласно подсчетам МОТ, если мигрирующее население будет продолжать увеличиваться такими темпами, как за последние 20 лет, то количество международных мигрантов во всем мире к 2050 г. составит 405 миллионов¹³.

Отметим, что процесс становления этнического бизнеса включает три узловых момента, составляющих его цикличность – это этническая миграция; этническая сплоченность (сообщество) и этнический бизнес. Этническая миграция – это прежде всего территориальное перемещение этноса или отдельной его части в иное географическое или культурное пространство. В рамках этнических миграций происходит становление и развитие этнических сообществ, своеобразных «опорных пунктов» для поддержки вновь прибывающих мигрантов, позволяющих удержаться им в «новом мире». Этнические сообщества выполняют следующие функции:

- адаптивную – обеспечивает вхождение мигрантов в новое общество;
- регулирующую – обеспечивает поддержание правил и норм поведения;
- мотивирующую – побуждает мигрантов активно участвовать в делах сообщества.

Именно адаптивная функция включает мигрантов в этнические бизнес-процессы. Она реализуется в виде следующих стратегий: во-первых, это ориентация на модернизированный образ жизни: желание жить по-европейски, устроить личную жизнь, открыть свое предприятие, сделать карьеру. Во-вторых, это ориентация на образование и профессиональный рост. В-третьих, это просто ориентация на заработок для обеспечения своей семьи и родственников¹⁴.

Ряд исследователей отмечают, что этническая экономическая деятельность реализуется в виде поставок, производства и реализации этнических потребительских товаров для нужд этнических общин; поставок этнических товаров для коренного населения; удовлетворения местных потребностей в различного рода услуг; нелегальной занятости. Эти виды деятельности говорят о желании иммигрантов закрепиться на новом месте. Развитие же этнического бизнеса свидетельствует уже о процессе интеграции этнических сообществ в региональную экономику.

Традиционно этнический бизнес рассматривают как мелкий или средний бизнес, который носит семейный характер. Так, например, турки в Германии представляют экономически сильную

диаспору. Они владеют большей частью из 150 тысяч мелких и средних предприятий, открытых иностранцами в стране: закусочными и ресторанами, прачечными, мастерскими по ремонту обуви и ателье, пекарнями и магазинами. В общей сложности по всей Германии около 60 тысяч турок являются мелкими и средними предприятиями, обеспечивая работой примерно 327 тысяч человек, более 40% которых – их соотечественники. Только в Берлине примерно 5 тысяч турок являются предпринимателями. Они оказывают значительное влияние на городской рынок труда, обеспечивая работой примерно 14 тысяч человек, в основном своих соотечественников.

Около 48% турецких предпринимателей в столице Германии заняты в сфере оптовой и розничной торговли, 29% – в гостиничном бизнесе и снабжении. Еще примерно 12% – в мелком производстве и около 80% – в сфере обслуживания. Уличная торговля фруктами и овощами практически полностью находится в руках выходцев из Турции. Немногим более 3% турецких предпринимателей задействованы в сфере транспорта и связи, а около 1% владеют небольшими строительными компаниями¹⁵.

Следует отметить, что в настоящее время одним из направлений развития этнического бизнеса становится инновационная деятельность, что способствует интеграции с крупными предприятиями. Как уже отмечалось ранее, этнический бизнес строится на сетевых принципах, таких как доверие, легкость и рациональность. Этническая сеть позволяет получать выгоду не только от сетевого эффекта, но и от общей этничности. Постоянное включение в сеть новых этнических предприятий делает её поистине безграничной. В результате чего появляется спираль сетей и связей, что обуславливает создание и развитие крупных этнических сетевых бизнес-структур. Эти структуры не следует отождествлять с малым бизнесом, они не связаны с размером бизнеса, с какой-то определенной отраслью, с территорией. Такие бизнес-структуры характеризуются малым количеством уровней управления, инновационностью, гибкостью и сетевым построением.

В настоящее время сетевая этническая бизнес-структура, сохраняя свою внутреннюю гибкость и способность амортизировать внешние удары, превращается в ведущего субъекта международных отношений. В качестве примера таких структур можно назвать этнические кластеры глобальных фирм, включающие и крупные ТНК и мелкие фирмы, лидирующие в сфере инновационной деятельности.

В этих структурах, несмотря на устойчивую культурную специфику, преданность устоявшейся системе ценностей достаточно успешно сочетается с западным практическим менеджментом. К примеру, такое сочетание элементов различных культур даёт возможность китайским компаниям наладить эффективные цепочки бизнеса, что при-

вело к формированию международных кластеров, связывающих Кремневую долину, Хеничу и Шанхай. Китайский инновационный бизнес находит своё развитие и за пределами КНР. В настоящее время Китай занимает второе место в мире по абсолютным расходам на научные исследования и разработки. А за последние десятилетия восемь крупнейших высокотехнологических ТНК Китая открыли 62 центра НИОКР в 23 странах мира¹⁶. Национальная инновационная система играет важную роль и в региональном развитии Китая. Её центры сосредоточены в основном в крупных мегаполисах (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу-Шеньчжэнь и др.), на которые приходится 80 % расходов НИОКР. Здесь же базируются штаб-квартиры и центры НИОКР китайских ТНК, крупнейшие университеты страны (Синьхуа, Фудань и др.), совместные и собственные центры НИОКР зарубежных ТНК. Такой подход к «открытому инновационному развитию» не случаен.

Современный экономический мир чрезвычайно динамичен и уже сейчас наряду с инновациями основным движущим фактором является «инновационный человеческий капитал». В этой связи этнические диаспоры становятся источником квалифицированных кадров, обеспечивая «циркуляцию умов» в рамках национальной инновационной системы.

Таким образом, этнический бизнес как сетевая бизнес-структура становится самостоятельным игроком в системе «мир–экономика», при этом осуществляя инновационную стратегию развития национальной экономики и стратегию управления глобализацией в своих интересах.

Примечания

- ¹ Зуйков Р. Мировая система в начале XXI века : опыт реконцептуализации // Международные процессы. 2013. Т. 11, № 2 (33). Май – август. С. 15.
- ² Там же.
- ³ См.: Mann M. Has globalization ended the rise and rise of the nation-state / eds. D. Held, A. Ms. Grewl. The Global

Transformation Reder. Cambridge : Polity Press, 2000. P. 105.

- ⁴ См.: Рязанцев С. «Глобализация по-китайски» : инвестиции, миграция, диаспора // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 3 (30–31). Сентябрь – декабрь. С. 20.
- ⁵ См.: Мир. Вызовы глобального кризиса. Италия // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 5. С. 80.
- ⁶ См.: Сергеев В. М., Казанцев А. А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот». URL: <http://www.politstudies.ru/fullteks/2007/2/3.htm> (дата обращения: 30.01.2014).
- ⁷ Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy / eds. N. Smelser, R. Swedberg. The Handbook of Economic Sociology. Princeton : Princeton University Press, 1994. P. 646–671.
- ⁸ The economic sociology of immigration. Essays on Networks, Ethnicity and Entrepreneurship / ed. by A. Portes. Russel sage Foundation. N. Y., 1981. P. 30–31.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Хрусталева И. М. Этническое предпринимательство мусульманских диаспор в странах Западной Европы // Вестник МГИМО университета. 2011. № 2. С. 188.
- ¹¹ Waldinger R. Immigrant Enterprise : A Critique and Reformulation // Theory and Society. 1986. Jan. Vol. 15, № 1/2, Special Double Issue : Structures of Capital. P. 283–294.
- ¹² См.: Журавский А. В., Садов О. В., Фетисов А. В. Субъекты миропорядка XXI века // Глобализация и становление иденитностей. М., 2003. С. 81.
- ¹³ World Migration Report 2010. The Futur of Migration : Building Capacities for Chage. IOM World Migration, 2011.
- ¹⁴ См.: Кузнецов И. Формирование этнических ниш в российской экономике // Неприкосновенный запас. 2007. №1 (51).
- ¹⁵ См.: Хрусталева И. М. Этническое предпринимательство мусульманских диаспор в странах Западной Европы // Вестник МГИМО университета. 2011. № 2. С. 191.
- ¹⁶ См.: Селихов Д. КНР в мировом инновационном развитии // Мировая политика и международные отношения. 2013. № 11. С. 23.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470.44).046+929 Большой Шаховской

ВОЕВОДА САРАТОВА КНЯЗЬ ИВАН БОЛЬШОЙ ФЕДОРОВИЧ ШАХОВСКОЙ (1637–1639)

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова, связанные с пребыванием в этом городе воеводы Ивана Большого Федоровича Шаховского, а также голштинского посольства, секретарем которого был Адам Олеарий. Эти послы возвращались из Персии в Москву в 1638 г. через Астрахань и Саратов. Впервые представлена подробная биография князя Ивана Шаховского, который был воеводой во многих городах России (Царевосанчурске, Рыльске, Томске, Саратове и Нижнем Новгороде).

Ключевые слова: Смутное время, Смоленская война, Саратов, воевода, казаки, Тула, Большой полк, Адам Олеарий.

Saratov voivode the prince Ivan the Big Fedorovich Shahovskoy (1637–1639)

Ya. N. Rabinovich

The article describes the unknown pages of the left bank of Saratov connected with voivode's the Big Ivan Fedorovich Shahovskoy staying in the city, and Holstein embassy, whose secretary was Adam Oleary. These ambassadors returned from Persia to Moscow in 1638 through Astrakhan and Saratov. First is a detailed biography of prince Ivan Shahovskoy who was voivode in many cities in Russia (Tsarevosanchursk, Ryly'sk, Tomsk, Saratov and Nizhny Novgorod).

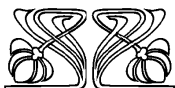
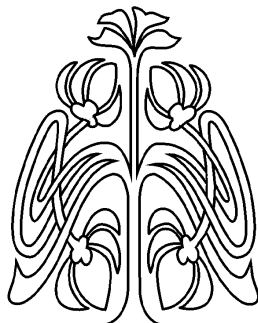
Key words: Time of Troubles, Smolensk war, Saratov, voivode, cossacks, Tula, Large regiment, Adam Oleary.

О воеводе Саратова князе-Рюриковиче Иване Большом Федоровиче Шаховском (23 колена от Рюрика), потомке знаменитого князя Федора Ростиславича Черного Смоленского-Ярославского, сохранилось немало сведений. А. П. Барсуков в своем капитальном труде (1902 г.) о городских воеводах XVII века указал воеводство Ивана Большого Федоровича Шаховского только в Саратове и Нижнем Новгороде¹.

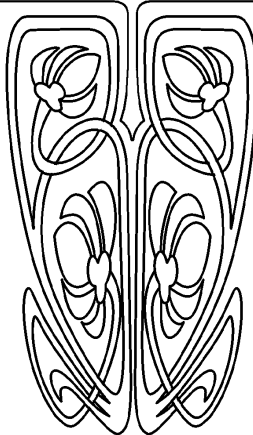
Наиболее обстоятельным исследованием биографии саратовского воеводы князя Ивана Шаховского является статья Д. Корсакова, опубликованная в 1905 г. в «Русском биографическом словаре» под редакцией А. А. Половцова². Все современные публикации об Иване Федоровиче Шаховском (их легко можно найти в сети Интернет) основаны на данной статье Д. Корсакова; в них нет ничего нового, хотя прошло уже свыше 100 лет с момента выхода данной статьи.

Через 8 лет после выхода в свет статьи Д. Корсакова была написана статья А. А. Гераклитова (1913 г.), которая содержит значительно меньше сведений о нашем герое³. А. А. Гераклитов в своей статье отметил кроме воеводства И. Ф. Шаховского в Саратове лишь местнические споры нашего героя с Иваном Благово и князем Пожарским, службу его полковым воеводой в Туле в 1627 и 1640 г., а также проведение им смотра служилых людей в Ржеве в 1634 г.

Это вся информация у А. А. Гераклитова, если не считать известия о службе И. Ф. Шаховского в 1644 г. в Нижнем Новгороде, о которой писал еще А. П. Барсуков.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В некоторых случаях А. А. Гераклитов проявил чрезмерную осторожность, посчитав, как и А. П. Барсуков, что в первой половине XVII в. существовали несколько воевод И. Ф. Шаховских (Иван Большой Федорович, Иван Меньшой Федорович и просто Иван Федорович). Биографию нашего героя А. А. Гераклитов начинает только с 1626 г., с местнических споров И. Ф. Шаховского с И. Благово. Это выглядит не очень убедительно. Получается, что молодой воевода И. Ф. Шаховской сразу же в самом начале своей службной карьеры назначается вторым воеводой Большого полка (а это очень высокая должность!), вследствие чего возникают местнические споры о том, кто главнее и кто кому должен подчиняться. В действительности, к тому моменту, когда начались эти местнические споры (март 1627 г. – февраль 1628 г., а не 1626–1627 гг., как отмечал Гераклитов), за плечами нашего героя были уже 20 лет службы.

Осторожность А. А. Гераклитова оправдана лишь по отношению к событиям, происходившим после 1630 г., когда младший брат нашего героя (Иван Меньшой Федорович) начал свою служебную карьеру и стал довольно часто упоминаться в источниках, причем иногда в тексте отсутствует уточняющее дополнение («Большой» или «Меньшой»).

Будущий воевода Саратова, кн. И. Ф. Большой Шаховской, был старшим из 4 сыновей кн. Федора Даниловича Курдюка Шаховского. Кроме Ивана Большого Федор Данилович имел еще трех сыновей: Ивана Меньшого, Матвея и Андрея.

Герой нашего очерка – Иван Федорович Шаховской – на службе начинает упоминаться с 1606 г. Он был торопецким помещиком. Именно в 1606 г. он записан в Торопецких десятнях с окладом в 500 четей⁴. И. Ф. Шаховской родился в середине 1580-х гг. О его службе в Смутное время сведений сохранилось мало, а там, где в источниках говорится про Ивана Шаховского (без отчества), очень трудно идентифицировать этого человека с будущим воеводой Саратова. Можно предположить, что Иван Федорович Шаховской после избрания Михаила Романова участвовал в походе 1613–1614 гг. кн. Д. М. Черкасского и И. Ф. Троекурова под Смоленск вместе со своим родственником, знаменитым в будущем писателем Семеном Ивановичем Шаховским-Харей. Во всяком случае, в приходно-расходных книгах Разряда 1614/1615 г. записано, что при установлении окладов служилым людям под Смоленском Иван Федорович Шаховской был поручкой по службе и в деньгах Семену Шаховскому⁵. Обычно дьяки в качествах таких поручников-свидетелей опрашивали товарищей по службе, которые совместно участвовали в данных походах. Поэтому некоторые эпизоды из биографии будущего писателя С. И. Шаховского до 1614 г. можно отнести и к нашему герою (борьба с Болотниковым и Тушинским вором, посольство к королю Сигизмунду под Смоленск и др.).

В Боярском списке 124 г. (1615/1616 г.) Иван Федорович Шаховской записан в качестве московского дворянина. В самом конце того же списка отмечен брат И. Ф. Шаховского Матвей Федорович, за ним идут И. С. Благой, с которым в будущем нашему герою предстоят местнические споры, а также Г. И. Феофилагьев, которого через 20 лет Иван Федорович сменит на воеводском посту в Саратове⁶.

В конце 1615 г. И. Ф. Шаховской был отправлен воеводой в Царево-Санчурск (Царево-санчурск), где находился два года. В разрядах за 1615/1616 и 1616/1617 гг. записано, что воеводой в «Цареве в Санчюрском» назначен «князь Иван княж Федоров сын Шеховской»⁷. После возвращения из Царевосанчурска в Москву Иван Федорович был в 1618 г. назначен воеводой в Рыльск. В Дворцовых разрядах читаем: «В Рыльску на князь Никитино место Волконского князь Иван княж Федоров сын Большой Шаховской»⁸.

Это было тяжелое для страны время, польский королевич Владислав и гетман Сагайдачный начали поход на Москву. На юге страны бои шли с переменным успехом. Прибыв в Рыльск, воевода Иван Шаховской и его помощник Петр Игнатъевич Сафонов организовали рейды против литовских порубежных городов. Об одном из таких рейдов сообщает Книга сеунчей. 12 октября 1618 г. посылали воеводы под литовский город Быковичи голов Ивана Ортюшкова и Ивана Малеева с ратными людьми. Они встретились «в Литовской земле на реке на Осетре с босарским урядником Андреем Ольшанским от Путивля верст с 200, побили наголову, а самого урядника взяли, и многие языки и знамена и литавры поимали. И пришли под Быковичи, посады все выжгли и на приступе и на вылазке литовских людей многих побили». Этот сеунч (радостную весть о победе) привез в Москву 24 ноября 1618 г. сын боярский из Рыльска Матвей Оверкиев, который был щедро награжден. Он получил 7 рублей и сукно доброе⁹.

В 1619 г. уже после завершения Смуты Иван Шаховской и Петр Сафонов были отпущены из Рыльска в Москву. Им на смену в Рыльск прибыл Иван Аксентьевич Дашков¹⁰. К тому времени И. Ф. Шаховской имел денежный оклад 40 рублей, он получал жалование из Устюжской чети. В списке четвертчиков Устюжской чети перед Иваном Шаховским записаны с аналогичным окладом многие известные деятели, в том числе будущий воевода Саратова стряпчий Федор Иванович Чемоданов¹¹.

В самом начале 1620 г. вскоре после возвращения из Рыльска Иван Федорович был назначен воеводой в далекий сибирский город Томск. Книги разрядные сообщают, что «в Томском городе воеводы князь Иван княж Федоров сын Шеховской да Максим Иванов сын Радиллов, посланы в прошлом во 128 году февраля в 29 день»¹². В этот же день, 29 февраля 1620 г., были отправлены воеводы в другие сибирские города (Тобольск,

Березов, Мангазею, Сургут и Кетск). Среди воевод, отправившихся к новому месту службы, мы видим Г. И. ФеофилаТЬева и др. Уехав из Москвы в конце февраля 1620 г., воеводы Шаховской и Радилов могли прибыть в далекий Томск только летом того года. В Томске Иван Шаховской находился в 1621 и 1622 гг. В Дворцовых разрядах под 1622 г. указан воевода в Томске Иван Федорович Большой Шаховской¹³.

Из Сибири Иван Федорович приехал в Москву не ранее лета 1623 г. Сведений о службе нашего героя в последующие несколько лет (1623–1625) пока не обнаружено. Вновь его имя появляется в источниках осенью 1626 г., когда он был направлен с инспекцией для выяснения состояния обороны крепостей в южные города Крапивну и Чернь: *«Октября в 11 день посланы в пушкарский приказ, а из пушкарского приказа послать их в города для государева дела. Дворяне... князь Иван князь Федоров сын Шеховской на Кропивну, на Чернь»*. Одновременно с ним в октябре 1626 г. были отправлены дворяне в другие южные города (Болхов, Белев, Боровск, Перемышль, Лихвин, Михайлов, Печерники Пронск), а также в города на северо-западе (Великие Луки, Торжок, Старица, Осташков)¹⁴. Эта командировка Ивана Федоровича в южные города продолжалась недолго. Уже через три месяца мы видим его снова в Москве. В начале 1627 г. он был у государева стола: *«6 января на Богоявление день были у государева стола дворяне ... князь Иван Федорович Шеховской»*. Перед ним записан первый воевода левобережного Саратова князь Федор Тимофеевич Черново-Оболенский, после него – Андрей Федорович Наумов, который через несколько лет также окажется воеводой в Саратове¹⁵.

7 марта 1627 г. царь указал быть на государственной службе в Украинном разряде воеводам по полкам, *«а срок указал государь им стати по местам апреля в 1 день»*. Служба всем воеводам «была сказана» в тот же день, 7 марта. В Большом полку на Тулу был назначен первым воеводой Федор Семенович Куракин, а к нему в помощники – Иван Федорович Шаховской¹⁶. Это было первое назначение Ивана Федоровича на такую высокую должность. Вторым воевода Большого полка был по местническому счету равен первому воеводе других полков и выше вторых воевод других полков. Сразу же начались местнические споры. Недовольство назначением Ивана Шаховского высказал второй воевода Сторожевого полка Иван Владимирович Благово. Бояре постановили, что разбирать эти местнические споры будут после того, как закончится служба этих воевод, и вообще, Иван Благово «дурует», пусть будет доволен, что ему *«по государевой милости и находка, что ему велено быти в Украинном разряде в Сторожевом полку в воеводах»*, и пусть он идет на службу¹⁷.

В начале октября 1627 г. первые воеводы Большого полка и других полков отправлялись

по домам, а вторые воеводы некоторое время оставались одни командовать своими полками. Всю осень 1627 г. Иван Шеховской оставался в Туле, фактически возглавляя оборону всей южной границы. 19 ноября 1627 г. Ивану Шаховскому на Тулу была отправлена царская грамота, по которой ему было приказано распустить людей по домам, а самому вернуться в Москву (к тому времени в Москве выяснили, что татарских набегов в ближайшее время не будет). Грамота начиналась следующими словами: *«От царя... на Тулу воеводе нашему князь Ивану Федоровичю Шеховскому...»*. В первых числах декабря 1627 г. Иван Федорович вернулся в Москву. 6 декабря 1627 г. «на Николин день», когда у царя был праздничный стол в Золотой подписной палате, у стола в числе приглашенных московских дворян первым записан Иван Федорович Шаховской с пометой, что он был на службе в Туле. 16 февраля 1628 г. по царскому указу состоялся суд по старому местническому спору И. В. Благово с И. Ф. Шеховским (в источниках отмечено, что у Ивана Благово был суд с князем Иваном Федоровичем Большим Шаховским). Судил этот сложный случай боярин Борис Лыков. Спор закончился ничем, *«и суд не вершен»*¹⁸.

О службе Ивана Шаховского на южной границе в 1628 г. сведений в источниках нет. Только на следующий год, весной 1629 г., Иван Федорович Шаховской вновь был назначен вторым воеводой Большого полка в Тулу (царский указ был зачитан 20 марта 1629 г.). Теперь его непосредственным начальником, первым воеводой Большого полка, был назначен князь Иван Никитич Хованский. Срок *«указал государь воеводам стати по местам на Радуницу Апреля в 12 день»*. Снова на Ивана Шаховского «бил челом в отечестве» один из братьев Благово, Иван Степанович (в других источниках – Иван Петрович), недовольный тем, что его назначили вторым воеводой Большого полка Рязанского разряда в Переяславль Рязанский, а Ивана Федоровича Шаховского – в Тулу. Всем челобитчикам было сказано, что их дела будут рассматривать только после завершения службы¹⁹.

Снова все лето и осень 1629 г. продолжалась нелегкая служба на границе. Как обычно, в октябре, когда большая часть служилых людей, вместе с первыми воеводами полков, была отправлена по домам, все управление пограничной службой легло на плечи вторых воевод (царские грамоты были отправлены 1 октября, а уже 11 октября все первые воеводы были в Москве у руки государя). Вновь Иван Шеховской возглавил оборону южной границы²⁰.

Сведений о том, где находился И. Ф. Шаховской в 1630–1631 гг., после того, как вернулся из Тулы, пока не обнаружено. Вновь мы встречаем его уже в начале Смоленской войны, когда русская армия боярина М. Б. Шеина начала поход к Смоленску. 11 ноября 1632 г. в воскресенье *«был государь и патриарх на соборе для денежного»*

сбору ратным людям на жалованье». Руководить сбором этих запросных («кто что даст») и пятинных денег («пятую денгу») было поручено боярину Д. М. Пожарскому. «А по все города для тех же запросных и пятинных денег указали послать властей и дворян и подъячих». Эти люди отправлялись в различные регионы страны (всего перечислены 13 групп сборщиков). В каждую группу, как правило, входили дворянин, церковнослужитель и подъячий. В некоторые города отправлялся только представитель государева двора. Так, например, Иван Федорович Шаховской был послан в южные города – Брянск, Карачев, Севск, Рыльск и Путивль – собирать запросные и пятинные деньги для жалования ратным людям²¹. Наверное, в Москве знали, кого можно послать для такого сложного дела. Через 15 лет после первой службы Иван Федорович Шаховской вновь оказался в знакомом ему Рыльске. По-видимому, эта поездка продолжалась всю зиму и весну 1633 г. К лету 1633 г. мы видим его уже в Москве, куда он привез собранные деньги.

24 июля 1633 г. в связи с ожидаемым набегом крымских татар («по крымским вестям, ... для приходу Крымских людей» в различные районы Москвы были назначены воеводы, которые обороняли определенный участок территории столицы. В частности, «по Белому городу по воротам указал государь быть воеводам...» (перечислены 24 воеводы). Участок Белого города у Петровских ворот был поручен оборонять И. Ф. Шаховскому, которому помогал Леонтий Юрьевич Погожев. В Дворцовых разрядах записан Иван Большой Федорович Шаховской, а в других разрядных книгах – просто Иван Федорович Шаховской²².

Между тем война с поляками продолжалась. Теперь уже русская армия боярина М. Б. Шеина под Смоленском оказалась в тяжелом положении, новый польский король Владислав прибыл на помощь гарнизону Смоленска и окружил армию Шеина.

18 октября 1633 г. царь указал собираться с ратными людьми на государеву службу против польского короля Владислава: «... в Ржеве Владимировой столнику и воеводам князю Миките Ивановичю Одоевскому да князю Ивану княж Федорову сыну Шеховскому». В отряде И. Ф. Шаховского предписано быть тем воинам, которые ранее находились в полку князя Михаила Белосельского «и из под Смоленска съехали, и отпущены ранены и в челобитчиках»²³. В некоторых списках Дворцовых разрядов данная запись дополнена словами «большому Шеховскому», а также указано, что он ранее «служил с Торопца», добавлено, что ратным людям с кн. Н. И. Одоевским и И. Ф. Шаховским быть тем, которые были ранее с окольным князем Семеном Прозоровским²⁴. В одной из разрядных книг также указано, что по смоленским вестям велено быть вместе с кн. Н. И. Одоевским «князю Ивану Большому княж Федорову сыну Шеховскому. А збиратца с ратными людьми во Ржеве»²⁵.

17 ноября 1633 г. в воскресенье накануне отъезда все воеводы (включая кн. Д. М. Черкасского, Д. М. Пожарского, Н. И. Одоевского и И. Ф. Шаховского) «у государевой руки были у Благовещенья». 23 ноября всем воеводам велено выдать государеву жалованье, «денежные их оклады дати сполна»²⁶. Попытка князя Н. И. Одоевского затеять местнический спор с князем Д. М. Черкасским закончилась неудачей, его велели посадить в тюрьму, но по дороге от Фроловских ворот царь «велел его воротить, в тюрьму сажать не велел»²⁷.

Хуже обстояли дела с нашим героем. Сохранился царский наказ от 1 декабря 1633 г. в Ржеву Володимерову воеводам Н. И. Одоевскому и И. Ф. Шаховскому²⁸. По данному наказу эти воеводы должны были из Ржевы идти в Вязьму «на сход» к воеводам Д. М. Черкасскому и Д. М. Пожарскому и поступить под их команду. Если Н. И. Одоевский, помня предыдущую неудачу в споре с кн. Д. М. Черкасским, подчинился данному приказу, то его помощник И. Ф. Шаховской посчитал, что он по местническому счету выше знаменитого героя освобождения Москвы от поляков. В Дворцовых разрядах записано: «А князь Иван Шеховской, приехав во Ржеву, список не взял для боярина князь Дмитрия Михайловича Пожарского. И Государь князь Ивана Шеховского, за безчестье князь Дмитреево, велел посадить в тюрьму»²⁹. Это тюремное заточение по традиции продолжалось всего несколько дней, после чего наш герой был выпущен и вынужден исполнять царский указ. Сохранился очередной наказ воеводам Д. М. Черкасскому и Д. М. Пожарскому от 30 декабря 1633 г., в котором было подчеркнуто, что на сход к князю Д. М. Пожарскому велено из Ржевы идти князю И. Ф. Шаховскому³⁰.

Однако сбор войск, предназначенных для похода к Смоленску, происходил очень медленно. Очередной царский наказ от февраля 1634 г. о том, что к князю Д. М. Пожарскому идет из Ржевы «на сход» князь И. Ф. Шаховской³¹, уже запоздал: армия боярина Шеина капитулировала.

К моменту заключения Поляновского мира Иван Федорович уже вернулся в Москву. 16 июля 1634 г. вскоре после заключения Поляновского мира царь уехал молиться в Николо-Угрешский монастырь. В Москве оставался за царя боярин Ф. И. Шереметев. 17 июля вместе с боярином Ф. И. Шереметевым дневал и ночевал в царском дворце дворянин И. Ф. Шеховской. После него через три человека в этом же списке записан один из прежних воевод Саратова кн. Е. Ф. Мышецкий³².

15 августа 1634 г. на праздник Успения Богородицы «по прошенью богомольца своего» патриарха Иоасафа царь был на праздничном обеде у патриарха «в дому пречистые Богородицы». Среди 24 дворян, которые были за столом вместе с царем на обеде у патриарха, седьмым в списке записан Иван Федорович Шеховской³³.

В это время в столицу приехали послы шведской королевы Христины Филипп Шединг и Ин-

дрик Флеминг. В Дворцовых разрядах записано, что 20 июля 1634 г. встречали послов за Белым городом, за Тверскими воротами, а приставом к ним был назначен «Иван большой княж Федоров сын Шеховской». Иван Федорович вместе с Федором Рагозиным и дьяком Иваном Трофимовым был приставом у шведских послов все время, пока они находились в Москве. В Дворцовых разрядах он указан приставом при шведских послах 27 июля 1634 г. на приеме у царя в золотой подписной палате, 3 августа при вторичном приеме шведских послов, затем 3 сентября, 8 и 25 октября, а также на отпуске 28 октября³⁴.

Выяснение дальнейших страниц биографии нашего героя связано с определенными трудностями. К тому времени подросток и получил свои первые воеводские назначения младший брат Ивана Федоровича по прозвищу Иван Меньшой. 2 июня 1637 г. «на праздник царевича Ивана Михайловича ангела» был стол у государя. Среди приглашенных к столу записан в числе московских дворян Иван Федорович Шаховской. Учитывая, что Иван Меньшой в это время был воеводой в Костроме, можно утверждать, что речь здесь идет о нашем герое³⁵.

В 1638 году мы видим Ивана Федоровича воеводой в Саратове. В Дворцовых разрядах отмечено: «На Саратове князь Иван большой княж Федоров сын Шеховской»³⁶. В книгах разрядных слово «Большой» пропущено. Например, в Разрядной книге 1637/1638 г., где дается подробный перечень лиц Саратовского гарнизона, записано: «На Саратове князь Иван княж Федоров сын Шеховской. А с ним: детей боярских 18 человек. 3 головою да с 3-мя сотники стрельцов 150 человек конных да 250 человек стрельцов пеших. 6 человек пушкарей, 5 человек сторожей, 2 человека воротников. Часовник, кузнец, плотник, пивовар. Да годовальщиков из Понизовых городов 100 человек стрельцов». В другом месте той же Разрядной книги уточняется, откуда эти годовальщики: «На Саратове курмышских и мурашкинских казаков 100 человек»³⁷. Ранее на годовую службу в Саратов из Понизовых городов-«доноров» отправлялись стрельцы (сто человек), а теперь мы видим уже вместо стрельцов казаков из Курмышя и Мурашкина (служилые люди из Мурашкина отмечены впервые).

Трудно сказать, когда именно Иван Федорович приехал в Саратов и сменил там прежнего воеводу Григория Ивановича ФеофилаТЬева. А. А. Гераклитов относит смену саратовских воевод к августу 1637 г.³⁸ Эта дата вызывает определенные вопросы, ведь сам же А. А. Гераклитов в 1912 г., т. е. за год до выхода его статьи о воеводах Саратова и Царицына, опубликовал в «Трудах СУАК» источник, из которого видно, что еще в октябре 1637 г. в Саратове был воеводой Григорий ФеофилаТЬев, а не Иван Шаховской. В первых числах октября 1637 г. («о Покрове Пресвятыя Богородицы») воевода Григорий ФеофилаТЬев отправил из Саратова с донесением в Москву

Тимофея Барыбина в сопровождении стрелецкого десятника Степана Карташева³⁹.

Скорее всего, Иван Федорович был назначен воеводой в Саратов в августе 1637 г., а приехал в этот город уже поздней осенью. В Саратове он находился около двух лет. Источники позволяют выяснить, кто же останавливался в этом городе по пути в Персию и обратно в 1638–1639 гг. во время пребывания Ивана Шаховского на воеводском посту в Саратове. Прибытие этих гостей вынуждало воеводу принимать специальные меры для их встречи, охраны и сопровождения в дальнейшем плавании по Волге.

С пребыванием в Саратове Ивана Федоровича Шаховского связан один трагический эпизод в истории этого города. Зимой 1637/1638 г. отряды крымцев и ногайцев численностью до 500 чел. прорвались под Саратов и захватили на р. Медведице в плен около 30 чел. стрельцов, возвращавшихся из Москвы, в том числе Тимофея Барыбина и Степана Карташева (источник об этих событиях опубликовал в 1912 г. А. А. Гераклитов).

Особенно хлопотным для воеводы И. Ф. Шаховского был 1638 год, когда мимо Саратова проплыл из Персии по дороге в Москву известный немецкий ученый Адам Олеарий. Странно, что все исследователи, в том числе краеведы Саратова, данный сюжет обходили стороной. Все внимание обращалось на первое путешествие голштинского посольства, когда Олеарий проплыл мимо Саратова на большом корабле «Фредерик» 1 сентября 1636 г. по пути из Нижнего Новгорода в Астрахань (не делая остановки в Саратове). Следует отметить, что в сочинении Адама Олеария (русский перевод Д. Барсова, 1868–1870 гг. и А. Ловягина, 1906 г.) довольно подробно описаны как возвращение голштинского посольства из Персии на родину, так и пребывание послов в Саратове 6 октября 1638 г.⁴⁰

14 июня 1638 г. голштинское посольство вместе с русским послом Алексеем Савиновичем Романчуковым, который возвращался из Персии, прибыло степью из Терского городка в Астрахань. Олеарий подробно описывает все трудности десятидневного похода (4–13 июня) по безводной безлюдной жаркой степи («ни города, ни деревни, дерева, холма»), где не было пресной воды. К голштинцам присоединился огромный караван купцов всяких наций: персов, турок, армян, греков, русских, всего до 200 телег.

Олеарий и его спутники оставались в Астрахани еще свыше двух месяцев, ожидая приезда персидского посла, с которым должны были вместе плыть вверх по Волге. Алексей Романчуков вскоре отплыл в Москву (известно, что по дороге он передал каким-то казакам письмо для голштинцев, которое было доставлено в Астрахань уже 1 августа). Так что в Саратове Алексей Романчуков был уже в **июле 1638 г.** Здесь его встретил воевода Иван Федорович Шаховской. Дальнейшая судьба Алексея Романчукова, по словам Олеария,

сложилась печально. Узнав о том, что в Москве были недовольны его посольскими делами и ему грозит наказание, он принял яд и умер.

В это же время (**начало июля 1638 г.**) в Саратов приплыл караван из Москвы, направлявшийся в Астрахань. Воеводе Ивану Шаховскому пришлось встречать и организовывать охрану этого каравана. Олеарий сообщает, что этот большой «московитский караван из Москвы» прибыл в Астрахань 25 июля. С этим же караваном прибыл в Астрахань немец Андрей Рейснер. Больше ни о каких особах, пльвших с этим караваном, Олеарий не сообщает⁴¹.

Голштинцы купили в Астрахани три речных судна, каждое длиной в 12 сажень и шириной в 2,5 сажени⁴². Для каждой лодки наняли по 30 гребцов («рабочих для гребли»). Сюда следует включить, кроме членов посольства и обслуживающего персонала (всего около 80 человек, все их имена известны), также около 30 иноземных солдат для охраны, которые сопровождали послов на протяжении всего пути. Вооружение состояло из ручного огнестрельного оружия, нескольких мелкокалиберных пушек, а также ящиков со взрывчатыми снарядами (разновидность гранат). Олеарий писал, что у голштинцев были 2 пушки для металлических ядер в 2,5 фунта и 4 небольшие пушки для каменных снарядов (эти четыре пушки во время сухопутного путешествия размещались на одной телеге). Именно такие суда мы видим на гравюрах Олеария Черного Яра и Царицына.

Отплытие послов из Астрахани состоялось 7 сентября 1638 г. За два дня до этого из Астрахани степью через Царицын и Саратов направилась в Москву «станица или караван русских и татар» из 200 человек, вместе с табуном лошадей, предназначенных для подарков и продажи в Москве.

8 сентября к речному каравану голштинцев присоединился персидский посол Имам-Кули-бек («человек лет 70, но еще довольно сильный»). Персидское посольство и стрельцы для охраны размещались на трех судах. Этот караван из 6 судов 15 сентября прибыл в Черный Яр, который, по словам Олеария, имел также другое название «Михайло-Новгород». Слово «Михайло» означало, что этот город был построен при царе Михаиле Федоровиче, а «Новгород» – что это новый город, по сравнению со старым острогом Половые, перенесенным в 1634 г. на новое место из-за подмыва берега.

24 сентября караван сделал остановку в Царицыне, а 29 сентября в Михайлов день был сильный попутный ветер, и корабли быстро шли против течения 40 верст на парусах. Некоторая задержка произошла 2 октября, когда корабль персидского посла с лошадьми сел на мель.

6 октября 1638 г. караван прибыл в Саратов. Опасности от казаков можно было ожидать везде. Некоторые казаки, которые еще в Астрахани передавали Олеарию письма от Алексея Романчукова, говорили, что их собратья ранее отнимали добычу

у многих наций, а теперь хотят попробовать то же и с немцами. Прибыв в Саратов, Олеарий и его товарищи узнали от местного воеводы И. Ф. Шаховского о том, что случилось с сухопутным караваном, отправленным из Астрахани накануне отъезда послов. Недалеко от Саратова этот караван подвергся нападению казаков. По словам Олеария, казаки, «заметив достаточное сопротивление, не решились напасть», а пустились на хитрость. Они с несколькими кобылицами с криками проскакали возле каравана и много аргамаков (персидских лошадей) «увлекли за собой из станицы и увели их»⁴³. Потеря чистокровных лошадей была очень чувствительной. Обычно казаки потом сами продавали этих лошадей в пограничных городах, говоря, что отбили их у крымских татар.

Дальнейшее плавание каравана из Саратова до Самары нельзя назвать благополучным. Сильная буря повредила несколько судов, но о казачьих нападениях Олеарий ничего не писал.

Возможно, участвовавшие набеги татар и казачьи погромы на правобережье Волги вынудили московское правительство назначить в Саратов на смену Ивану Шаховскому воеводой Григория Орлова, который ранее отличился в обороне этого города от татар.

Можно примерно определить, когда Иван Федорович Шаховской сдал дела новому воеводе Григорию Никитичу Орлову. Это произошло летом 1639 г. Весной 1639 г. Григорий Орлов находился еще на южной границе, обороняя Вожскую засеку в Тульском уезде от набегов крымцев, а под тем же годом (до сентября 1639 г.) он уже указан на воеводстве в Саратове⁴⁴. В конце сентября того же 1639 г. он встречает в Саратове русских послов во главе с князем Ф. Ф. Волконским, возвращавшихся из Грузии в Москву, а также грузинского митрополита Никифора. Саратовский воевода Григорий Орлов докладывал в Москву, что «в 148 году сентября в 28 день (28.9.1639 г. – Я. Р.) грузинский посол в Саратове зазимовал». Можно предположить, что прежний воевода Иван Федорович Шаховской, сдав дела в Саратове новому воеводе Григорию Орлову, отправился в Москву вместе с послом Ф. Ф. Волконским в одном караване.

Следует отметить, что Иван Шаховской не был наказан за свою оплошность. В Москве понимали, что воеводе украинного города трудно контролировать такую огромную территорию. Уже на следующий год (в 1640 г.) по «крымским вестям» Иван Федорович был назначен одним из воевод Большого полка в Туле.

Оборону южной границы было поручено возглавлять князю Алексею Никитичу Трубецкому, который командовал Большим полком. В Дворцовых разрядах указано: «Того ж месяца Марта в 8 день указал государь быть на Украине для приходу Крымского царя и Крымских и Нагайских людей, воеводам по местам, а не по полкам: на Туле воеводы князь Алексей Никитич Трубецкой да окольных князь Алексей Федорович Литвинов

Мосальский да князь Иван большой княж Федоров сын Шеховской». Получается, что вторым воеводой Большого полка был назначен окольный князь Андрей Федорович Литвинов-Мосальский, а третьим воеводой – Иван Федорович Шаховской.

Это вызвало протест со стороны Ивана Шаховского, который посчитал унижением родовой чести быть ниже князя Литвинова-Мосальского: «И князь Иван Шеховской бил челом государю в отечестве, на окольного князя Андрея Мосальскаго, что ему с ним быть не вместино. И государь велел ему отказать, что велено быть всем с воеводою с князь Алексеем Никитичем Трубецким»⁴⁵. Ю. М. Эскин считал, что Иван Шаховской был вторым воеводой Большого полка, а окольный Андрей Литвинов-Мосальский – третьим. Он отмечает в своем справочнике: «Кн. И. Ф. Шаховской (б.п. II) – ок. кн. А. Ф. Литвинов-Мосальский (б.п. III)*»^{*}.

В сентябре 1640 г. после того, как угроза крымского нападения миновала, было указано полки распустить («больших воевод и с ними ратных людей распустить по домам»), в том числе с Тулы отпустить воевод князя Алексея Никитича Трубецкого, окольного и воеводу князя Андрея Федоровича Литвинова-Мосальского и князя Ивана Федоровича Шаховского⁴⁷.

В декабре 1642 г. Иван Федорович Шаховской впервые (курсив мой. – Я. Р.) назначается руководителем одного из московских приказов. Мы видим его во Владимирском судном приказе вторым руководителем этого приказа при боярине Иване Петровиче Шереметеве (с января по август 1643 г.). В Дворцовых разрядах отмечено, что «Декабря в 26 день указал государь сидеть в судных приказах: в судном Володимирском приказе: боярину Ивану Петровичю Шереметеву да князь Ивану большому княж Федорову сыну Шеховскому...». До этого в данном приказе несколько лет находился при боярине И. П. Шереметеве другой представитель рода Шаховских, Иван Леонтьевич (двоюродный брат И. Ф. Шаховского), который через год снова сменил Ивана Федоровича на этом посту. Одновременно с Иваном Федоровичем Большим Шаховским в другом приказе (Новой чети) служил его младший брат, Иван Меньшой⁴⁸.

В 1644 г. Иван Шаховской назначается воеводой в Нижний Новгород. В Дворцовых разрядах имеется запись под 1644 г. о том, что «в Нижнем князь Иван большой княж Федоров сын Шеховской да дьяк Иван Дмитриев»⁴⁹.

Можно определить, когда закончилась служба Ивана Большого Шаховского в Нижнем Новгороде. В Записных книгах Московского стола говорится, что новые воеводы стольник Данила Лодыгин и дьяк Патрикеев были посланы в этот город в декабре 1645 г. Следовательно, весь 1645 г., до приезда в декабре сменщиков, воеводой в Нижнем Новгороде продолжал оставаться Иван

* Знак «*» указывает, что кн. А. Ф. Литвинов-Мосальский выиграл данное дело⁴⁶.

Большой Шаховской. В этом же источнике (Записные книги) говорится о том, что в одном из казанских пригородов, Цивильске, был воеводой некий Иван Федорович Шаховской, который «отпущен в мае 1645 г.»⁵⁰. Скорее всего, воеводой Цивильска в 1645 г. был Иван Меньшой, а воеводой Нижнего Новгорода продолжал оставаться Иван Большой.

В Записных книгах отмечено, что 21 декабря 1646 г. на праздник митрополита Петра Иван Федорович Шаховской был у патриарха Иосифа у стола вместе с боярином Алексеем Никитичем Трубецким и другими членами государева двора. 2 июня 1647 г. царь Алексей Михайлович пошел в традиционный поход в Троице-Сергиев монастырь. В это время в царском дворце в Москве вместе с боярином Иваном Андреевичем Голицыным «дневали и ночевали» многие дворяне, среди которых записан Иван Федорович Шаховской⁵¹. В данном случае речь может идти как об Иване Большом, так и об Иване Меньшом.

Следующая информация относится уже точно к нашему герою. 29 марта 1649 г. царь уехал в село Хорышево. В Москве в этот день в царском дворце «дневали и ночевали» вместе с боярином Иваном Васильевичем Морозовым многие дворяне, в том числе Иван Федорович Большой Шаховской⁵². Через десять дней, 8 апреля 1649 г., царь Алексей Михайлович снова уехал из Москвы, теперь – в село Покровское. В Москве за царя вновь остались боярин Иван Васильевич Морозов. Вместе с И. В. Морозовым в царском дворце среди дворян, которые «дневали и ночевали», записаны Иван Большой Шаховской и «Иван Меньшой Федоров сын Шеховской»⁵³. Это один из редких случаев, когда в одном источнике перечислены в один и тот же день в одном месте оба брата.

Дальнейших сведений об Иване Большом Федоровиче Шаховском не обнаружено. Д. Корсаков отмечал, что И. Ф. Шаховской имел поместный оклад 850 четей, денег 60 рублей. Трудно сказать, к какому времени относятся эти сведения. Ранее отмечалось, что к 1619 г. Иван Федорович имел денежный оклад 40 рублей, получал жалование из Устюжской чети. После этого он служил еще не менее 30 лет, за это время у него были новые придачи к денежному окладу. Об одной из его подмосковных вотчин упоминается еще в Осадном списке 1618 г. Эта вотчина находилась в Ярославском уезде в Верховском стане, она ранее принадлежала князьям Щепиным-Ростовским, а затем по купчей перешла к Ивану Федоровичу Шаховскому⁵⁴.

О семье И. Ф. Большого Шаховского сведений сохранилось мало. Известно, что у него было два сына, Петр и Юрий, но, по-видимому, эта ветвь рода Шаховских вскоре пресеклась. У его брата Ивана Меньшого потомки продолжали служить еще в XVIII в., отличились на военном и дипломатическом поприще, но и эта ветвь рода Шаховских также пресеклась. Некоторые князья Шаховские, живущие в настоящее время, ведут свою родословную от троюродных братьев Ивана

Федоровича Шаховского (Никиты Леонтьевича и Степана Матвеевича), а также от его четвероюродных братьев (Андрея Семеновича и Василия Федоровича).

Примечания

- ¹ См.: Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 150 (воевода в Нижнем Новгороде); С. 202 (воевода в Саратове); С. 597 (указатель).
- ² См.: Корсаков Д. Шаховской, князь Иван Федорович Большой // Русский биографический словарь А. А. Половцова : Чаадаев–Швитков. СПб., 1905. С. 580–581.
- ³ См.: Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 66.
- ⁴ См.: Корсаков Д. Шаховской, князь Иван Федорович Большой... С. 580.
- ⁵ См.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 : Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 399.
- ⁶ См.: Книга, а в ней писаны бояре, и окольные и думные люди с денежными оклады, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы из городов дворяне ... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук. Разрядный приказ. Московский стол (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 108. С. 138–147.
- ⁷ См.: Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 247, 297 ; Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – Книги разрядные) : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). Стб. 196, 407.
- ⁸ Разрядная книга. 1550–1636 / отв. ред. В. И. Буганов ; сост. Л. Ф. Кузьмина : в 2 т. М., 1975. Т. 2, вып. 2. С. 303.
- ⁹ См.: Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Кн. 1. М. ; Варшава, 1995. С. 93.
- ¹⁰ См.: Книги разрядные. Т. 1. Стб. 658.
- ¹¹ См.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 : Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 696–698.
- ¹² Книги разрядные. Т. 1. Стб. 873.
- ¹³ См.: Книги разрядные. Т. 1. Стб. 927–929, Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 524.
- ¹⁴ См.: Записная книга Московского стола (далее – Записная книга). 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 419–420.
- ¹⁵ Там же. С. 445.
- ¹⁶ Там же. С. 465; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1273–1274.
- ¹⁷ См.: Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1277, 1280 ; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 887–900.
- ¹⁸ См.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 953, 956, 962, 973.
- ¹⁹ См.: Царский наказ воеводам князю Сонцову-Засекину и Благово, направленным в Переяславль-Рязанский против Крымских татар. 1629, марта 29 // Акты, со-
бранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ) : в 4 т. СПб., 1836. Т. 3 (1613–1645), № 187. С. 271 ; Книги разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 104–105, 109 ; Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 49–50.
- ²⁰ См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 94 ; Книги разрядные. Т. 2. Стб. 214.
- ²¹ См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 300.
- ²² См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 336 ; Разрядная книга. 1550–1636 : в 2 т. Т. 2, вып. 2. С. 382.
- ²³ См.: Записная книга 7142 года // РИБ. Т. 9. С. 535.
- ²⁴ См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 349.
- ²⁵ Разрядная книга. 1550–1636. Т. 2, вып. 2. С. 385.
- ²⁶ Записная книга 7142 года // РИБ. Т. 9. С. 536.
- ²⁷ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 351.
- ²⁸ См.: Царский наказ князьям Одоевскому и Шаховскому, назначенным воеводами в Ржев. 1633, декабря 1 // ААЭ. СПб., 1836. Т. 3, № 236. С. 344 ; Книги разрядные. Т. 2. Стб. 568–578.
- ²⁹ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 351.
- ³⁰ См.: Царский наказ воеводам князьям Черкасскому и Пожарскому, отправленным в поход под Смоленск на смену боярина Шеина. 1633, декабря 30 // ААЭ. Т. 3, № 239. С. 355, 356.
- ³¹ См.: Царская грамота воеводам князьям Черкасскому и Пожарскому, с приказанием идти под Смоленск и с извещением об идущем к ним вспомогательном войске из разных городов. 1634, февраля 8 // ААЭ. Т. 3, № 244. С. 371–372.
- ³² См.: Записная книга 7142 года // РИБ. Т. 9. С. 566.
- ³³ Там же. С. 573.
- ³⁴ См.: Разрядная книга. 1550–1636. Т. 2, вып. 2. С. 396 ; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 385, 387, 388, 397, 403, 405.
- ³⁵ См.: Записная книга 7145 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 95.
- ³⁶ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 588.
- ³⁷ Разрядная книга 1637/1638 года / отв. ред. В. И. Буганов ; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина, А. П. Богданов. М., 1983. С. 117, 124; Разрядная книга 1637/1638 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / отв. ред. В. И. Буганов ; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина. М., 1974. С. 342.
- ³⁸ См.: Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. С. 66.
- ³⁹ См.: Гераклитов А. А. Материалы для истории Саратовского Поволжья : Столбцы Московского архива Министерства Юстиции // Труды СУАК. Саратов, 1912. Т. 29, № 7. С. 66–68.
- ⁴⁰ См.: Олгарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 520–530.
- ⁴¹ См.: Олгарий А. Указ. соч. С. 524.
- ⁴² Там же. С. 528.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 610, 616.
- ⁴⁵ Там же. Стб. 624–625.

- 46 См.: Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 177.
- 47 См.: Записная книга 7149 года // РИБ. Т. 10. СПб., 1886. С. 206.
- 48 См.: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 89, 172, 310; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 696, 708.
- 49 Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 739.
- 50 Записная книга 7155 года // РИБ. Т. 10. СПб., 1886. С. 312.
- 51 Там же. С. 344, 372.
- 52 См.: Записная книга 7157 года // РИБ. Т. 10. СПб., 1886. С. 450.
- 53 Там же. С. 453.
- 54 См.: Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Том VIII / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009. С. 199.

УДК 94(470.44).07

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ НА ВОЛГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ю. С. Гальперина

Саратовский государственный университет
E-mail: galperinajulia@mail.ru

В статье рассмотрены первые этапы становления немецких колоний на Волге во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Колонизационная политика правительства представляла собой целую систему продуманных мер и законов, которая пыталась охватить все стороны внутренней жизни колонистов. После тяжелых первых лет с момента водворения немецких колоний до середины XIX в. благодаря пристальному надзору за хозяйственным развитием региона удалось решить вопрос колонизации края.

Ключевые слова: экономика, немцы Поволжья, колонизация, колония, земледелие, ремесло, промыслы.

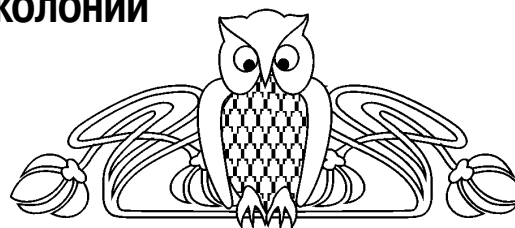
Economic Development of German Colonies on the Volga River in the Second Half of the 18th – the First Half of the 19th Centuries

J. S. Galperina

This article deals with the first stages of formation of German colonies on the Volga river in the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries. The colonization policy of the government consisted of the whole system of well-thought means and decrees that tended to spread on all sides of internal life of colonists. After the first hard years of emerging German colonies and up to the middle of the 19th century thanks to undivided supervision of economic development of the region it became possible to solve the problem of colonization of the region.

Key words: economic, German Volga region, colonization, colony, agriculture, handicraft, trades.

На рубеже 50–60-х гг. XVIII в. в правительственной среде встает вопрос о необходимости заселения территории по берегам Волги. В возникающих проектах того времени подчеркивалось экономическое значение Волжского пути¹, которое несколько меркло вследствие малой населенности края и опасности от шаек разбойников и степных кочевников. Путем колонизации района планировалось изменить данную ситуацию².

Начало массовой колонизации края положила Екатерина II подписанием Манифеста 4 декабря 1762 г. «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу»³. В этом документе отразились основные ее принципы руководства страной: «материнская забота о спокойствии в стране и увеличении численности населения»⁴. В 1763 г. были обнародованы два законодательных акта, которые стали фундаментом для проведения колонизационных мероприятий: указ «Об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов»⁵, которая отвечала за иностранную колонизацию, и манифест «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах»⁶. В этом манифесте подробно описывался процесс переселения иностранцев в страну и разъяснение дарованных им привилегий. Особо ценились свобода вероисповедания и освобождение от воинской и гражданской службы. Важное место занимали положения, регулирующие хозяйственную деятельность колонистов.

Прибывшим поселенцам предоставлялся льготный период на 30 лет «от всяких налогов и тягостей». Для заселения колонистами предназначались лишь места в луговой стороне Волги – Николаевском и Новоузенском уездах, между реками Караманом и Ерусланом, где Сенат в своем указе от 14 декабря 1762 г. насчитывал 70 тыс. десятин свободных земель⁷, места же в нагорной стороне выделялись по Указу от 19 марта 1764 г.⁸ Правительство гарантировало «всякое вспоможение и удовольствие» для ведения сельского хозяйства в особенности земледелия, развитию мануфактур, фабрик и заводов, «наипаче» неизвестных до той поры в нашей стране.

Манифест также обещал беспроцентную ссуду на десять лет на строительство домов, за-

купку продовольствия до первого урожая, скота, сельскохозяйственного инвентаря и инструментов для ремесленников. По истечении этого срока выплата должна была осуществляться в течение трех лет равными частями⁹. Поселенцам разрешалось организовывать по «собственному их благорассуждению торги и ярмарки» без сбора пошлин с продаж в государственную казну. Таким образом, цель проводимой политики правительством – занять оседло «пустующие» земли и окраины империи¹⁰.

До начала строительства колоний требовалось определить, по какому принципу будет наделение землей, и по каким планам будут создаваться поселения. Положения закона «О размежевании земель, отведенных для поселения иностранных колонистов»¹¹, были разработаны Канцелярией, переданы в Правительствующий сенат и утверждены императрицей 19 марта 1764 г., впоследствии этот закон получил название аграрного.

В положениях закона для поселения колонистов отводилась большая площадь по обе стороны реки Волги¹². В изъяснении подчеркивалась выгода расположения отведенной колонистам местности: при увеличении числа населения не будет никакой опасности, так как «почти со всех сторон будут ограждены старыми селениями»; если обстоятельства потребуют провести «новое учреждение», то положение места будет к этому способствовать, образованные селения, даже если при расположении в разных местах этой территории, могут вести между собой торговлю¹³.

Прибывших на Волгу колонистов предписывалось селить округами. Каждый округ в диаметре был не менее 60 и не более 70 верст, и в нем должны были жить до тысячи семейств. А сами округа создавались по религиозному принципу, чтобы избежать «всякую вражду и ненависть, случающиеся обыкновенно между разноверцами, от излишней ревности к вере»¹⁴.

На каждую семью было подсчитано отвести 30 десятин: из них 15 десятин на пашенную землю, 5 сенокосной, 5 на лесные угодья, остальные 5 на усадебную, гуменную и огородную земли. При этом учитывалось и неравенство семей, взрослые дети или «свойственники» могли заниматься рукоделием или промыслом, или, по крайней мере, «излишний работник мог отправиться работать в другую малолюдную семью за деньги»¹⁵. В действительности каждая семья получила приблизительно 36,2–36,3 десятины удобной для использования земли. Всего во владении у колонистов на начало 70-х гг. XVIII в. находилось 368 084 десятины¹⁶.

В основном колонисты прибывали из тогдашней Римско-Немецкой империи под гегемонией Габсбургов¹⁷. Вербовкой населения, в первую очередь крестьян, занимались правительственные агенты и частные предприниматели, так называемые вызыватели. Большая часть колонистов, вызванных

с 1763–1766 гг. и выехавших в Россию после прекращения вызова (1767–1773 гг.), была направлена правительством для водворения в Поволжье. Между 1764–1768 гг. здесь было основано 63 вызывательских и 41 коронная колония¹⁸. 28 апреля 1766 г. в качестве исполнительного органа Канцелярии Опекунства иностранных была создана Контора опекунов иностранных в Саратове¹⁹.

Весь путь колонистов из Германии до Саратова сопровождался бедствиями, болезнями, эпидемиями и массовыми смертными исходами: из Германии на Волгу вышло 27 000 душ, к 1 января 1769 г. после водворения в колониях оказалось 23 246 душ, даже если, учитывая, что часть колонистов уходила в города и дезертировала, смертность была весьма значительной²⁰. По подсчетам И. Р. Плеве, в дороге умерло почти 12,5 % от общей численности выехавших переселенцев²¹.

Первые годы после переселения были действительно тяжелым испытанием для колонистов. Уже только отсутствие более или менее устроенных жилищ должно было отрицательно сказаться на состоянии здоровья населения. По прошествии четырех лет после приезда первой партии колонистов, в 1769 г., было построено для 6 433 семей только 4 560 домов, а в 1773 г. на 6 175 семей приходилось 5 963 домов²². Проблемы с жильем в первую очередь касались вызывательских колоний. От колонистов выступали многочисленные жалобы на произвол вызывателей.

Положение коронных колоний было лучше, и они быстрее начинали налаживать свою хозяйственную жизнь, о чем свидетельствуют размеры государственных субсидий, которые выделялись на закупку продовольствия для поселенцев. С 1768 по 1773 г. для казенных колонистов питание было закуплено 20 455 четвертей ржи, в то время как для вызывательских – 66 146 четвертей, т.е. в 3 раза больше²³.

Второе бедствие, от чего страдали новые переселившиеся жители из Средней Европы, – адаптация к своеобразному и непривычному резко континентальному климату Нижнего Поволжья²⁴. В своих неизданных мемуарах житель колонии Олешня²⁵ Пат так описывал свое прибытие на поселение: «колонисты собрались вместе на общую молитву и благодарят Бога за то благополучное прибытие. Тяжелое чувство овладело молившимся: иной оставил на родине своих родителей, у другого смерть отняла дорогую жену и детей, а многие явились сюда сиротами – без отца и матери. К тому же у нас не было и кровли, под которой мы могли бы укрыться, а вскоре по прибытии прошел сильный дождь, насквозь промочивший нашу одежду и покрывала. Это заставило нас немедленно заняться возведением землянок. Так как первая зима была очень суровая и выпало много снега, то нетрудно себе представить, с какой тоской каждый вспоминал свою милую родину, так как в первую же зиму два наших собрата, ездившие в Поповку за провизией замерзли, и лишь весною

по расстоянию снега были найдены их мертвые тела; только по проведению Божьему не замерзло больше народа. С ужасом вспоминаю, как многие колонисты в одном сюртуке или кафтане, если таковой имелся, ездили в Саратов за казенной мукой для пропитания себя и своих детей...»²⁶

Другой колонист из Николаевского уезда описывает ужас зимы: «... наступила зима. Вся дневная работа колонистов состояла в доставке дров для отопления своих землянок. Ударил страшный мороз. Все были бедные, голы, без обуви, на теле лишь привезенные с собою легкие одеяния: холщевый китель и куртка, которые совершенно не гармонировали со здешними морозами. Все с тоской вспоминали родину... К тому же поступила и новая беда: во многих местах вышла провизия, и многим казалось, что придется умирать с голоду. Вообще же в жизненных припасах чувствовался большой недостаток: полученная от конторы опекунства мука была ржаная и часто заплесневелой, горькой и едва годилась в пищу. Страшно было даже у бедных пришельцев в дикой и далекой степи, отрезанных от мира, голодные и голые ничего – ни в них, ни на них... Наконец настала весна, снег начал таять и едва не замерзшие и еле живые колонисты должны были вылезти из своих зимних нор, так, как весенняя вода стала заливать их землянки...»²⁷

До 1775 г. колонии страдали почти от всеобщего неурожая²⁸, часто возникновения падежа скота, отсутствия хорошей питьевой воды (в южной части Правобережья Волги, Камышинский уезд)²⁹. Колонист Штальбаум из Боаро³⁰ с горечью вспоминал этот период: «... с 1769 по 1775 гг. были такие неурожай, что даже не собирались семена. Правда, семена снова выдавались ежегодно, но всегда слишком поздно... Казна смиловилась над нами и, чтобы многие не умерли с голоду, выдавала ежемесячно каждому взрослому по 2 меры, а детям по 1 мере ржаной муки вплоть до 1775 года. Мука эта, однако, была слежная, совершенно зеленая и заплесневелая, так что ее приходилось разбивать топором или молотком; такую муку теперь и скотина есть не будет, но и ее не давали вдоволь...»³¹

Однако такая ситуация царилась не везде, несмотря на засуху 1769 г., на огородах колонии Сосновки (основана на 3 года ранее выше указанных колоний)³², по описанию И. И. Лепехина, можно было найти: петрушку, пастернак, разных родов капусту и прочее. Удивление доктора наук вызвало наличие земляных яблок (картофеля), таким образом, подтверждалось, что «эта культура может прорасти на наших землях». Колонисты «не худые пахари, знают, сколько и какого удобрения требует пашня к урожаю разных растений»³³.

Постепенное улучшение жизни наступает после 1772 г., когда был произведен разбор колонистов на способных и неспособных к хлебопашеству, поскольку состав прибывших поселенцев был весьма неоднороден: 60 % являлось хлебо-

пашцами, а остальные 40 % представляли более 150 различных профессий³⁴. Такая перемена образа жизни побудила их прилагать большие старания к землепашеству и «произведению разных произрастений: хлеба и картофеля», ведь всякая ссуда из казны кончилась с 1773 г.³⁵

Экономическое положение вновь ухудшилось после разорения со стороны отрядов повстанческой армии Пугачева и набегов местных кочевников – киргизов (казахов) 1774 г.³⁶, при которых людей уводили в плен с их имуществом и скотом. Ухудшение экономического положения колоний незамедлительно сказалось на численности населения. П. Г. Любомиров указал с 1769 г. по 1791 г. только 8 поселений с неизменившимся количеством семейств³⁷.

В 1775 г. Императрица Екатерина II велела трудолюбивым колонистам объявить «монаршее благоволение», а нерадивым и беспорядочным в образе жизни предоставить право по уплате долгов выехать из России или вступить в военную службу. Тем, у кого земля оказалась неудобной, дозволено было переселиться на земли плодородные, и в этом случае прощено им казенного долга около 1 025 479 рублей³⁸.

В 1797 г. ввиду крайнего упадка колоний и всеобщих жалоб поселенцев на злоупотребления и стеснения, правительство признало необходимость приступить к устройству «внутренней их юрисдикции». С этого времени управление колониями дано устройство, соответствующее условиям каждой отдельной местности³⁹. Согласно инструкции, «контора отвечает за все, к колониям относящееся, и для того исправный сбор в свое время надлежащих в казну платежей»⁴⁰. В 1800 г. правительство подготовило еще одну инструкцию «О внутреннем распорядке и управлении в поволжских колониях», которая регламентировала все стороны жизни колонистов⁴¹.

Основным занятием у колонистов было земледелие, имевшее зерновую направленность, при этом должен был применяться трехпольный севооборот, который как раз и вводила инструкция 1800 г. Однако это не везде соблюдалось. Как отмечал пастор Иоган Эрбес, описывавший налогообложение и землеустройство в колониях Тарлыцкого округа (Бангерт, Иост, Куккус и Поповкино) в 1809 г., «неоконченное по ныне межевания колонистских земель затрудняет правильное устройство хозяйства. Не достает у них разведения оной по правилам на пашни, покосы, выгон и леса. Пашни не расчленены на ново озимые, яровые и паровые, от того достаточные хозяева отводят для посева дикие плодородные по чернозему места в степях, которые располагаются на немалое расстояние от своих жилищ. Слабые хозяйства по недостатку людей, лошадей и сбури не могут с ними равняться, они без всякого разбора сеят на старинных опекунского межевания землях, по их выбору яровой, озимый хлеб и табак»⁴².

Вместе с тем, у некоторых поселений хлебопашество уже в начале XIX столетия полностью ориентировалось на рынок. Так, урожай 1803 г. зерновой пшеницы 53 403 четверти был отправлен на 64 судах из Екатеринштадта и Панинской на сумму 193 874 руб., татарского табаку 15 тыс. пудов на сумму 10 100 руб. Пшеница пошла в верховье Волги до Рыбинска, а табак – в Астрахань, кроме того, мелочь продавалась в колониях. На горной стороне колонисты развозили пшеничную и ржаную муку, овес, ячмень, просо, горох на 200 тыс. руб. Таким образом, в колониях денежного оборота набралось свыше 400 тыс. руб. В казну с них поступило 31 тыс. руб., повинностей почтовых и колодничьих уплачено до 18 тыс. руб. В самих колониях осталось до 350 тыс. руб.⁴³

Урожайность хлебов у немецких колонистов была несколько выше, чем у соседних крестьян. Так, с 1842 г. по 1850 г. у колонистов средняя урожайность составляла по озимым культурам «сам 4,3» и по яровым – «сам 4,1». Тогда как у государственных крестьян губернии – соответственно «сам 4,0» и «сам 3,1». Повышения урожайности в первой половине XIX в. не наблюдалось современниками. Поэтому они считали благоприятными годами, когда урожай собирался «сам 5» и более⁴⁴.

Из отчета о колониях за 1807 г. следует, что земледельческие орудия у колонистов были по тем временам хорошими: средний бранденбургский плуг и бороны с железными и дубовыми зубьями соответствовали своему назначению и способствовали скорости, с которою здесь в весеннее время необходимо было проводить приготовления земли, чтобы не пропустить нужного в посеве времени⁴⁵.

Большое значение в сельском хозяйстве колонистов занимала культура табака. Посевы табака были основаны голландскими семействами, поселившимися в этих колониях в начале их водворения. Из статистических сведений об иностранных поселениях следовало, что в саратовских колониях с 1817 г. до 1827 г. табаку было получено 1113, 331 пудов – 39 ½ фунтов, а в следующее десятилетие 162, 400 пудов – 31 ½ фунтов. В среднем в год табака выращивалось по 162,820 пудов и 15 2/3 фунтов. В 1835 и 1836 гг. продано его в год на 315, 791 руб. 25 коп.⁴⁶

Насаждение табака быстро распространялось, особенно в колониях луговой стороны, т. е. в Екатериненштадтском и Панинском округах. Некоторые колонисты вначале производили его 200–300 пудов и получали до 1 500 руб. и более дохода, поскольку цена была по 5–6 руб. за пуд. Но уже через два года цена упала до 60 коп., причиной этого стало большое число насаждений простого табака русскими и малороссийскими крестьянами. Табак сильно истощал землю, на которой он произрастал, поэтому требовалась частая перемена места. Чтобы выйти из положения, колонистам приходилось унаваживать землю и, не заботясь

о качестве табака, они стремились только произвести его в большем количестве. Упадок цены не пугал их, так как они уже к этому привыкли⁴⁷.

Саратовская Контора опекунства иностранных внушала колонистам пользу разведения «искусственных лугов» и неизвестных ранее культур. Так в 1807 г. было куплено 10 пудов дятковины красной, 1 пуд 20 фунтов люцерны, 20 фунтов эспарцета, 20 фунтов свекловицы и 3 фунтов цикория. Эти семена были розданы по колониям с наставлением, как их сеять. Люцерну предписывалось засеивать по 2 десятины для содержания испанских овец, которых препроводили сюда из Новороссийских колоний⁴⁸. Во многих колониях на горной стороне (Норке, Ключах, Лесном Карамыше и Побочной) и луговой стороне (Тяляuze, Нидермонжу, Боскатовке, Красном Яру и Березовке) были посеяны кормовые травы. Однако на следующий год колонисты забыли разрыхлить мягкой бороной землю, так что дикая трава поела посеянное и червь поел дятковину и люцерну⁴⁹. В итоге в колониях сохранился один цикорий, а свекловицу перемешали колонисты с простою свеклою, а бобов совсем не сохранили⁵⁰.

Огородничеством колонисты занимались исключительно для внутреннего потребления. В частности, весьма много разводили картофеля, употребляя его только в пищу и на корм скотине. Разведение в большом количестве свекловицы к 1830-м гг. начали колонисты Сосновского округа, которая поступала на специально учрежденный в колонии Севастьяновке завод графа Бобринского. Доход от этой культуры по семи колониям округа составлял 25 тыс. руб.⁵¹

По статистическим данным пастора Эрбеса, колонисты занимались: скотоводством, однако против прежних лет имели небольшую прибыль; пчеловодство из-за неудобства расположения и от дальности лугов было весьма неважным, от 757 ульев получено было только 89 пудов меда. Успешнее шло виноградарство, на луговой стороне колонисты посадили по 10 и более лоз, на нагорной стороне в колонии Верхней Кулалинке и Севастьяновке в 1806 г. продано до 40 пудов винограду в кистях и число лоз каждый год приумножалось, оно выросло до 3 тыс. Однако виноградные кисти не совсем созревали, поэтому виноградное вино не производилось. Рыбной ловлей колонисты занимались только в Буераковом Буераке, остальные поселения отдавали эти промыслы или своим же колонистам, или же посторонним промышленникам на откуп⁵².

В гораздо меньшей степени, чем земледелием, колонисты занимались ремеслами и промыслами. На 1837 г. ремеслами и промыслами занималось 2521 человек, в том числе мастеров было 633, рабочих – 1888 человек. Для подавляющего большинства занятия ремеслами и промыслами являлись дополнительным заработком. Только 324 человека занимались исключительно ремеслами⁵³.

Из мастеров, как по числу, так и по значительности доходов, первое место занимали ткачи, производившие выделку тканей из хлопчатой бумаги. Так, в Сосновском округе в 1836 г. находилось 777 станков, на которых выделано было хлопчатобумажных изделий 477 350 аршин и продано за 437 57 руб. Станков для выделки суровых сукон находилось 510. На них выделано в 1836 г. сукна – 151 057 аршин. Станков для выделки полотен – 817. В течение всего года выткано на них 249 463 аршина, на сумму – 49 862 руб. 60 коп.⁵⁴ К началу XIX в. центром ткацкой промышленности в крае оставалась Сарепта, это был ее период наивысшего расцвета⁵⁵. Сукно и полотно потреблялось исключительно самими колонистами.

С 1803 г. в колониях было возобновлено шелководство. При этом до 1806 г. тутовых деревьев разведено 20 914, а в 1806 г. еще посажено 16 793 дерева. Тогда же был сделан первый опыт производства шелка в колониях Шафгаузен и Норке. Полученные колоны здесь отослали для смотки в Астрахань⁵⁶.

Из других отраслей промышленного производства в саратовских колониях имелась также выделка кож, которых в 1836 г. было продано на 39 885 руб., изготовление кирпичей. На действовавших 10 заводах выделка кирпичей была незначительной, они работали периодически, чтобы произвести кирпичи для постройки церквей и изредка домов. В колониях имелось 311 ветряных мельниц, от одного до трех поставов, сукновален – 8, маслобоен – 96⁵⁷.

На протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. Саратовское Поволжье относилось к числу наиболее интенсивно заселяемых районов страны⁵⁸. Важнейшим итогом массовой колонизации стало быстрое экономическое развитие края⁵⁹. Как отмечал А. Леопольдов, русское правительство заботилось о здешних переселенцах и довело их до желаемого благосостояния. К середине XIX в. насчитывалось более 12 тыс. семейств и около 135 947 душ обоего пола. У них процветало: хлебопашество, разведение табака, огородничество, садоводство, скотоводство, ремесла и торговля⁶⁰.

Примечания

- ¹ Волжский водный путь в XVIII в. получил значение поставщика для внутренних областей России самого необходимого населению продукта – соли, добываемой в Эльтонском озере.
- ² См.: Писаревский Г. Г. Нижнее Поволжье в третьей четверти XVIII в. // Известия Азербайджанского гос. ун-та. Общественные науки. Т. 14. Баку, 1929. С. 5–6.
- ³ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. 16, № 11720. С. 126–127.
- ⁴ Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2000. С. 57.
- ⁵ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 16, № 11879. С. 212–213. В 1782 г. Канцелярия опекуна и ее Контора в

Саратове были упразднены, колонисты отошли в ведение бывших «директоров домоводства». Под этим управлением они оставались до 1797 г, когда при правительствующем сенате была учреждена особая «Экспедиция государственного хозяйства, опекуна иностранных и сельского домоводства» в этом же году воссоздается Саратовская контора опекуна иностранных. С учреждением министерств эта экспедиция вошла в состав министерства внутренних дел и оставалась при нем до (1837 г.) учреждения министерства государственных имуществ. (См.: Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. С. 16.)

- ⁶ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 16, № 11880. С. 313–315.
- ⁷ Там же. № 11720. С. 127.
- ⁸ См.: Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. С. 41.
- ⁹ См.: Плева И. Р. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁰ См.: Клаус А. А. Указ. соч. С. VI.
- ¹¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 16, № 12095. С. 648–655.
- ¹² От острова Чардымского, выше Саратова по Волге, до города Царицына; далее на запад до впадения реки Безымянной в Дон, по Дону до рек Медведица и Хопер; от Хопра вверх по течению Дона до реки Витюк и вверх по течению этой реки до ее истоков (по территории современной Воронежской области), затем от ее истоков до станицы Новохоперской, а оттуда вверх по Хопру до села Знаменского (южная часть современной Пензенской области) и затем к Волге до острова Гордынского, а далее по Волге до острова Чардымского. (См.: Плева И. Р. Указ. соч. С. 118–119).
- ¹³ См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 16, № 12095. С. 650.
- ¹⁴ Герман А. А., Плева И. Р. Немцы Поволжья : краткий исторический очерк. Саратов, 2002. С. 9.
- ¹⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 16, № 12095. С. 651.
- ¹⁶ См.: Герман А. А., Плева И. Р. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁷ См.: Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁸ См.: Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909. С. 182; Всего же с 1763 по 1766 г., по сведениям Я. Е. Дитца, перевезено 6 542 семьи коронных и вызывательских колонистов, составлявших около 22 800 душ. (См.: Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 55).
- ¹⁹ См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 16, № 12630. С. 669.
- ²⁰ См.: Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 61.
- ²¹ См.: Плева И. Р. Указ. соч. С. 114.
- ²² См.: Ljubomiro P. G. Die wirtschaftliche Lage der deutschen Kolonien des Saratower u. Wolsker Bezirks im Jahre 1791. Pskrowsk, 1925. S. 10–11.
- ²³ См.: Плева И. Р. Указ. соч. С. 150–151.
- ²⁴ См.: Ljubomiro P. G. Op. cit. S. 10–11.
- ²⁵ Колония Олешня (Диттель) основана в 1767 г. вызвателем Дебофем, это лютеранское село до 1917 г. относилось к Норкскому колонистскому округу.
- ²⁶ Государственный исторический архив немцев Поволжья (ГИАНП). Ф. 1831. Оп. 1. Д. 229. Л. 6.
- ²⁷ Там же. Л. 6 об.
- ²⁸ См.: Ljubomiro P. G. Op. cit. S. 10.

- ²⁹ *Ljubomirow P. G.* Op. cit. S. 11.
- ³⁰ Колония Боаро Екатериненштадского округа Николаевского уезда основана в 1767 г. вызвателем бароном Борегардом.
- ³¹ ГИАНП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 229. Л. 7.
- ³² Колония Сосновка (Шилинг) Сосновского округа Камышинского уезда – материнская колония, основанная в 1764 г.
- ³³ *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия доктора академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. I. С. 382.
- ³⁴ См.: *Плеве И. Р.* Указ. соч. С. 105.
- ³⁵ См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии (1807). Волгоград, 2011. С. 113.
- ³⁶ См.: *Ljubomirow P. G.* Op. cit. S. 11.
- ³⁷ На луговой стороне : Крутоярровка (42 семьи), Липовка (50), Тонкошуровка (88), Липовкут (48), Осиновка (30), Раскаты (46) и Суслы (32). На горной стороне : Побочное (25). См.: *Ljubomirow P. G.* Op. cit. S. 29.
- ³⁸ См.: *Леопольдов А.* Исторический очерки Саратовского края. М., 1848. С. 90.
- ³⁹ См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 24, № 18021. С. 641.
- ⁴⁰ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 180. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.
- ⁴¹ См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVI. С. 299–313.
- ⁴² См.: ГИАНП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 287. Л. 14–14 об.
- ⁴³ См.: Топографическое и историческое описание... С. 123.
- ⁴⁴ См.: *Булычев М. В.* Экономика немецких колоний Саратовского края в первой половине XIX в. // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Анапа, 1994. С. 167.
- ⁴⁵ См.: ГИАНП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 287. Л. 18.
- ⁴⁶ Там же. Д. 4. Л. 11.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. Л. 11 об. К тому же люцерна дает самый лучший урожай из всех прочих, т.к. здесь почва по большей части иловатая в степных местах.
- ⁴⁹ Там же. Д. 287. Л. 11.
- ⁵⁰ Там же. Из Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества доставлялись «необыкновенные» растения: китайское суходольное пшено; китайское конопленое семя; китайская масляная редька, присланная от Садско-Сельского садовника Г. Бута; земельный миндаль от него же; крап, марена от инспектора над шелководством Репирнова; вейды для синей краски – от него же; лиственницы, ели и сосны, присланные из Экспедиции Государственного Хозяйства.
- ⁵¹ См.: ГИАНП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
- ⁵² Там же. Д. 287. Л. 15 об. – 16.
- ⁵³ См.: *Булычев М. В.* Экономика немецких колоний... С. 170.
- ⁵⁴ См.: ГИАНП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.
- ⁵⁵ См.: *Булычев М. В.* Экономика немецких колоний... С. 170.
- ⁵⁶ ГИАНП. Д. 287. Л. 16 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 17.
- ⁵⁸ См.: *Булычев М. В.* Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 13–28.
- ⁵⁹ См.: *Писаревский Г. Г.* Нижнее Поволжье в третьей четверти XVIII в. С. 5–6.
- ⁶⁰ См.: *Леопольдов А.* Указ. соч. С. 91.

УДК 908[286.12+314]

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЛААССА ЭППА ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ МЕННОНИТОВ В ПОВОЛЖЬЕ (1850–1854 гг.)

Н. О. Евсеев

Саратовский государственный университет
E-mail: decolored@mail.ru

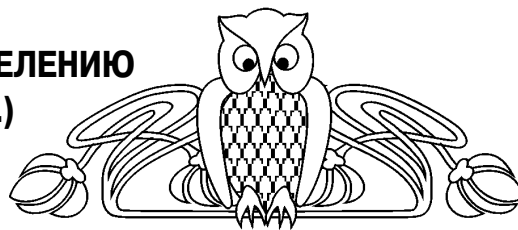
В статье рассматривается история переселения меннонитов в Поволжье через призму деятельности лидера прусских меннонитов Клаасса Эппа. Работа основывается на архивных документах, а также на источниках личного происхождения – дневниках, мемуарах, письмах и т. д.

Ключевые слова: Поволжье, меннониты, немцы-колонисты, миграция, хилиазм, Клаасс Эпп (1803–1865), И. Х. Юнг-Штилинг (1740–1817).

Claass Epp's Mennonite Migration Activities in Saratov Wolga Region (1850–1854)

Н. О. Evseev

The article deals with the history of Mennonite migration in Saratov Wolga Region through the prism of Claass Epp's activities. The article bases on archival documents and historical sources of personal origin – diaries, letters, memoirs and etc.

Key words: Saratov Wolga Region, mennonites, Volga German colonists, chiliasm, Claass Epp (1803–1865), J. H. Jung-Stilling (1740–1817).

Переселение меннонитов в 1850-х гг. XIX в. в Поволжье является неотъемлемой частью всей немецкой колонизации южных и восточных рубежей России. Приглашая представителей этого протестантского движения в пределы империи, царское правительство рассчитывало на быстрое развитие ранее пустующих территорий.

Советский исследователь А. И. Клибанов выделяет два этапа переселения меннонитов в Россию¹. На первом этапе (1789–1803 гг.) меннониты заселили территории Новороссии, где основали 18 колоний², вошедших затем в Хортицкий меннонитский округ. Это переселение характери-

зуется водворением в России малосостоятельных меннонитских семейств. Их проживание в пределах империи лишь отягощало казну и не решало поставленных перед ними задач. Второй этап, охвативший период с 1803 по 1835 г., проходил в совершенно иных условиях. Он характеризовался предоставлением меннонитам исключительных политических, религиозных, экономических прав и привилегий. Право на самоуправление (хотя и противоречащее их религиозной традиции), свобода вероисповедания, освобождение от военной службы и наделение землей в достаточном количестве привели к подъёму экономики меннонитских колоний в 1820-х гг.

Добившись с помощью меннонитов успеха в колонизации Новороссии, российское правительство решает применить тот же опыт в Поволжье, пригласив туда новую группу переселенцев из Пруссии. Таким образом, можно выделить третий этап (1853–1871 гг.) переселения меннонитов в Россию. При его подготовке решающую роль сыграл лидер прусских меннонитов Клаасс Эпп (1801–1865). История его жизни известна только по отрывочным данным³. В конце 40-х гг. XIX в. Эпп стал деревенским старостой («Dorfschulz») деревни Фюрстенвердер⁴.

В середине мая 1850 г. Клаасс Эпп прибыл в Варнау⁵, где состоялось собрание священников и представителей меннонитских общин Пруссии, для обсуждения вопроса о переселении, который в конце 40-х гг. приобрёл особую актуальность. В начале 1847 г. в Берлине началось обсуждение закона об отмене для меннонитов прежних привилегий и распространении на них воинской повинности. При обсуждении в рейхстаге высказывались опасения, что с лишением привилегий меннониты уедут из Пруссии, но «один из влиятельнейших деятелей парламента» сказал: «Пусть уезжают, если хотят, они давно уже дали государству всё, что могли дать, и получили от него в десять раз больше, чем должны были получить»⁶. Несмотря на спорный характер закона, 4 ноября 1847 г. рейхстаг проголосовал за его принятие.

Новый удар нанесла революция 1848 г. Франкфуртский парламент провозгласил, что «религиозное исповедание не должно препятствовать исполнению гражданских обязанностей»⁷. Эти решения вошли в Конституционную хартию Пруссии 1850 г. Кроме того, статья 34 обозначила новый принцип в формировании армии: «Все пруссаки должны отбывать воинскую повинность»⁸. По словам Франца Бартча, это «короткое предложение прошло как электрический разряд через нашу беззащитную общину»⁹. Закон от 4 ноября 1847 г. и Конституция 1850 г. стали катализаторами для появления среди меннонитов разногласий. Некоторые представители братства активно призывали к снятию догмата о греховности несения военной службы и оружия, требовали исполнять предписания прусских властей. Другая же часть меннонитов, которую поддерживали

духовные лидеры, осталась преданной своим убеждениям и снова начала искать возможность переселиться в Россию¹⁰.

На общем собрании всех меннонитских общин Пруссии в Варнау Клаасс Эпп и церковный учитель из Ладекоппа Иоганн Валль (1793–1860)¹¹ стали представителями («депутатами») прусских меннонитов. Они немедленно отправлялись в Россию, в Молочанский меннонитский округ, чтобы с помощью своих братьев предпринять все надлежащие шаги по переселению. Там они встретились со статским советником П. И. Кеппеном, чиновником Министерства государственных имуществ (МГИ), который обещал поверенным меннонитов ходатайствовать о переселении перед министром государственных имуществ П. Д. Киселёвым.

Летом 1851 г. Клаасс Эпп и Иоганн Валль вернулись на родину, где получили от П. И. Кеппена известие о том, что ста семьям меннонитов разрешено переселиться в Россию. Русское правительство потребовало от них направить своих поверенных в Санкт-Петербург для детального обсуждения условий предстоящего переселения. В октябре 1851 г. Клаасс Эпп и Иоганн Клаассен в качестве поверенных отправились в столицу российской империи¹². Они прибыли в Санкт-Петербург 12 ноября 1851 г., уже 15 ноября 1851 г. подали прошение, в котором просили конкретнее обозначить остальные условия водворения.

В первую очередь Клаасс Эпп и Иоганн Клаассен добились решения вопроса о военной службе. Хотя меннониты просили о полной отмене военной службы, российское правительство не предоставило этих льгот. Новые поселенцы освобождались от службы в армии лишь на 20 лет с последующей уплатой 300 рублей серебром за человека. Тем не менее, поверенные меннонитов признали это условие «всемиловитейшей наградой» («allernädigste Verleihung»), поскольку могли вносить свой вклад в страну, которая «предоставила нам защиту и убежище» («uns Schutz und Obdach gewährt»)¹³. Кроме того, они просили определить количество и качество земли на семейство, которую переселенцы получают «для возделывания». Для того чтобы самим определить состояние земли, поверенные хотели осмотреть эти угодья до переселения. Кроме того, Эпп и Клаассен «покорно просят» даровать им управление этими колониями «таким же организованным, как у Молочанских колонистов»¹⁴.

Быстро ответа на прошение не последовало. Просьбы прусских меннонитов тщательно обсуждались в МГИ, прежде чем представить их императору. В первую очередь необходимо отметить, что российское правительство видело выгоду в новом меннонитском водворении. Успешный опыт колонизации юга империи можно было перенести в другие активно заселяющиеся территории России. Таким регионом было Заволжье. В 1835 г. здесь были образованы Николаевский и Ново-

узенский уезды Саратовской губернии, вошедшие с 1850 г. в состав новообразованной Самарской губернии. На новые земли непрерывным потоком направлялись переселенцы из разных губерний России, преимущественно государственные крестьяне. Кроме них водворялись и немецкие колонисты, которые в марте 1840 г. получили дополнительные земли в размере 15 десятин на мужскую душу и право основания новых («дочерних») колоний¹⁵.

Признавая Заволжье территорией, «где более чем где-либо необходимо усиленными мерами и в особенности присмотром дать лучшее направление хлебопашеству и сельскому хозяйству вообще»¹⁶, Министерство государственных имуществ предложило именно туда водворить новых переселенцев. Кроме развития земледелия, имелись и другие положительные выгоды. Меннониты, находясь среди немецких колонистов, «благожелательно» могли влиять на них. В свою очередь колонисты, «заимствуя от них улучшения», передавали бы их другим поселениям. К тому же, для управления новые меннонитские колонии можно было подчинить Саратовской Конторе иностранных поселенцев¹⁷.

Как и на юге империи, основной целью для российского правительства было создание из меннонитов социального слоя «природно-верноподанных»¹⁸, на который царская власть могла опереться в любой момент. Это прекрасно понимали и сами переселенцы. По мнению Мартина Клаассена, «меннониты ... находятся в России не ради своих целей, а для того, чтобы полностью находится в руках правительства для выполнения его целей»¹⁹. Если они перестанут исполнять своё назначение – служить идеальной моделью ведения хозяйства, то правительство может в любой момент отобрать данные привилегии. Стоит обратить внимание на то, что Клаассен прекрасно понимает замысел правительства императора Николая I – переселять меннонитов «маленькими партиями, чтобы они, как дрожжи, распространились на всей территории и смешались с местным населением»²⁰.

Итогом работы Министерства государственных имуществ стал доклад П. Д. Киселёва, который он представил императору 19 ноября 1851 г. После его обсуждения Николай I даровал «высочайшее соизволение» о переселении в Российскую империю 100 семейств меннонитов, а также утвердил условия их водворения²¹.

Согласно императорскому указу меннониты обязывались получить от прусского правительства «увольнительный консенс» и предъявить его в российском посольстве в Берлине, взамен которого выдавался паспорт. Переселенцы давали письменную расписку в том, что будут «служить образцами для занятий земледелием»²². Каждое семейство «в обеспечение своего водворения» вносило не менее 350 прусских талеров, которые возвращались по прибытии в Россию с вычетом

путевых расходов. Меннониты могли беспроцентно везти товары на сумму до 100 рублей серебром на семейство. Остальные вещи – одежда, платья, сельскохозяйственные орудия и т. д. – ввозились бесплатно. Для «первого приступа к переселению» необходимо было сформировать первую партию в размере не менее 12 семейств²³.

Выбранный участок из казённых земель Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии должен быть утверждён министром государственных имуществ, но только после осмотра уполномоченными от меннонитов. При назначении угодий учитывалась возможность водворения на выбранном месте всех ста семей с образованием как можно большего числа колоний. Каждое семейство получало по 65 десятин земли и десять льготных лет от уплаты податей, после которых меннониты облагались оброком в 4½ копейки с десятины²⁴. Переселенцам и их потомству предоставлялась полная свобода от личного вступления на военную службу, но лишь на срок в 20 лет, с последующей уплатой постоянного сбора («рекрутского»), который «будет исчисляем сообразно постановляемой Правительством ценности рекрута, которая ныне определена в триста рублей серебром»²⁵. Императорский указ признавал за будущими поселенцами все привилегии, которыми обладали их собратья на юге России, кроме права винокурения и продажи «питий»²⁶.

25 ноября 1851 г. П. И. Кеппен, прибыв на квартиру, где жили поверенные от меннонитов, провозгласил им радостную весть о том, что император Николай освободил их от несения службы. «Великие слова – свобода от воинской повинности – произнесены. Мы ждём момента, когда нам передадут августейшее решение, а с ним – нашу будущую родину и жизнь»²⁷, – написал Клаасс Эпп своей жене Маргарите. 29 ноября Клаассу Эпп и Исааку Клаассену зачитали условия водворения, которые они подписали «полностью с ними согласные и довольные»²⁸.

После объявления указа императора в Сенате, в июле 1852 г., российское правительство начало подготовку к водворению меннонитов. Директор первого департамента Е. Ф. Ган 31 июля 1852 г. известил управляющего Саратовской конторы иностранных поселенцев А. А. фон Фрезе (1769–1860) о высочайшем императорском соизволении и копию условий, подписанных Клаассом Эппом и Исааком Клаассеном. Управляющему фон Фрезе было приказано «иметь о них особое попечение» и оказывать содействие «как на выбор участка, так и во всём, что может обеспечить их водворение»²⁹.

К августу 1852 г. главы 22-х семейств получили паспорта для проезда в Россию, внося необходимую сумму в размере 6717 рублей 45 копеек³⁰. В октябре они прибыли в Молочаевский меннонитский округ, где намеревались провести зиму. Осмотр земель под поселение был отложен на весну 1853 г.³¹ В январе 1853 г. Саратовская контора известила новых переселенцев, что уже в апреле

1853 г. они могут приехать в Саратов для выбора земельных угодий. Управляющий Конторой просит проинформировать его о том, кто именно из числа меннонитов прибудет в Саратов и когда, «чтобы дать распоряжения по этому поводу»³². В качестве своих представителей переселенцы снова выбрали Клаасса Эпп и своего религиозного лидера Иоганна Валля. В Гальбштаде 4 апреля 1853 г. меннониты составили доверенность, в которой наделили своих «депутатов» всеми необходимыми полномочиями: «Церковный учитель Иоганн Валль и почтенный Клаасс Эпп» должны выбрать на поселение участок земли и «сделать все нужные распоряжения». Все подписавшие эту бумагу позволяли своим доверенным лицам действовать и подавать прошения в «судебное место» от их имени³³. В начале марта 1853 г. Филипп Вибе³⁴ извещил Контору, что «депутаты Клаасс Эпп и Иоганн Валль намереваются после 25 апреля прибыть для осмотра земель»³⁵.

После составления доверенности Клаасс Эпп и Иоганн Валль обозначили окончательную дату своего прибытия в Саратов – 15 мая 1853 г.³⁶ Однако по каким-то причинам Клаасс Эпп и Иоганн Валль не сдержали своих обещаний. Согласно дневнику Давида Гамма, только 13 мая 1853 г. Клаасс Эпп выехал из Юшанлы³⁷ и через Бердянск, Мариуполь и Сарепту прибыл в Саратов 19 мая 1853 г. В дороге к нему присоединились Иоганн Валль, Филипп Вибе и Корнелиус Пеннер³⁸.

В качестве земельных угодий Самарская Палата государственных имуществ предложила участки в Самарском уезде, на реке Моховой и по верховьям реки Еруслан в Новоузенском уезде и «башкирские земли» Николаевского уезда³⁹. Однако поверенные не были удовлетворены качеством угодий. Хотя среди солончаков и находились немалые пространства земли, удобной для хлебопашества, но они были распаханы и «сделались совершенно неспособными к поселению, без предварительного оставления их на долгое время в залежах»⁴⁰. Земли Николаевского уезда депутаты отказались осматривать, сославшись на их удалённость от Саратова⁴¹.

Так как меннониты нашли предложенные участки земли непригодными для ведения хозяйства, управляющий Конторой фон Фрезе предложил осмотреть земли у закрытого в 1850 г. Эльтонского солевозного тракта, которые в то время активно отдавались во владение немецким колонистам и другим переселенцам. В первых числах июня Клаасс Эпп, Иоганн Валль и Филипп Вибе тщательным образом осмотрели предложенные угодья. В отчёте поверенные отметили нераспаханную пашню, большие пространства для выпаса скота, сенокосные угодья и чистую воду в колодцах⁴². В итоге, из всех вариантов меннониты выбрали именно эти земли, но прежде чем окончательно утвердить свой выбор, они решили осмотреть угодья в Самарском уезде. Однако оказавшись на месте, депутаты пришли

к заключению, что самарский участок уступает тому, что они увидели на солевозном тракте⁴³. Вернувшись из Самары 24 июня 1853 г., Клаасс Эпп и Иоганн Валль подали прошение в Контору о предоставлении им саратовских земель⁴⁴.

Управляющий Конторой 7 июля 1853 г. обратился в МГИ для утверждения выбора депутатов. Новые переселенцы получали 6500 десятин удобной земли и 883 десятины неудобной земли из упразднённого солевозного тракта. Контора рассчитывала, что здесь будут образованы «5 колоний по 20 хозяйств, которые действительно бы стали образцовыми для здешних поселенцев»⁴⁵. В середине июля П. Д. Киселёв распорядился передать означенный участок в ведение Саратовской конторы иностранных поселенцев и о «допущении к водворению на оном»⁴⁶. В итоге, 20 сентября 1853 г. землемер Конторы принял от Островского участок на солевозном тракте⁴⁷.

После выбора земельного участка Клаасс Эпп сформировал первую партию, которая в начале сентября 1853 г. покинула Молочанский меннонитский округ⁴⁸. Вероятно, они проезжали через Сарепту, поскольку их путь в пределах немецких колоний на Волге пролегал через колонии Grimm, Messer и Balthasar. Недалеко от Бальцера меннониты должны были переправиться через Волгу у деревни Банновка и прибыть в Ней-Колонию, но из-за высокой воды 29 сентября 1853 г. им пришлось пересечь реку около колонии Мюллер⁴⁹.

Планировалось, что меннониты проведут зиму недалеко от места нового водворения, а уже весной 1854 г. приступят к основанию первой колонии. В качестве места временного прибывания они выбрали колонию Варенбург. Несмотря на то что по соглашению с российским правительством первая партия должна была состоять из 12 семейств, 1 октября 1853 г. только девять прибыли на Волгу. В последний момент Исаак Тевс, сославшись на болезнь, вместе со своими зятьями остался в молочанских колониях⁵⁰.

В Варенбурге обеспечение меннонитов возлагалось на главу Тарлыковского округа Шёненберга, который к их приезду должен был подготовить им «квартиры». В зависимости от семьи они состояли из «одной или двух отапливаемых комнат, конюшни и небольшой мастерской»⁵¹. Прибыв на новое место, переселенцы занялись покупкой строительных материалов для строительства усадеб и транспортировкой всего необходимого на место будущего поселения. В этих приготовлениях им помогали деньгами будущие переселенцы, планировавшие прибыть на Волгу весной 1854 г.⁵²

Первая зима прошла в довольно сложных условиях. Беренд Эпп в своём письме к кузену сообщает, что из-за «нездорового климата» у него началась лихорадка, а его брат (Франц Эпп) проболел всю зиму чесоткой⁵³. Кроме непривычного климата, колонистов беспокоили волки, которые «ночью проникают в сёла и приносят им вред своими грабежами»⁵⁴.

С наступлением весны 1854 г. меннониты смогли приступить к основанию первой колонии на Волге. В середине мая 1854 г. при впадении речки Малыш в реку Тарлык была основана первая меннонитская колония⁵⁵. Обосновавшись на Волге, меннониты решили именовать первое поселение колонией Ганс-Ау, в честь действительного статского советника, главы первого департамента МГИ Е. Ф. Гана. Второй колонии, расположенной «по обеим сторонам речки Малыш» дали название Кеппенталь по имени П. Ф. Кеппена. В ноябре 1854 г. министр государственных имуществ П. А. Киселёв утвердил оба названия⁵⁶.

После водворения на Волгу лидеров меннонитов Клаасса Эппа и Иоганна Валля их стали раздражать противоречия. Как сообщает в своём дневнике учитель колонии Кеппенталь Мартин Клаассен, осенью 1853 г. их отношения стали весьма напряжёнными⁵⁷. В центре их конфликта оказались религиозные противоречия, а также вопрос об отношениях с российскими властями. Иоганн Валль призывал к полной изоляции от местной администрации. Он считал, что все гражданские дела колонии (в том числе и уголовные) следует передать в ведение духовного старшины. Клаасс Эпп резко возражал против этих воззрений. Со своей стороны он отстаивал идею о том, что российские власти оказывают покровительство меннонитам, следовательно, братству необходимо соблюдать российские законы⁵⁸. Религиозные разногласия были гораздо глубже. С самого начала переселения в Россию Клаасс Эпп был обеспокоен религиозным настроением, которое охватило его собратьев. Многие меннониты ещё в Пруссии стали сторонниками хилиазма, религиозного учения, утверждающего о скором Втором пришествии и установлении 1000-летнего Царства Иисуса Христа на земле. Подпитывали эти идеи сочинения Самюэля Клётера и Иоганна Генриха Юнг-Штиллинга, в частности его роман «Тоска по Родине» («Das Heimweh»)⁵⁹. В этом произведении, изданном в 1794 г., наиболее полно отражены его мистические настроения. Произведение рассказывает о могущественной восточной империи, в которой угадывается Россия. Главный герой произведения и правитель этого царства, Евгений был свергнут группой заговорщиков, которую возглавляет Антихрист. Евгений, отправляется на восток, чтобы найти там «убежище от Антихриста и создать новое царство Божье на востоке»⁶⁰. Изучая библейские тексты, Юнг-Штилинг и другие хилиасты пришли к выводу, что Второе пришествие состоится в 1836 г. Однако их предположения не оправдались, и активность хилиазма немного утихла. В 1848 г. в разгар революции во Франции идеи Юнг-Штиллинга снова приобрели свою актуальность. Россия, которую не затронула революционная волна, считалась «убежищем для истинно верующих людей»⁶¹. Меннониты считали, что Бог каждый раз награждает их и «открывает» новый путь: сначала

из Голландии в Пруссию, затем из Пруссии в Россию. Теперь, им уготовлено новое прибежище, на этот раз на востоке, где они проведут время до Второго Пришествия и до установления тысячелетнего Царства Божьего. Приверженцами хилиазма в Поволжье стали духовный старшина Иоганн Валль, священник Давид Гамм и учитель Мартин Клаассен. Остальные члены общины также подверглись влиянию этого учения. Первые колонисты считали, что поселение на Волге – «это первая остановка на долгом пути на восток»⁶². Клаасс Эпп не был расположен к этому движению. Его последователей он называл «фанатиками», которые «такое многозначительное событие, которое христианству ещё предстоит, а именно появление Сына Человеческого в облаках с небес в силе и могуществе, извляли в грязи лживой, восторженной фантазии»⁶³. Сторонники хилиазма, в свою очередь, критиковали Клаасса Эппа. Для поволжских хилиастов Иоганн Валль – строгий и серьёзный человек, который «заботился только о благе всей общины и не отступал от слова Божьего»⁶⁴. Клаассу Эппу хилиасты не могли простить сотрудничество с местной администрацией, называли его своевольным человеком, который порой прибегал к произволу по отношению к отдельным личностям. Вероятно, в результате противоречий с хилиастами Клаасс Эпп был вынужден уехать из колоний на Волге. В 1858 г. он занялся организацией переселения меннонитов на территорию Самарского уезда Самарской губернии.

Таким образом, переселение меннонитов на Волгу состоялось благодаря активной деятельности Клаасса Эппа. Благодаря его умелому ведению переговоров с российскими властями меннониты получили право переселяться в Россию, в пределы Поволжья, получили почти те же права, что и их собратья по вере в Хортицком и Молочанском меннонитском округе. Какую оценку он получил в глазах потомков? Конечно, многие не могли не признать его качеств, которые помогли добиться от российского правительства необходимых привилегий. Но в то же самое время отмечали, что его нельзя даже сравнивать с лидерами хортицких и молочанских меннонитов. Для этого ему не хватало личностных качеств, способностей и дарований. Кроме того, современники подчёркивали, что Клаасса Эппа всегда отличала тяга стать особенным и отличаться от других людей. Эта способность отчётливо прослеживается в его старшем сыне Клаассе Эппе-мл., который, не сумев стать лидером ни в светской, ни в духовной жизни колоний, примкнул к хилиазму, возглавив печально известное переселение меннонитов в Среднюю Азию.

Примечания

¹ См.: КLIBАНОВ А. И. Меннониты. М.; Л., 1931. С. 50.

² См.: КЛАУС А. А. Наши колонии. Опыт и материалы

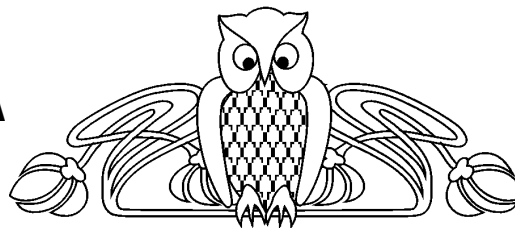

- по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. С. 31–32.
- ³ См.: *Евсеев Н. О.* Клаасс Эпп (1803–1865) и Клаасс Эпп-мл. (1838–1913) : биографии лидеров меннонитов Поволжья во второй половине XIX века // Студенческая наука : Перекрестки теории и практики. Саратов, 2013. С. 77–82.
- ⁴ Фюрстенвердер (Fürstenwerder) – современная деревня Зулавки, Поморское воеводство, Польша. См.: *Bartsch F.* Unser Auszug nach Mittelasien. Halbstadt, 1907. S. 2.
- ⁵ Варнау (Warnau) – современная деревня Кошчелицки, Поморское воеводство, Польша. См.: Aus dem Leben westpreußischer in der Ansiedlungen Mennoniten «Am Trakt» im Wolgagebiet. Briefe von Bernhard Epp, aus den Jahren 1854–1892 // Mitteilungen des Sippenverbandes Danziger Mennoniten-Familien. Göttingen, 1942. № 3. S. 86–88.
- ⁶ *Велицын А. А.* Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893. С. 208.
- ⁷ *Бондарь С. Д.* Секта меннонитов в России. Пг., 1916. С. XXVI.
- ⁸ Конституционная хартия Прусского королевства. СПб., 1851. С. 2.
- ⁹ *Bartsch F.* Unser Auszug nach Mittelasien. S. 2.
- ¹⁰ См.: *Велицын А. А.* Указ. соч. С. 209–210.
- ¹¹ См.: ГИАИП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 291. Л. 1–2.
- ¹² См.: Zur Gründung der Ansiedlungen westpreußischer Mennoniten «Am Trakt» im Wolgagebiet. Petersburger Briefe und Aktenstücke aus dem Jahre 1851 // Mitteilungen des Sippenverbandes Danziger Mennoniten-Familien. Göttingen, 1942. № 2. S. 57–58.
- ¹³ Ibid. S. 63–64.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XV. Отд. 1. № 13255. С. 138–140.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 355. Л. 3.
- ¹⁷ Там же. Л. 8.
- ¹⁸ *Велицын А. А.* Указ. соч. С. 100.
- ¹⁹ *Klaassen M.* Diary. November 1852 – June 1870. August 1880 – October 1881. Winnipeg, 2011. P. 31.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVII (Дополнение). № 27752а. С. 69–71.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 70–71.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 70.
- ²⁶ Там же. С. 71.
- ²⁷ Zur Gründung der Ansiedlungen westpreußischer Mennoniten «Am Trakt» im Wolgagebiet. Petersburger Briefe und Aktenstücke aus dem Jahre 1851. S. 57, 60.
- ²⁸ Ibid. S. 60, 62.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 355. Л. 3 (об).
- ³⁰ Там же. Л. 8 (об).
- ³¹ Там же. Л. 16.
- ³² Там же. Л. 17 (об).
- ³³ Там же. Л. 54–54 (об).
- ³⁴ Филипп Вибе занимал должность председателя молочанского «Общества для усовершенствования и распространения сельского хозяйства».
- ³⁵ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 355. Л. 26.
- ³⁶ Там же. Л. 28.
- ³⁷ Юшанлы – меннонитская колония Молочанского округа, основанная в 1820-х гг. XIX в. Современное с. Кирово, Токмакского района, Запорожской области, Украина.
- ³⁸ См.: *Brons A.* Ursprung, Entwicklung und Schicksale der altvangelischen Taufgesinnten oder Mennoniten in kurzen Zügen übersichtlich dargestellt. Emden, 1912. S. 291.
- ³⁹ См.: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 355. Л. 35–35 (об).
- ⁴⁰ Там же. Л. 36–37.
- ⁴¹ Там же. Л. 64.
- ⁴² Там же. Л. 41.
- ⁴³ См.: *Brons A.* Ursprung, Entwicklung und Schicksale der altvangelischen Taufgesinnten oder Mennoniten in kurzen Zügen übersichtlich dargestellt. Emden, 1912. S. 293.
- ⁴⁴ См.: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 355. Л. 45.
- ⁴⁵ Там же. Л. 65.
- ⁴⁶ Там же. Л. 69–70 (об).
- ⁴⁷ Там же. Л. 100–101(об).
- ⁴⁸ Там же. Л. 93, 94–95.
- ⁴⁹ Там же. Л. 111.
- ⁵⁰ Там же. Л. 121.
- ⁵¹ Там же. Л. 94–95.
- ⁵² См.: *Klaassen M.* Op. cit. P. 33.
- ⁵³ См.: Aus dem Leben westpreußischer in der Ansiedlungen Mennoniten «Am Trakt» im Wolgagebiet. Briefe von Bernhard Epp, aus den Jahren 1854–1892. S. 93.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ См.: *Dyck J., Surukin W. E.* Am Trakt: a Mennonite Settlement in the Central Volga Region. Winnipeg, 1995. P. 2.
- ⁵⁶ См.: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 355. Л. 241, 296.
- ⁵⁷ См.: *Klaassen M.* Op. cit. P. 33.
- ⁵⁸ См.: *Bartsch F.* Op. cit. S. 3–4.
- ⁵⁹ См.: *Jung's Stilling J. H.* Das Heimweh. Stuttgart, 1856.
- ⁶⁰ *Unger W.* Mennonite Millennial Madness: A Case Study // Direction. Mennonite Brethren Forum, 1999. Vol. 28. № 2. P. 201–217.
- ⁶¹ *Ratliff W.* Pilgrims on the Silk Road : A Muslim-Christian Encounter in Khiva. Eugene, 2010. P. 74.
- ⁶² *Bartsch F.* Op. cit. S. 3–4.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Ibid. S. 3.

УДК 271.2(470.4)+929Иаков(Вечерков)

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕПИСКОПА САРАТОВСКОГО И ЦАРИЦЫНСКОГО ИАКОВА (ВЕЧЕРКОВА) В РОССИЙСКИХ АРХИВАХ

А. Л. Клейтман

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград
E-mail: malk@bk.ru

В статье приведен обзор рукописного наследия епископа Саратовского и Царицынского Иакова (Вечеркова), сохранившегося в нескольких российских центральных и региональных архивах. Осуществлена внешняя и внутренняя критика его научных трудов и личных писем как исторических источников, определены дальнейшие перспективы изучения творческого наследия преосвященного Иакова, его церковной, общественной и научной деятельности.

Ключевые слова: Саратовская епархия, Иаков (Вечерков), Нижнее Поволжье, источниковедение, историография.

The Manuscript Heritage by the Bishop of Saratov and Tsaritsin Eparchy Jacob (Vecherkov) in the Russian Archives

A. L. Kleytman

The article gives the review of the manuscript heritage by the bishop of the Saratov and Tsaritsin eparchy Jacob (Vecherkov) which are kept in some Russian central and regional archives. The criticism of his scientific works and letters is undertaken. The future of investigations of his heritage, church, social and scientific activities is demonstrated.

Key words: Saratov eparchy, Jacob (Vecherkov), Low Volga region, source study, historiography.

Иаков (Вечерков) – один из выдающихся общественных и церковных деятелей, оставивший яркий след в истории Саратовского Поволжья XIX столетия. Будучи, с одной стороны, плодовитым духовным писателем, речи и «слова» которого пользовались популярностью среди современников, талантливым проповедником и миссионером, крупным знатоком церковной и светской истории, а с другой стороны – одним из идеологов активной противораскольнической и противосектантской политики времени правления Николая I, преосвященный Иаков заслужил крайне неоднозначные, противоречивые оценки, как среди современников, так и в историографии.

Личность Иакова (Вечеркова), его деятельность на епископской кафедре, а также его творческое наследие стали привлекать внимание исследователей уже в XIX столетии. В первые годы после смерти преосвященного Иакова был опубликован подробный посвященный ему биографический очерк, а также небольшие работы, освещавшие его деятельность на Нижегородской и Саратовской епископских кафедрах¹. На про-

тяжении второй половины XIX в. на страницах саратовской периодики публиковались отдельные письма, научные работы Иакова (Вечеркова)². Собранные им материалы по истории старообрядчества, вероучениях и истории различных сект, с которыми ему пришлось сталкиваться, будучи саратовским епископом, приобрели известность и стали активно использоваться исследователями как информативные источники по данным вопросам³.

Серьезный вклад в изучение жизненного пути и научного наследия Иакова (Вечеркова) был сделан саратовским краеведом, членом ученой архивной комиссии А. А. Лебедевым. Он провел большую библиографическую работу, результатом которой стали списки опубликованных трудов епископа Иакова, работ, написанных на основе материалов, собранных Иаковым (Вечерковым), и литературы, посвященной ему как церковному, общественному деятелю⁴. В советское время общественная и церковная деятельность, как и творческое наследие преосвященного Иакова, находились вне поля зрения историков. В последние годы к изучению научной деятельности епископа Иакова (Вечеркова) обратилась саратовская исследовательница А. С. Майорова. Ей удалось выявить в Государственном архиве Саратовской области несколько рукописей научных работ, посвященных различным вопросам истории Саратовского Поволжья, написанных священнослужителями Саратовской епархии в годы епископства преосвященного Иакова. Введение в научный оборот этих источников позволило А. С. Майоровой более полно и объективно осмыслить научную деятельность духовенства, которая велась под руководством епископа Иакова в 1830–1840-х гг.⁵ Несмотря на то что историография, посвященная Иакову (Вечеркову), развивается с середины XIX века, целый ряд вопросов, связанных с его общественной и церковной деятельностью, до настоящего времени не был исследован.

Существует ряд объективных сложностей, препятствующих объективному и всестороннему осмыслению творческого наследия Иакова (Вечеркова). Важнейшей из них является слабая доступность для исследователей его личных документов, в первую очередь писем и научных трудов. Суждения о его церковной, общественной, научной деятельности как правило формируются на основе воспоминаний современников, делопроизводственной документации региональных консисторий, то есть не всегда информативных

и зачастую противоречивых источниках. Представленный в настоящей статье обзор рукописного наследия преосвященного Иакова, отложившегося в нескольких российских центральных и региональных архивах, должен частично устранить обозначенный пробел в историографии и создать предпосылки для более полного и объективного осмысления проблем региональной и отечественной истории в целом, связанных с Иаковом (Вечерковым).

Личные источники Иакова (Вечеркова), сохранившиеся до настоящего времени, представлены двумя группами документов: к первой из них следует отнести эпистолярные источники, то есть письма преосвященного Иакова к разным лицам и адресованные ему письма, а ко второй – рукописи научных трудов владыки, посвященных церковно-исторической и сектоведческой тематике.

Существенная часть документов *первой группы* отложилась в отдельном фонде научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки⁶. Документы этого фонда до настоящего времени не использовались исследователями жизненного пути Иакова (Вечеркова) и фактически не были введены в научный оборот.

Личный фонд преосвященного Иакова в НИОР РГБ состоит из четырех единиц хранения. Документы этого фонда поступили в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина в 1924 г., от кого и при каких обстоятельствах, сведений не сохранилось.

Первое и второе дело указанного фонда представляют собой рукописные тома, в которых переплетены письма разных лиц, адресованные преосвященному Иакову, и несколько отпусков его писем. Хронологические рамки этих единиц хранения охватывают 1831–1849 гг.

Круг корреспондентов Иакова (Вечеркова) был очень широк: он переписывался с обер-прокурорами Святейшего синода, несколькими епископами и митрополитами Русской православной церкви, священнослужителями Саратовской епархии, выпускниками Саратовской духовной семинарии, духовными детьми самого разного социального происхождения, родственниками.

Особый интерес для исследователей могут представлять адресованные Иакову (Вечеркову) письма митрополита Московского Филарета (Дроздова), как и многие другие тексты этого автора, обладающие высокой литературной ценностью, а также содержащие оценки проводившейся преосвященным Иаковым в Саратовской епархии противораскольнической и противосектантской политики и советы по данному кругу вопросов⁷.

Для исследователей церковной истории первой половины XIX в. интерес могут представлять также адресованные Иакову (Вечеркову) письма обер-прокурора Синода С. Д. Нечаева. Занимавший должность обер-прокурора Синода всего на протяжении трех лет (в 1833–1836 гг.) известный

общественный деятель, в 1810–1820-х гг. друживший со многими декабристами, хорошо знавший А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Е. А. Баратынского и других известных литераторов своего времени, С. Д. Нечаев, благодаря своей активной деятельности по целому ряду направлений, оставил яркий след о своем пребывании во главе этого ведомства: по его инициативе был приведен в порядок синодальный архив, учрежден новый порядок контроля за оборотом финансов в епархиальных консисториях и в Синоде, было построено новое здание Святейшего синода и т. д.⁸ Как свидетельствует сохранившаяся в отделе рукописей РГБ личная переписка Иакова (Вечеркова) с С. Д. Нечаевым, в 1830-х гг. между ними установились теплые дружеские отношения, С. Д. Нечаев поддерживал многие начинания преосвященного Иакова в борьбе с расколом, был сторонником активизации миссионерской деятельности среди калмыков, и по этим вопросам несколько раз выносил предложения саратовского преосвященного на рассмотрение императора и Святейшего синода.

Особой информативностью отличаются письма иеромонаха Гурия (Карпова) – бывшего жителя Саратова, впоследствии служившего в миссии Русской православной церкви в Китае. В нескольких достаточно объемных письмах о Гурия были зафиксированы сведения о деятельности православной миссии, приведены исторические и этнографические данные об албазинцах – китайцах, потомках русских казаков, небольшой общиной живших в Пекине и исповедовавших православие⁹.

Как источники по региональной истории Саратовского Поволжья интерес представляют письма протоиерея Гавриила (Чернышевского), в которых обсуждались вопросы, связанные с проповедью православия среди евреев в саратовских батальонах военных кантонистов, а также письма губернского секретаря В. Кудрявцева, содержащие сведения о миссионерском служении среди калмыков Нижнего Поволжья¹⁰.

В первую и вторую единицы хранения личного фонда Иакова (Вечеркова) был включен ряд писем его родственников, друзей и близких, которые дополняют портрет преосвященного Иакова, позволяют увидеть ту часть его жизни, которую невозможно восстановить, основываясь на других источниках.

Так, например, сохранилось письмо генерала-майора Г. Зотова, бывшего коменданта кавказской крепости Ахалцих, написанное 15 января 1845 г. из его родного города Короча Курской губернии, где он проживал после ухода в отставку. Гавриил Зотов был дальним родственником епископа Иакова, но не виделся с ним с детства. В своем письме Г. Зотов поблагодарил преосвященного Иакова за книги с его проповедями, которые тот прислал в Корочу, рассказал о своей жизни, привел родословное древо, в котором прослеживаются

родственные связи Вечерковых с корочанскими Зотовыми¹¹.

Интерес представляет также письмо Василия, Петра и Алексея Вечерковых – семинаристов, по видимому, племянников Иакова (Вечеркова), в котором они просят его о материальной поддержке, поскольку после смерти их отца они бедствовали, и обратиться за помощью им больше было не к кому. Как следует из их письма, епископ Иаков уже пересылал семинаристам Вечерковым деньги для того, чтобы они могли снимать квартиру, но этих средств было недостаточно, поэтому они просили его помочь принять решение: «подать ли... прошение о принятии... на полуказенный кошт... или просто просить себе пособия»¹².

Среди писем, адресованных Иакову (Вечеркову), сохранилось несколько писем выпускников Саратовской духовной семинарии, которые свидетельствуют о том, что преосвященный Иаков поддерживал лучших выпускников и после окончания учебы, старался сохранять с ними личные, теплые отношения. Одним из таких выпускников был Александр Снежицкий. В письме из Санкт-Петербурга от 29 сентября 1841 г., пописанном «Ваш нижайший послушник, студент С. Петербургской духовной академии», он описал, как прошли вступительные экзамены, отметил, что передал «гг. студентам Терсинскому и Горизонтову» подарок от преосвященного Иакова, который «был принят ими с чувством живейшей признательности»¹³.

Сохранилось также несколько адресованных епископу Иакову писем Ивана Палимпсестова, воспитанника одного из первых специализированных земледельческих учебных заведений в России – Горыгорецкой агрономической школы, судя по всему, также бывшего выпускником Саратовской духовной семинарии, но избравшего впоследствии светскую карьеру¹⁴.

В третьей единице хранения личного фонда Иакова (Вечеркова) были объединены десять его писем к иеромонаху Гурию (Карпову). Следует отметить, что в данное дело были включены не отпуски, а первые экземпляры писем, на которых рукой о. Гурия отмечена дата их получения в Пекине. Как, очевидно, судьба документов этого дела должна быть отличной от документов первой и второй единиц хранения описываемого фонда, в которые были объединены документы, при жизни принадлежавшие непосредственно преосвященному Иакову. Однако поступили эти документы в Государственную библиотеку также в 1924 г. и тоже от неизвестного лица¹⁵.

Четвертая единица хранения личного фонда Иакова (Вечеркова) в отделе рукописей Российской государственной библиотеки состоит из одного документа на одном листе, который в описи обозначен как счет за стирку белья преосвященного Иакова. Сам документ действительно представляет собой счет из прачечной, но ничего не говорит о том, что он на самом деле имел какое-то отношение к епископу Иакову¹⁶.

Достаточно большое количество личных писем Иакова (Вечеркова) отложилось в различных фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург).

Важным источником по истории церковной деятельности епископа Иакова является его переписка с архиепископом нижегородским Аркадием (Федоровым), как и саратовский преосвященный бывшим одним из активных борцов с расколом и сектантством в период правления Николая I. Четырнадцать писем Иакова (Вечеркова), адресованных архиепископу Аркадию, и несколько отпусков писем пермского преосвященного к епископу Иакову сохранились в отдельном архивном деле в фонде Святейшего синода¹⁷. Их переписка охватывает период с 1832 г. по 1849 г.

Последнее письмо Иакова (Вечеркова) к архиепископу Аркадию датировано 22 мая 1849 г., то есть было написано уже после его переведения на нижегородскую епископскую кафедру.

Переписка саратовского и пермского преосвященных проливает свет на многие сюжеты истории старообрядчества и русского сектантства, позволяет понять мотивы и цели противораскольнической политики, проводившейся в годы правления Николая I, а также содержит информацию по многим частным вопросам, связанным с введением единоверия в двух крупнейших епархиях Русской православной церкви в первой половине XIX столетия.

Существенный интерес для современных исследователей представляют личные письма Иакова (Вечеркова) обер-прокурору Святейшего синода С. Д. Нечаеву, объединенные в одну единицу хранения фонда Нечаевых в Российском государственном историческом архиве. В своих письмах С. Д. Нечаеву преосвященный Иаков делился сведениями о первых успехах в деле проповедования православия среди калмыков, описывал сложности, возникавшие в борьбе с влиятельными раскольниками Саратовской губернии, просил о содействии во многих частных вопросах. Так, например, в письме от 18 марта 1835 г. он просил обер-прокурора Синода повлиять на чиновников в Министерстве внутренних дел, чтобы те изменили свое решение о переводе из Саратова на другое место службы жандарма Быкова – одного из активных сторонников епископа Иакова в борьбе с расколом. В письме от 16 августа 1836 г. он призывал С. Д. Нечаева повлиять на влиятельного раскольника – вольского купца А. П. Сапожникова, убедить его принять единоверие. В письмах Иакова (Вечеркова) к обер-прокурору Синода зафиксирован целый ряд других мелких деталей из жизни Саратовской епархии в 1830-х гг., которые могут представлять интерес для исследователей региональной истории¹⁸.

Интересными источниками, раскрывающими характер, внутренний мир преосвященного Иакова, являются два его письма к бывшему саратовскому губернатору А. М. Фадееву, направ-

ленные к нему в 1846–1847 гг., после его перевода на службу в Закавказский край. В этих письмах преосвященный Иаков, в годы губернаторства А. М. Фадеева в Саратове бывший его постоянным и даже фанатичным оппонентом в вопросах, связанных с борьбой с расколом, предстает пожилым, уставшим, жалующимся на плохое здоровье человеком, но при этом не помнящим обид, искренне любящим и желающим добра, как самому А. М. Фадееву, так и его близким¹⁹.

Вторая группа личных источников Иакова (Вечеркова), сохранившихся до настоящего времени, представлена рукописями его научных трудов – как непосредственно его работ, так и сочинений, написанных священнослужителями Саратовской епархии под его руководством. Большая часть источников этой группы отложилась в архиве Русского географического общества (Санкт-Петербург).

Наибольшая по объему и наиболее информативная из этих рукописей – «О разных сектах. Иакова епископа Саратовского»²⁰. Данная рукописная книга состоит из нескольких разделов, по сути представляющих собой отдельные очерки, посвященные различным темам: «Взгляд на силу и развитие раскола по Саратовской епархии. Составлено в 1839^м году» (Л. 2–17 об.), «Записка о молоканстве, преимущественно по Саратовской губернии» (Л. 18–60 об.), «Записка о догматическом учении молоканов» (Л. 62–126 об.), «Записка о скопцах» (Л. 127–173), «Записка о хлыстах» (Л. 176–185) и «Сведение о раскольниках, именующих себя спасово согласие или нетовщина, существующих Саратовской губернии Аткарского уезда в селе Копене, принадлежащих Графине Гурьевой. 1839го года» (Л. 186–191). Рукопись написана различными почерками, но по тексту есть незначительная по объему правка, сделанная, по-видимому, рукой Иакова (Вечеркова). Этим же почерком написана последняя страница, озаглавленная «От Иакова Епископа Саратовского» и содержащая призыв «поспешить распространением между народом грамотности на законном основании и тем помочь одним выйти из фальшивого и мрачного образа мыслей по делам религии, а других предохранить от заразы сектаторства»²¹.

Что касается времени составления рукописи, то, на наш взгляд, она была написана в 1847 г. специально для отправки в Русское географическое общество (в сопроводительном письме указана дата отправки – 27 января 1847 г.), но в основу её легли работы, составленные раньше, причем разные части были написаны в различное время. Так, в разделах «Взгляд на развитие раскола по Саратовской епархии» и «Сведение о раскольниках, именующих себя спасово согласие или нетовщина...» есть прямое указание на то, что они были составлены в 1839 г. В «Записке о скопцах» указано, что при описании обрядов использовались сведения, сообщенные «скопческим лжепророком» Иакову (Вечеркову) в 1836 г., но

далее описываются события 1843 г., то есть в том виде, как этот раздел вошел в сохранившуюся рукопись, он был написан уже в 1840-х гг.

Судя по всему, авторами различных разделов рукописи выступили разные лица, скорее всего, священники Саратовской епархии. Информацию по истории и верованиям сект, по-видимому, они черпали отчасти в письменных источниках, а во многом опирались на устные рассказы сектантов, принявших православие. Так, например, в «Записке о скопцах» указано: «Все эти скопческие обряды написаны со слов лжепророка скопческого *Василия Иванова*, содержавшегося в Саратовском тюремном замке в 1836^м году, *рассказывавшего и рассказывавшего местному архиерею много, касающегося до скопчества*»²². (Курсивом выделены слова, надписанные над строкой, скорее всего, Иаковом (Вечерковым)). В «Записке о догматическом учении молоканов» повествование по большей части идет от первого лица: «о похоронении усопших, о воскресении мертвых верим...», «пост содержим», то есть автор записки либо писал её на основании бесед с молоканами, либо использовал документы, составленные с их слов, возможно, материалы их допросов в полиции.

В архиве Русского географического общества сохранилась также рукопись «Записка о расколе беглопоповской секты по Саратовской епархии», которая, как следует из её текста, была «составлена преосвященным Иаковом, епископом Саратовским»²³ и доставлена в общество 10 октября 1846 г.²⁴ В «записке» приведены сведения о появлении и распространении беглопоповского толка старообрядчества в Саратовской епархии во второй половине XVIII – начале XIX в., описаны основные события истории Иргизских старообрядческих монастырей и их обращения в единоверие. Содержащаяся в данной работе информация по истории старообрядчества не является уникальной, она известна и по другим источникам, однако рукопись представляет интерес как авторский текст Иакова (Вечеркова). Опираясь на текст «записки», можно увидеть, что он понимал под церковным «расколом», осмыслить мотивы его политики по отношению к старообрядцам и сектантам.

Существенный интерес для исследователей церковной истории Нижнего Поволжья может представлять рукопись «Статистический очерк Саратовской епархии», составленная 1845 г., а в 1848 г. Иаковом (Вечерковым) направленная в Императорское Русское географическое общество. В сочинение вошли исторические очерки о церквях, находившихся в населенных пунктах Саратовской губернии, описания наиболее почитаемых святынь, хранившихся в храмах, информация о внебогослужебной религиозной жизни местного православного населения, о миссионерской деятельности в епархии. Установить точное авторство «Статистического очерка...» затруднительно, но, как очевидно, эта работа писалась под руководством и с редакцией Иакова (Вечеркова)²⁵.

Саратовский краевед начала XX в. А. А. Лебедев ошибочно отождествил «Статистический очерк Саратовской епархии» преосвященного Иакова с историко-статистическим описанием епархии, написанным Г. И. Чернышевским в рамках общероссийской кампании по подготовке подобных сочинений, организованной Священным синодом в 1850-х гг. Он полагал, что результатом деятельности Иакова (Вечеркова) по сбору сведений по истории Саратовского Поволжья «явилось «Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии», составленное в 1845 г. протоиереем Г. И. Чернышевским, отцом Н. Г. Чернышевского»²⁶.

А. С. Майорова отметила эту ошибку, но полагает, что епископ Иаков лишь организовал сбор источников по истории епархии, а «выбор автора будущего труда и – возможно даже руководство его созданием – следует отнести к деятельности его преемника по кафедре»²⁷, при этом вне поля зрения исследовательницы оказалась описанная нами рукопись из архива РГО.

В реальности, Иаков (Вечерков) организовал работу по составлению исторического описания Саратовской епархии за несколько лет до того, как Синод поручил всем епископам написать подобные сочинения, и довёл её до конца. Г. И. Чернышевский начал работать над составлением описания епархии в конце 1850 г. – начале 1851 г., то есть спустя три года после того, как рукопись труда епископа Иакова (Вечеркова) уже поступила в ИРГО.

Обязанности по составлению этого описания были возложены на Гавриила Чернышевского специальной резолюцией епископа Афанасия, управлявшего Саратовской епархией после перевода Иакова (Вечеркова) на нижегородскую епископскую кафедру, но преосвященный Афанасий не сам выступил инициатором проведения этой работы, а выполнял полученное им распоряжение Синода, которое сохранилось до настоящего времени в саратовском архиве²⁸.

Ошибки саратовских исследователей относительно истории создания двух описаний епархии в 1840–1850-х гг. вызваны объективными причинами: труд, составленный под руководством Иакова (Вечеркова) вплоть до настоящего времени, не был опубликован, единственный его список хранится в Санкт-Петербургском архиве и доступ к нему достаточно затруднителен. Описание епархии Г. И. Чернышевского было опубликовано, но спустя почти тридцать лет после его написания, в 1882 г., в Саратовских епархиальных ведомостях, и с этого времени не переиздавалось.

Исследователь биографии Иакова (Вечеркова) А. А. Лебедев отмечал, что существенную часть своих личных документов – писем, рукописей научных трудов – преосвященный Иаков после перевода его на службу в Нижегородскую епархию забрал с собой в Нижний Новгород. В частности, ему были известны сборники различных бумаг

и сочинений Иакова (Вечеркова), в первые годы XX века хранившиеся в библиотеке нижегородской семинарии под № 3774, 3775 и 3776²⁹. Проведенные изыскания в Центральном архиве Нижегородской области позволили выявить лишь одно архивное дело, связанное с преосвященным Иаковым, – его послужной список, причем только на 1831 г., когда он занимал должность ректора Екатеринославской семинарии³⁰.

Дальнейшую судьбу рукописей епископа Иакова, хранившихся в нижегородской духовной семинарии, установить не удалось. Возможно, они были утрачены во время антирелигиозной кампании 1920–1930-х гг. вместе со многими другими документами духовных ведомств и образовательных учреждений России.

Таким образом, в нескольких центральных и региональных российских архивах сохранился целый ряд личных документов епископа Иакова (Вечеркова), которые до настоящего времени не использовались историками и не были введены в научный оборот. Эти источники содержат обширные и достоверные сведения по биографии, общественной, научной деятельности преосвященного Иакова. Их использование дает возможность более полно и объективно осмыслить место епископа Иакова (Вечеркова) в церковной, общественной и научной жизни России первой половины XIX столетия.

Научные труды преосвященного Иакова, сохранившиеся в рукописях, могут быть использованы как источники по истории старообрядчества, сектантства, но содержащиеся в них сведения требуют тщательной проверки, сопоставления с данными других источников. Переписка Иакова (Вечеркова) представляет собой очень обширный и уникальный для своего времени источниковый комплекс, интересный как с научно-исторической, так и с литературной точки зрения. Научное издание эпистолярного наследия преосвященного Иакова позволит переосмыслить многие сюжеты не только региональной истории, но и в целом истории России, даст возможность по-новому взглянуть на проблемы церковной истории, взаимодействия Церкви и государства в период правления Николая I, найти ответы на целый ряд других научных вопросов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Епископ Иаков (Вечерков) в общественной и научной жизни России первой половины XIX века» (проект № 12-11-34001 а/В).

Примечания

¹ См.: Лебедев П. Воспоминание о преосвященнейшем Иакове, архиепископе Нижегородском / сост. нижегородского Благовещенского собора Протоиереем и Кавалером Павлом Лебедевым. Нижний Новгород : в

- губернской типографии, 1853 ; [Макарий (Миролюбов)]. Жизнь преосвященнейшего Иакова, архиепископа Нижегородскаго и Арзамасскаго с портретом. Изд. второе, испр. и доп. СПб., 1856.
- 2 См.: Воспоминание о Высокопреосвященном Иакове, бывшем Епископе Саратовском // Саратовские епархиальные ведомости. 1872. № 16 ; Письмо преосвященного Иакова, бывшего епископа Саратовского, к гражданину посада Дубовки, перешедшему из молоканства к Православной Христианской Церкви. Сообщ. бывший протоиерей г. Камышина П. Лебедев // Саратовские епархиальные ведомости. 1876. № 14 ; *Правдин А.* Мнение 1839 г. Саратовской духовной консистории и Саратовского Преосвященного на проект устава духовных консисторий // Саратовские епархиальные ведомости. 1878. № 2 и др.
- 3 См.: *Мельников П. И.* Материалы для хлыстовской и скопческой ересей // Чтения в обществе истории и древностей Российских. Кн. I. Отд. V. М., 1873 ; *Сokolov Н. С.* Раскол в Саратовском крае. Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов, 1888 и др.
- 4 См.: *Лебедев А. А.* Материалы для истории Саратовской епархии // Саратовский духовный вестник. 1907. № 1–13 и др.
- 5 См.: *Майорова А. С.* Научная деятельность епископа Иакова (Вечеркова) (1832–1847) // Саратовский краеведческий сборник : науч. труды и публикации / под ред. проф. В. Н. Данилова. Саратов, 2011. Вып. 5. С. 121–136.
- 6 См.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 505. Иаков, архиепископ Саратовский (в миру Вечерков Иосиф Иванович). 1820–1849 гг.
- 7 Там же. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 220–223 об.
- 8 См.: Выписки из Нечаевского архива / предисл. и примеч. Н. П. Барсукова. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1905. С. 1–3.
- 9 См.: НИОР РГБ. Ф. 505. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 168–171; Ед. хр. 2. Л. 25–26 об., 128–129, 135–138 об., 189–191.
- 10 См.: НИОР РГБ. Ф. 505. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 88–88 об., 91–94.
- 11 См.: НИОР РГБ. Ф. 505. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 104–106.
- 12 Там же. Л. 150–151 об.
- 13 Там же. Ф. 505. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 207–208 об.
- 14 Там же. Ед. хр. 2. Л. 46–47 об., 48–49 об., 85–86 об., 182–183.
- 15 Там же. Ед. хр. 3. 10 л.
- 16 Там же. Ед. хр. 4.
- 17 См.: Российский государственный исторический архив. (Далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 205. Д. 872.
- 18 См.: РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 138. Письма Иакова, епископа Саратовского Нечаеву С. Д.
- 19 См.: РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 15. Письма (2) епископа Саратовского и Нижегородского Иакова (Вечеркова) Андрею Михайловичу Фадееву поздравительное, о личных делах и о военных действиях на Кавказе.
- 20 Архив Русского географического общества (далее – АРГО). Р. 36. Оп. 1. Д. 42.
- 21 Там же. Р. 36. Оп. 1. Д. 42. Л. 191 об.
- 22 Там же. Л. 145.
- 23 АРГО. Р. 36. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
- 24 Там же. Л. 34 об.
- 25 Там же. Р. 36. Оп. 1. Д. 23.
- 26 *Лебедев А. А.* Материалы для истории Саратовской епархии. Т. 1, вып. 1. Саратов, 1907. С. 5.
- 27 *Майорова А. С.* Научная деятельность епископа Иакова (Вечеркова) (1832–1847). С. 124–125.
- 28 Государственный архив Саратовской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. Л. 2–2 об.
- 29 *Лебедев А. А.* Материалы для истории Саратовской епархии. Вып. 1, т. 2. Саратов, 1907. С. 4–5 ; *Он же.* Преосвященный Иаков (Вечерков), архиепископ нижегородский и арзамасский, и его рукописное собрание // Труды СУАК. Вып. 27. Саратов, 1911. С. 7–8.
- 30 Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2013. Оп. 2. Д. 49. Л. 10. (Документ был выявлен Алексеем Владимировичем Морохиным.)

УДК 94(47).084.8

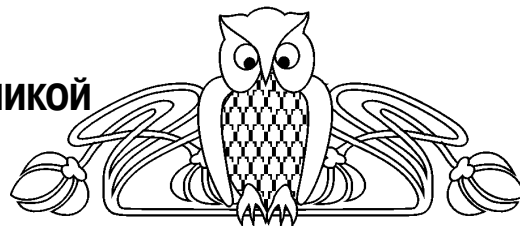
ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

В. Н. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье рассмотрены количественные и качественные изменения в составе населения Саратовского Поволжья в 1941–1945 гг. Они были обусловлены как миграционными процессами (военные и трудовые мобилизации, депортация немцев, эвакуация, переселения), так и факторами естественного движения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратовское Поволжье, городское и сельское население, мобилизация, депортация, эвакуация, рождаемость, смертность.

Changes in the Structure of the Population of the Saratov Volga Region During the Great World War (1941–1945)

V. N. Danilov

In article there are considered quantitative and qualitative changes in the structure of the population of the Saratov Volga region in 1941–1945 years. They were caused by the migration processes (military and labor mobilization, deportation of Germans, evacuation, resettlement), and factors of natural movement.

Key words: Great World war, Saratov Volga region, urban and rural population, mobilization, deportation, evacuation, fertility, mortality.

В период Великой Отечественной войны население Саратовского Поволжья претерпело существенные изменения, как в количественном отношении, так и в национальном составе. Главным образом эти изменения были вызваны разными по характеру миграционными процессами, обусловленными военными, политическими и экономическими факторами военного времени. Значительный отток мужчин и некоторой части женщин произошел в связи проводившимися мобилизациями и призывами в армию. В первый же день войны в стране была объявлена мобилизация в Красную армию резервистов 1905–1918 гг. рождения, а 10 августа 1941 г. для восполнения боевых потерь и создания резервов началась мобилизация военнообязанных 1890–1904 гг. и призывников 1922–1923 гг. рождения. Обе эти массовые мобилизации прошли в области организовано и в установленные сроки.

В дальнейшем в 1941–1945 гг. проводились военные призывы по специальным наборам (партийно-комсомольские мобилизации, для формирования специальных подразделений и т. д., в том числе и женщин) и сезонные призывы новобранцев. Уже на 1 мая 1942 г. военкоматы Саратовской области направили в армию: младшего начсостава – 24684 человек, рядового состава – 190453 человека¹. В общей сложности в период Великой Отечественной войны призывались граждане с 1890 по 1927 г. рождения. Это означает, что в армию ушла подавляющая часть трудоспособного мужского населения области, прежде всего – деревенского. От призыва за годы войны было освобождено менее 25% мужчин в возрасте от 18 до 55 лет: по наличию брони, инвалидности, политическим и национальным признакам. В вооруженных силах страны в то время, с учетом довоенного призыва, находилось более 530 тыс. саратовцев, т. е. каждый четвертый житель области².

Возвращение в военный период из армии по демобилизации было крайне незначительным и происходило оно в подавляющих случаях в связи с тяжелым заболеванием или получением увечий по ранению. К концу 1945 г. органами социального обеспечения Саратовской области было учтено 30954 инвалида войны³. Кроме того, немалое число саратовцев направлялись в другие районы страны по трудовой мобилизации. Так, в 1942 г. из Саратовской области было отправлено на восток 7,7 тысяч человек, в следующем году – 1,5 тыс. в Куйбышевскую область и более 1 тыс. Челябинскую область. Несколько тысяч рабочих и инженерно-технических работников выехало в 1943–1944 гг. на восстановление заводов и МТС в Сталинградскую область, Донбасс и другие пострадавшие районы. За годы войны за пределы области было отправлено около 10 тысяч выпускников саратовских школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ⁴. Однако самые крупные изменения в составе населения

края связаны с депортацией немецкого населения, эвакуационно-реэвакуационными процессами и так называемыми плановыми переселениями.

Основные миграционные потоки

Неудачи на фронте и комплекс негативной информации о поведении отдельных групп немецкого населения подвиг советское руководство спустя два месяца с начала войны на принятие решения о депортации поволжских немцев. Это была превентивная мера по отношению к народу, заподозренному властью в повышенной готовности к пособничеству агрессору в связи с его этнической близостью с противником. На основании постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области»⁵ было выселено из Поволжья 438,7 тысяч этнических немцев⁶. Вывозили их, главным образом, в Казахстан, а также в Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую области. Не подлежали депортации только семьи, где жена – немка, а муж – не немец. Операция по депортации проводилась с 29 августа по 20 сентября 1941 г. По данным органов НКВД, которые приводит А. А. Герман, по всей Немреспублике не нашлось ни одной семьи, которая отказалась бы от переселения. В Саратовской области отказывались переселяться 3 семьи, да и то, как потом оказалось, они лишь «ходатайствовали об оставлении»⁷.

7 сентября 1941 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об административном устройстве территорий бывшей Республики немцев Поволжья», в соответствии с которым территория Немреспублики была разделена между Саратовской и Сталинградской областями. В состав Саратовской области вошли город Энгельс, поселок Красный Текстильщик и 15 кантонов (районов), в состав Сталинградской области – 7 кантонов⁸. Из всех городов и сел Саратовской области, в новых ее границах, было выселено лиц немецкой национальности 338215 человек (74856 семей), в том числе из города Саратова – 11330 человек (3427 семей), из «старых районов» – 35063 человека (7958 семей), «новых районов» – 291822 человека (63471 семья)⁹. В мае – июне 1942 г. практически все немецкие названия, как городов и сел, так и районов и сельсоветов подверглись переименованию.

Саратовская область вошла в первую очередь регионов, принимавших эвакуированное население из западных районов страны. Эшелоны с эвакуированными стали прибывать уже в конце июня, а наиболее интенсивный их поток был в августе – ноябре 1941 г. Всего через Саратовскую область проследовало в 1941 – начале 1942 г. более 1 млн населения, эвакуированного организованным порядком, и беженцев. На территории области находилось пять эвакуационных пунктов: в Саратове,

Балашове, Ртищево, Аткарске, Урбахе. Только эвакуопункт в Саратове обслужил размещавшихся в области и транзитных пассажиров в 1941 г. – 517190 человек, в 1942 г. – 289419, а в итоге через него прошло с начала войны и до 1 мая 1943 г. 820316 человек¹⁰.

Эвакуационные процессы в 1942 г., захватившие Саратовскую область, были меньшими по масштабу. В течение марта – апреля в Саратов прибыли примерно 3000 рабочих из Ленинграда и Тулы¹¹. Согласно постановлению СНК СССР от 24 мая 1942 г. область должна была принять до 30 тыс. жителей Ленинграда и Ленинградской области. В августе – сентябре 1942 г. на территорию края стали прибывать эвакуированные жители из Сталинградской области¹². По примерным подсчётам, в течение июня – сентября 1942 г. было расселено ленинградцев – 20959 человек, а выходцев из Сталинградской области – 17654¹³. Отдельные акции по эвакуации проводились и в 1943 г. Так, в июне – июле 1943 г. прибыло эвакуированное детское население Курской и Смоленской областей (дети партизан) общим числом 1162 человек¹⁴.

Таким образом, в первые два года войны число эвакуированного населения в Саратовской области постоянно увеличивалось. В октябре 1941 г. в области насчитывалось 148450 человек эвакуированных; к 1 января 1942 г. это количество увеличилось более чем в два раза и составило 312500 человек. После некоторой стабилизации первой половины 1942 г. к сентябрю 1942 г. (в результате второй волны эвакуации) общее число эвакуантов в Саратовской области составило 337411 человек¹⁵.

Эвакуированное население было неоднородно по своему социальному, профессиональному, половозрастному составу. Наиболее организованной группой были рабочие коллективы крупных промышленных предприятий (в общей сложности в области было размещено оборудование почти 100 предприятий). Так, например, с десятью машиностроительными заводами прибыло 20150 человек¹⁶. Выше средней нормы (30–40 %) процент эвакуировавшихся рабочих давали авиационные предприятия. Если число прибывших вместе с предприятиями рабочих часто не было большим, то количество членов их семей было весьма высоким.

Общие данные о половозрастном составе эвакуированного населения есть на начало октября 1941 г. Из примерно 150 000 человек, размещённых в области, поименными списками учтено было 67039 человек, в число которых входили: 23207 мужчин, 43832 женщины, 26492 ребёнка (до 15 лет)¹⁷.

Женщины-работницы преобладали в производственных коллективах эвакуированных предприятий пищевой и легкой промышленности. Женщины до 50 лет и дети до 15 лет составляли большую часть эвакуированных сельских жителей. Совокупно на них приходилось около 80%,

тогда как на мужчин дееспособного возраста – около 10%. Доля граждан старшего поколения в составе переселенцев была невысока, им тяжелее было перенести трудности эвакуации¹⁸.

Особенно высок был процент эвакуированного детского населения, составлявшего примерно одну треть всей массы эвакуантов, размещённых в области. Сведения за середину июля 1943 г. зафиксировали в области 109572 мигранта, не достигших 14 лет¹⁹. Саратовская область стала довольно крупным центром размещения эвакуированных детских учреждений, прежде всего, детских домов и интернатов. К концу декабря 1941 г. по разным данным, в области насчитывалось от 65 до 73 прибывших детских домов и интернатов, с количеством детей в них – около 10 тыс.²⁰

Некоторые сведения о национальном составе мигрантов представлены в учтённых поимённых списках, которые составлялись осенью 1941 г. В Саратовской области в октябре 1941 г. из 91067 учтённых граждан русских насчитывалось – 35338 (38,8 %), евреев – 25945 (28,4 %), украинцев – 12067 (13,2 %), белорусов – 6141 (6,7 %)²¹. В начале процент перемещённых евреев был особенно высок и обусловлен большим числом лиц еврейской национальности, проживавших на территориях, в первую очередь подвергшихся агрессии, а также и среди жителей Москвы. Кроме того, очень много было евреев среди граждан, подлежащих организованному вывозу (горожане, служащие, партгосаппарат). В связи с массовым перемещением населения УССР процент этнических украинцев в дальнейшем существенно вырос: по численности они сравнялись с евреями.

В первые месяцы войны среди значительной части эвакуированного населения было распространено желание размещаться только в городской местности, прежде всего, в Саратове. В итоге в крупных городах области на 1 января 1942 г. из 312500 человек было размещено в Саратове – 74000, Энгельсе – 39600, Марксе – 16000, в остальных от 5 до 10 тыс.²² К началу 1943 г. число эвакуированных в областном центре уменьшилось и составило 50338 человек²³.

По аналогии с заводами производилась эвакуация целых колхозов, нередко по месту прибытия сохранявшихся как цельные хозяйственные единицы. В частности, в Саратовской области было размещено около 140 украинских колхозов. В итоге, к началу 1943 г. количество эвакуированного населения в городах и сельской местности соотносилось примерно как один к двум (в городах – 107768 чел.; в селах – 199649 чел.). Далее, к марту 1944 г. диспропорция увеличилась до одного к трем (55800 и 152600 человек соответственно)²⁴. В территориальном отношении по объёму размещённого эвакуированного населения выделялись районы бывшей АССР НП. По данным на 1 июня 1943 г., в «новых районах» было сосредоточено почти 100 тыс. переселенцев²⁵.

Возвращение эвакуированного населения происходило по мере продвижения советских войск на запад. Реэвакуация горожан, прежде всего рабочих оборонных предприятий (а значит, и их семей), государству было не выгодно. Поэтому основной контингент мигрантов, быстро вернувшихся на прежнее место жительства, состоял из людей, размещённых в сельской местности. Тем не менее, подавляющее большинство эвакуированного населения, прибывшего в 1941–1942 гг. в Саратовскую область, к концу войны все же вернулось домой.

Особый миграционный поток составляли семьи переселенцев, специально направляемые для проживания на покинутых немцами землях, и которым предоставлялись определенные имущественные льготы. Уже к 2 октября 1941 г. сюда по разнарядке СНК СССР из Курской, Ворошиловградской, Харьковской, Полтавской, Орловской и Запорожской областей прибыло 12812 человек (больше всего из Ворошиловградской – 9423 человека). После этого прибыло еще несколько партий переселенцев, но процесс заселения затягивался. По данным на 25 ноября 1941 г., в 13 «новых районах» области надо было вселить 39093 хозяйства, а прибыло 8074 хозяйства колхозников, дополнительно из эвакуонаселения было отобрано 6620, то есть всего 14694 хозяйства. Для «старых районов» – Аркадакского, Вязовского, Ершовского, Краснопартизанского и Ней-Вальтерского, откуда тоже выселялись немцы, – требовалось 2805 хозяйств, но прибыло 901 хозяйство переселенцев и 531 хозяйство из других партий эвакуированных (всего 1432 семья)²⁶.

26 сентября 1941 г. Саратовский обком ВКП(б) принял решение о внутриобластном переселении 2000 сельских хозяйств в колхозы бывшей Немреспублики²⁷. Но во многих случаях районные власти в приказном порядке отправили на левый берег Волги семьи недавно прибывших эвакуированных. Так произошло в Романовском, Екатериновском, Самойловском и других районах. 26 ноября 1941 г. СНК РСФСР распорядился об отборе 17000 семей из числа жителей Саратова, Энгельса и Вольска и из эвакуонаселения. К концу декабря 1941 г. в «новых районах» из эвакуонаселения было 11431 хозяйство, хозяйств переселенцев 8493, т. е. всего 19924 «мигрантских» хозяйства, заселённость составила лишь 44,5% от плана²⁸.

Следующая переселенческая акция состоялась в марте – мае 1942 г. Отбор колхозных хозяйств производился в близлежащих Тамбовской, Воронежской и Пензенской областях, а также в Саратовском правобережье. Выходцы из Тамбовской области размещались в Каменском районе (2000 хозяйств), жители Воронежской – в Куккуском (800) и Бальцерском (700), а пензенцы – в Зельманском (1300) и Унтервальденском районах (1200), всего 6513 хозяйств (81,4% от плана)²⁹.

В июне – июле 1942 г. ГКО принял специальные постановления о направлении в Саратовскую

область 20 тыс. человек сельского и городского населения из Смоленской и Воронежской областей³⁰. Но эти решения не были выполнены в полном объеме. На 25 мая 1943 г. из общего количества 35,5 тыс. хозяйств в «новых районах» только 24336 приходилось на хозяйства переселенцев³¹.

В связи с оставшимся тяжёлым положением в сельском хозяйстве бывших немецких районов в рамках выполнения постановления СНК СССР от 11 марта 1944 г. «О мерах по укреплению сельского хозяйства в группе южных и приволжских районов Саратовской области» предпринимались внутрирайонные переселения. Так, в сентябре 1944 г. в Свердловском (Ней-Вальтерском) районе было переселено 170 хозяйств из русских сёл для заселения двух бывших немецких³². В октябре – ноябре Пензенская, Горьковская, Рязанская, Ульяновская и Ярославская области, а также Чувашская, Татарская и Мордовская АССР отправили в Саратовскую область по 400–600 семей. Местами вселения стали 11 бывших немецких районов, в каждом из которых размещалось от 100 до 600 семей³³.

Испытав трудности переезда и бытового устройства (продовольствие и личное имущество, оставленное немцами, к тому времени оказалось почти полностью использованным, отсутствие заготовленного топлива заставляло разбирать пустующие дома и хозяйственные постройки), переселенцы только на половину восполнили убыль рабочей силы. Подсчеты по документам обкома ВКП(б) и Переселенческого управления при СНК РСФСР показывают, что в 1941–1945 гг. в колхозы «новых» районов направлялось в качестве переселенцев из различных категорий населения около 38 тыс. хозяйств, что не слишком разнится с количеством здесь немецких хозяйств до войны (40968). Но одновременно существовал процесс возвращения эвакуированных и переселенцев на прежнее место жительства. Можно утверждать, что к концу войны в колхозах новых районов закрепилось не более 17 тыс. семей, которые стали ядром формировавшегося здесь уже после войны сельского населения.

Рождаемость и смертность

В силу неблагоприятных факторов (ухудшение материальных условий и медицинского обслуживания, рост трудовых нагрузок, отток мужчин в армию, психологический стресс и т. п.) в период Великой Отечественной войны произошло значительное сокращение рождаемости, в то время как смертность населения существенно выросла. Особенно снизилась рождаемость в сельской местности, но произошло это не сразу, а только весной 1942 г., что объясняется инерционностью данного элемента воспроизводства населения (9-месячный временной лаг между зачатием и рождением ребенка). Так, если в последний предвоенный месяц в селах Саратовской

области родилось 3368 человек, то в мае 1942 г. на свет здесь появилось только 1924 новорожденных, июне – 1718³⁴. Таким образом, рождаемость в сельской местности за первый год войны сократилась почти в 2 раза. Эта тенденция продолжилась в последующие месяцы войны и приостановилась в 1944 г., при уровне рождаемости почти в 3 раза ниже довоенного. Наибольшее падение рождаемости в селах связано, прежде всего, с большей по масштабам, чем в городах, мобилизацией мужчин в армию, что привело к резкому перекошу в половозрастной структуре сельского населения и распаду семейно-брачных отношений.

В городах области снижение рождаемости, хотя и было не столь резким, но также весьма заметным. Если в июне 1941 г. в городах на свет появилось 1653 младенца, то в мае 1942 г. – 1157, в июне – 1036. По сравнению с малыми городами, более высокими темпами снижение рождаемости происходило в Саратове, что видно из данных, приведенных в табл. 1. Это было связано с большей занятостью населения Саратова, в первую очередь женщин детородного возраста, на производстве, требующего особых трудовых усилий и продолжительного рабочего дня.

Таблица 1

Данные о рождаемости в г. Саратове с 1940 по 1944 г., чел.*

Месяц	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Январь	925	755	983	375	401
Февраль	1022	751	926	392	396
Март	907	901	848	471	357
Апрель	895	943	594	470	341
Май	990	941	585	380	399
Июнь	910	890	497	394	402
Июль	1026	1073	495	389	440
Август	1018	1226	492	441	н.д.
Сентябрь	850	1213	493	425	н.д.
Октябрь	816	1076	412	401	н.д.
Ноябрь	715	981	343	391	н.д.
Декабрь	642	1124	353	402	н.д.
За год	10716	11874	7021 ³⁵	4931	4678

*Сост. по: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. С. 161; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 267. Л. 7.

Иная картина наблюдалась относительно темпов роста смертности: в городах она выросла в военное время в большей степени, чем в сельской местности. Такая ситуация имела место во всех тыловых районах страны и Саратовская область в данном отношении не представляла исключения. В течение первого года войны смертность городского населения области выросла в 2,7 раза (с 833 человек в июне 1941 г. до 2269 человек в июне 1942 г.), а сельского – в 1,9 раза (соответственно с 1064 до 1989 человек)³⁶. Значительное увеличение смертности именно в городах и особенно в первый период войны демографы связывают с увеличением физических и морально-психологических нагрузок на производстве, ростом легочных, инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний, вызванных миграционным притоком населения и скученностью его проживания.

Начиная с 1943 г. показатели смертности как в городах, так и в сельской местности снижаются. Так, в Саратове в 1940 г. смертность составила 8188 человек, в 1942 г. – 15955 человек, за 8 месяцев 1943 г. – 8845, в 1944 г. – 8347 человек³⁷. Снижение уровня смертности во второй половине войны обуславливалось мерами, принятыми в то время по улучшению медицинского обслуживания и санитарного контроля. Однако отрицательное

значение естественного прироста населения сохранялось до конца войны: в 1944 г. в Саратовской области родилось 21176 человек, а умерло 28766 человек³⁸.

Общие итоги движения населения

Вместе с тем, приток эвакуированного и местного населения в города области оказался количественно столь значительным, что нейтрализовал отток мужчин в армию, выселение немцев, отрицательный естественный прирост и обеспечил увеличение численности городского населения. Совершенно иные тенденции были характерны для сельской местности. Приток эвакуированных и сельскохозяйственных переселенцев не мог компенсировать крупномасштабных армейских мобилизаций и депортации немцев-колхозников. Изменение численности населения края наглядно прослеживается, если обратиться к статистическим данным (табл. 2).

Прирост городского населения обеспечивался в период Великой Отечественной войны не только за счет эвакуированных из других регионов страны, но и за счет саратовской деревни: трудовые мобилизации и оргнаборы для работы на промышленных предприятиях и стройках и обу-

Таблица 2

Население Саратовского Поволжья в годы Великой Отечественной войны, тыс. чел.*

Категория населения	По переписи 1939 г.	На 1.01.1943 г.	На 1.01.1945 г.
Все население	2272,9	2350,5	2196,6
В том числе: городское	788,2	1007	1001,2
сельское население	1484	1207 ³⁹	1195
Саратов	372	498,6	416,7
Энгельс	68,9	92,2	71,2
Вольск	56,1	67,0	52,1
Балашов	47,7	62,1	50,9
Пугачев	24,5	Н.д.	24,8
Аткарск	18,9	22,7	22,9
Балаково	23,2	30,2	28,1
Петровск	18,6	25,9	24,5
Хвалынский	15,6	27,5	19,8

*Сост. по: Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 148 ; Население России в XX веке : Исторические очерки. Т. 2. С. 84 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3180, Л. 189.

чения в учебных заведениях системы «трудовых резервов». Статистика не дает полных данных о миграции местного населения в годы войны из сел в города. О том, что она была достаточно значительной, свидетельствует хотя бы тот факт, что численность эвакуированного городского населения в Саратовской области на начало 1943 г. составляла 140,4 тыс. человек, тогда как общее увеличение числа горожан (после армейской мобилизации, депортации, роста смертности) по сравнению с началом 1941 г. составило 168 тыс. человек⁴⁰.

Из 13 городов области к концу войны сокращение населения произошло только в Вольске, Марксе и Красноармейске (Бальцере). Наибольший рост наблюдался в Саратове, Энгельсе, Балашове, Балакове и Петровске, где концентрировалось наибольшее число промышленных предприятий, в том числе эвакуированных. При этом почти половина городского населения сосредоточивалась в Саратове, где к концу 1943 г. в промышленности было занято 94 тыс. человек, тогда как до войны – 67,7 тыс.⁴¹ Изменились и гендерные показатели: почти две трети населения города стали составлять женщины (до войны 53%). Соответственно выросла и их общественная роль, что в условиях войны главным образом свелось к трудовой асимметрии полов. Во всех сферах производства, за исключением строительства (около 20%) и железнодорожного транспорта (46%), женщины составляли большинство работников. Удельный вес женщин, в частности в промышленности, вырос с 38% до войны до 52% в 1943 г.

В то время как городское население росло, сельское неуклонно сокращалось. Особенно большая убыль произошла в «новых районах». Так, если в правобережных районах сельское население сократилось на 8–10 %, то в «новых» заволжских – вдвое и более. Например, в Советском районе до войны насчитывалось 28,9 тыс.

жителей, к концу ее осталось 8,8 тыс., в Федоровском – соответственно 21 и 11,7 тыс. человек⁴². В целом трудоспособное колхозное население Саратовского Поволжья сократилось почти наполовину и составляло лишь четвертую часть всего сельского населения, причем в трудоспособном возрасте число женщин к концу войны почти в три раза превышало число мужчин⁴³. Причины всего этого – мобилизация мужчин в армию, депортация, реэвакуация и уход в город.

Поскольку темпы сокращения численности сельского населения значительно перекрывали темпы роста горожан, общая численность населения Саратовского Поволжья уменьшилась. Война, таким образом, явила собой крупнейшую в истории региона, как и всей страны, демографическую катастрофу, которая нанесла непоправимый урон его населению.

Примечания

- 1 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2747. Л. 104.
- 2 См.: Книга памяти : Саратовская область (г. Саратов). Т. 1. Саратов, 1994. С. 10.
- 3 См.: Данилов В. Н. Период Великой Отечественной войны в истории Саратовской области // Саратовское Поволжье : история и современность. Саратов, 1999. С. 136.
- 4 См.: Данилов В. Н., Данилова Н. Ф. Мобилизация и использование трудовых ресурсов в Саратовской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // VII Краеведческие чтения (тезисы докладов и сообщений). Саратов, 1995. С. 4–5.
- 5 Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 229–233.
- 6 См.: Полян П. М. Депортация советских немцев в 1941–1945 гг. и советская депортационная политика периода Второй мировой войны // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация россий-

- ских немцев: взгляды и оценки через 70 лет : материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 26–28 августа, 2011 г. М., 2011. С. 110.
- 7 Герман А. А. Депортация немцев Поволжья осенью 1941 г. // Там же. С. 431.
- 8 См.: Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР : в 4 т. Т. 1 : 1938–1975. М., 1975. С. 81.
- 9 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1, особая папка. Д. 4. Л. 47.
- 10 См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-327. Оп. 2. Д. 26. Л. 29; Д. 390. Л. 40 ; Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1976. С. 46.
- 11 См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 882. Л. 316–318; Д. 883. Л. 66; Д. 884. Л. 123.
- 12 Там же. Оп. 4. Д. 133. Л. 53–54.
- 13 См.: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 390. Л. 2; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4093. Л. 139.
- 14 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 225. Л. 230 об.; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 314. Л. 401.
- 15 См.: Козурман С. О. размещение эвакуированного населения и жилищный вопрос в Саратовском Поволжье в годы Великой Отечественной войны // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 5. Саратов, 2011. С. 111–112
- 16 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2490. Л. 66.
- 17 См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. С. 31–32.
- 18 См.: Население России в XX веке : Исторические очерки : в 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 276–277.
- 19 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4093. Л. 139; ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 26. Л. 2.
- 20 См.: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 11. Л. 67; Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. С. 71.
- 21 См.: ГАНИСО. Ф. 594., Оп. 1. Д. 2331. Л. 25, 27.
- 22 Там же. Д. 3101. Л. 60.
- 23 См.: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 392. Л. 43.
- 24 Там же. Д. 26. Л. 25; Д. 423. Л. 27.
- 25 ГАРФ. Д. 393. Л. 8 об., 91.
- 26 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2357. Л. 169, 171, 332.
- 27 См.: Герман А. А. Указ. соч. С. 324.
- 28 См.: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 2. Л. 122; Д. 47. Л. 64, 68 ; Скучаева О. Е. «Новые районы» Саратовской области в годы Великой Отечественной войны : миграционный аспект // Саратовское Поволжье в панораме веков : история, традиции, проблемы. Саратов, 2000.
- 29 См.: Малова Н. А. Переселение на территорию бывшей республики немцев Поволжья в 1941–1942 гг. // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 5. Саратов, 2011. С. 99–100.
- 30 См.: Население России в XX веке : Исторические очерки. Т. 2. С. 79; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2680. Л. 259–260, 307.
- 31 См.: ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 393. Л. 30.
- 32 Там же. Д. 247. Л. 21.
- 33 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 248. Л. 12 ; Малова Н. А. Территория бывшей республики немцев Поволжья в 1941–1945 гг. : заселение и проблемы хозяйственного освоения // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации. Саратов, 2010. С. 227.
- 34 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2752. Л. 6.
- 35 По другим данным в Саратове в 1942 г. рождаемость составила 7316 человек. См.: ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 989. Л. 27.
- 36 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2752. Л. 6.
- 37 См.: ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 989. Л. 27.
- 38 Там же. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 267. Л. 6–7.
- 39 Данные на 1 июля 1943 г.
- 40 См.: Население России в XX веке : Исторические очерки. Т. 2. С. 84–85.
- 41 См.: ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 1008. Л. 61; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3180. Л. 189.
- 42 См.: Ванчинов Д. П. Указ. соч. С. 149.
- 43 На 1 января 1945 г. численность мужчин-колхозников в возрасте от 16 до 60 лет составляла 72745 человек, число женщин-колхозниц в возрасте от 16 до 54 лет – 206035 человек. См.: ГАСО. Ф. 2052. Оп. 11. Д. 126. Л. 1.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

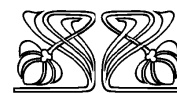
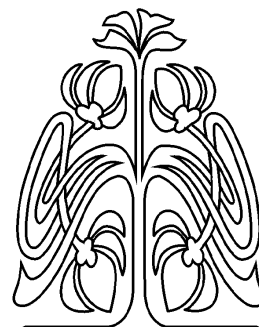
Рецензия на книгу: Креленко Н. С. Образ английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XX веков. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 180 с.

Наталья Станиславовна Креленко хорошо известна российскому научно-историческому сообществу как исследовательница истории Великобритании. К настоящему времени ею проделана большая работа по изучению понимания британской исторической и общественно-политической мысли, вопросов истории культуры Великобритании нового и новейшего времени в отечественной исторической науке. Публикация ее монографии напоминает о научной значимости изучения истории Английской революции середины XVII в.

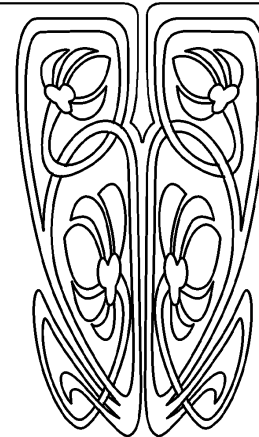
В крупнейших европейских национальных историографических традициях есть вопросы и проблемы, которые в течение длительного времени, поколение за поколением, не выходят из сферы внимания историков. Для британской историографии одной из таких проблем является изучение событий 1640–1660 гг. Эти события из-за спорности оценок, высказанных современниками и последующими исследователями, не получили даже общепринятого названия, не говоря уж о единстве понимания ключевых эпизодов и значения происшедшего. Двадцатилетие интенсивной политической борьбы не прошло бесследно для дальнейшей британской истории, но в чем именно состоит значение этих лет, какой социальный и политический опыт можно из этих событий почерпнуть, – этот вопрос не решен по сей день. Британская историческая и политическая мысль на основе этих событий явно обогатилась новым пониманием значения различных политических форм в управлении страной, опытом осмысления того, как следует проводить общественные преобразования. Интересно и то, что британская политическая элита фактически первой в Европе, на собственном опыте узнавая, что это значит жить в условиях ломки существующего строя и братоубийственной войны, в последующее время всячески старалась не прибегать к революционным методам решения общественных проблем у себя в стране. Англичане предоставили возможность решать внутренние споры революционным путем другим европейским странам. Британские политики приобрели большой опыт, стремясь поддерживать на европейском континенте равновесие в расстановке сил между крупнейшими государствами путем конструирования и разрушения коалиций европейских держав, в то же время не отказывались приютить у себя представителей радикальных революционных движений и мыслителей-радикалов, имея в результате определенные рычаги воздействия на своих противников и конкурентов. Британский политический опыт многогранен и практически важен по сей день во многих отношениях.

Изучение английских революционных событий середины XVII в., их историографическое осмысление имеют определенные традиции в отечественной исторической науке. В тексте введения в монографии Н. С. Креленко воздаст должное тому, что было сделано в изучении Английской революции ближайшими предшественниками – М. А. Баргом, Т. А. Павловой, М. И. Бацером и другими нашими современниками, ориентируя тем самым читателя, вступающего на путь знакомства с данной проблематикой. Последующие же шесть глав монографии представляют собой обстоятельный обзор и анализ трактовок Английской революции в британской исторической мысли без малого четырех веков, прошедших после революционных событий.

В первых двух главах «Историческая память растерявшейся эпохи» и «Формирование “мест памяти” революции» автор ведет читателя

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

через рассмотрение «памфлетной войны» современников революции, мемуаров, написанных по следам событий, первых трудов по истории революции, сочетавших черты воспоминаний и исследований. Третья глава работы «Революция в зеркале просветительского рационализма» дает возможность познакомиться с характерными чертами просветительского понимания историзма в английском варианте, рассмотренного на материале изучения английской революции. В четвертой главе «Переоценка ценностей: образ революции в трудах историков романтической эпохи» автор показала, как в рамках британской историографии сложилось романтическое понимание английской революции и как они преломились в вигской интерпретации революции.

Глава пятая «Революция в восприятии викторианцев» дает возможность увидеть, как деятельность профессиональных историков дала возможность интегрировать беспокойный революционный период в истории Британии в историческое сознание викторианского общества и в благоприятном духе истолковать его как славную эпоху на пути к утверждению ключевых британских свобод и значимых ценностных ориентиров либерального общества. В рамках расширения исследовательского поля со второй половины XIX в. подходы, свойственные социальной истории, предполагали рассмотрение революционных событий не только как проявление политической истории, они обрели в трудах историков более глубокий социально-экономический подтекст.

В шестой главе монографии «Изменение образа английской революции в XX в. новые подходы и старые трактовки» автором показано, как изучение английской революции с первых десятилетий прошлого века стало строиться с бóльшим, чем это было ранее, учетом влияния экономического и социального факторов на происхождение, ход и результаты революции.

Процесс формирования образа английской революции в исторической памяти британского общества показан как через труды крупнейших исследователей этих событий в лице Эдуарда Хайда, лорда Кларендона (1609–1674), Дэвида Юма (1711–1776), Сэмюэля Роусона Гардинера (1829–1902), так и на основе анализа взглядов и произведений многих других, менее известных британских мыслителей и историков. Первоначальные сведения о многих из этих исследователей истории английской революции на русском языке читатель может получить как раз из рецензируемой монографии и других трудов Н. С. Креленко.

В результате в монографии дан очень представительный и содержательный очерк развития взглядов в понимании английской революции в историописании и общественной памяти Великобритании с революционных лет вплоть до современности. «Образ революции», который пишет Н. С. Креленко, наполняется конкретикой.

Современная британская историография английской революции XVII в. чрезвычайно обширна, поэтому думается, что в монографии можно было отразить результаты и других значимых исследований британских авторов. Очень полезный обзор результатов работы британских историков в изучении революционной эпохи содержится в сборнике статей под редакцией Ричарда Каста и Энн Хьюз, опубликованном к 350-летию революционных событий и дающем особенно много для понимания причин революции¹.

Много ценных, хотя и не лишенных заметной тенденциозности, размышлений, касающихся английской революции, высказано начиная с 1960-х гг. британскими историками-ревизионистами, обсуждавшими вопрос, что это была за революция, стоит ли ее называть революцией или гражданской войной. Ревизионистская концепция происхождения гражданской войны в Англии наиболее четко представлена Дж. Эллиотом, который в статье «Революция и континуитет в Европе раннего нового времени» (1969)² объявил анахронизмом проведение аналогий между обществом с сословно-корпоративной структурой, связанным вертикальными узами родства и патронажа, каким было английское общество XVII в., и обществом, разделенным на классы; между обществом, идеалы которого устремлены в прошлое, и обществом, в котором доминирует идея прогресса. Этот подход, признающий революционными только те движения, которые вдохновлялись идеологией, основанной на представлениях о прогрессивной направленности исторических изменений, появившейся в эпоху Просвещения, был заимствован из политологии³, а впоследствии поддержан некоторыми историками, подчеркивавшими консервативный и даже реакционный характер идеологии участников восстаний XVI–XVII вв.⁴ Ведь антиабсолютистские силы в Англии видели истоки противостояния в том, что король якобы нарушает исконные права парламента.

Массовые движения XVI–XVII вв. Дж. Эллиот свел к чисто политическим конфликтам. Революционной ему виделась политика абсолютистского государства, а реакционным – сопротивление ей различных общественных слоев. Побудительными мотивами движений XVI–XVII вв. были, по мнению Дж. Эллиота, так называемый народный национализм и «корпоративный конституционализм» верхних слоев общества (аристократии, джентри, городской верх, духовенства), который выражался в идеализированном представлении о корпорации как реально существующем организме, наделенном специфическими обязательствами, правами, привилегиями. Движения протеста со стороны правящих классов взаимодействовали с движениями народных масс, вызванными религиозными, фискальными или социальными притеснениями. Таким образом, революционеры и реакционеры менялись местами.

При таком подходе революции раннего нового времени и революции конца XVIII–XIX вв. понимаются как типологически разные явления⁵. В Европе в XVI–XVII вв., отмечает Дж. Эллиот, отношения между верхами и народом были обусловлены балансом между отчуждением правящих классов от центральной власти и его страхом перед угрозой социальных беспорядков. В ходе революции временный альянс оппозиции внутри правящего класса и сил народного протеста был укреплен общими религиозными узами. Эта концепция английской революции, которую Л. П. Репина называет «неоревизионистской», обосновывалась также в статье Дж. Эллиота «Англия и Европа: общее бедствие?» (1973)⁶, предлагающая дополнительные объяснения того, почему английская революция завершилась реставрацией Стюартов.

Другой представитель консервативного видения социальной истории П. Ласлетт полагает, что применительно к событиям Англии XVII в. понятию «социальная революция» нет места. По его мнению «такого комплекса событий, как английская революция середины XVII в., вообще не существовало»⁷. Это полемически заостренное утверждение можно расценивать еще и как результат влияния номиналистской познавательной традиции в неопозитивистском обличье, характерной для консервативных британских историков.

Словом, в современной ситуации в британской историографии видны все признаки того, что спор об английской революции середины

XVII в. еще далеко не окончен. В отечественной же исторической науке при обращении к данной проблематике одним из лучших введений в нее являются работы Н. С. Креленко, приносящие большую пользу, как тем, кто приступает к научным изысканиям данной предметной области, так и давно работающим специалистам.

Примечания

- 1 См.: Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603–1642 / eds. R. Cust, A. Hughes. L. ; N.Y., 1989.
- 2 См.: Elliott J. Revolution and Continuity in Early Modern Europe // Past & Present. 1969. № 42. P. 35–56.
- 3 См.: Arendt H. On Revolution. N.Y., 1963.
- 4 См.: Introduction // The General Crisis of the Seventeenth Century / eds. G. Parker, L. M. Smith. L., 1985 (1st ed. 1978).
- 5 См.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998, С. 151.
- 6 См.: Elliott J. H. England and Europe: A Common Malady? // The Origin of the English Civil War / ed. C. Russell. L., 1973. P. 246–257.
- 7 Laslett P. The World We Have Lost Further Explored. 3rd ed. N.Y., 1984. P. 206–209.

В. Н. Ерохин,

доктор исторических наук,
профессор кафедры документоведения
и всеобщей истории
Нижевартовского государственного университета.

История семьи на фоне эпохи: Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Братья Коробьины на службе России (1603–1639) / под ред. С. А. Мезина. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. 108 с.

Я. Н. Рабинович стал известен благодаря своим исследованиям о роли малых городов Новгородской земли в Смуту, историографии Смуты и биографиям воевод города Саратова. Данные работы отличаются вдумчивостью, хорошим знанием историографии и опубликованных источников. При этом автор не повторяет, а развивает достижения предшественников. Исследователь большое внимание уделяет личностям Смутного времени – что стало его визитной карточкой. Рецензируемая книга не является исключением. На этот раз Я. Н. Рабинович обратил свой взор на трех братьев Коробьиных – Семена, Василия и Ивана Гавриловичей¹.

Коробьины относятся к старинному крепкому рязанскому служилому роду. В XVI в. представители этого рода попадают в «Дворовую тетрадь». Однако в Боярскую думу они попали только в XVII в. и во многом именно благодаря событиям, описываемым в представленной книге. В конечном итоге, перед нами оказалась история Смуты и последующие события изживания последствий первой гражданской войны в России, «увиденные» глазами братьев, – глазами представителей верхушки провинциального служилого

люда, стремящегося сделать качественный рывок в своей карьере и карьере рода в целом. Это еще более замечательно в связи с тем, что судьбы наших героев оказались связанными практически со всеми значимыми событиями данного периода.

Внимательный читатель, конечно же, заметит в книге множественные переключки с более ранними работами автора. Однако это не простое копирование. Перед нами наглядно раскрывается творческая работа исследователя. Мы можем зримо наблюдать, как рождаются, развиваются, а порой гибнут те или иные идеи. Но главным достижением представленного исследования все же следует признать то, что на настоящий момент это первое в историографии сочинение, ставящее перед собой цель показать историю хотя бы одного поколения семьи Коробьиных в России, тем более, что для этого был выбран один из наиболее драматичных ее моментов – Смута и выход из неё.

К положительным сторонам рассматриваемого нами исследования также, безусловно, следует отнести и большой иллюстративный ряд. Это позволяет читателю, в первую очередь неподготовленному (а книга в равной мере рассчитана как на специалистов, так и на просто интересующихся

российской историей), зрительно представить, в каких «декорациях» протекали описываемые исследователем события.

Однако следует указать на отдельные недочеты автора. Так, в разных частях книги дедом братьев назван то Василий, то Иван Коробьин (С. 3, 11, 12). За основу своих построений Я. Н. Рабинович взял сведения, приводимые в «Дворцовых разрядах». На самом деле деда звали Василий Иванович. Данный факт становится известен нам хотя бы благодаря упоминанию в закладной кабале 1564/65 г., данной Василием Ивановым сыном Коробьиным с сыном Гаврилом Петру Иванову сыну Таптыкову (Корокодымову) на сельцо Городище с деревнями в Перевицком и Пониском станах Рязанского уезда за долг в 100 рублей².

В литературе помимо этого встречается упоминание «данной грамоты» того же года (Булгака Андреева сына Каркадымова Таптыкова?) Гавриле Васильеву сыну Коробьину на д. Глебово на речке Пилесе, четверть д. Городище на речке Мече и пустошь Артюхинское в Перевицком стане, жеребьи д. Высокое на речке Тереботинке и пустошь Щитниково в Пониском стане Рязанского уезда³.

Данная информация позволяет нам установить родственные связи отца наших героев. Упомянутую вотчину он получил от своей тещи, Настасьи Темешевой (Ивановой) жены Корокодымова (Каркадымова). Упомянутый нами Булгак (Анисим) Андреев сын Каркадымов приходился родным братом Темешу, а Петр Иванов сын Каркадымов – это брат Ульяны (?) Темешевой (Ивановой), супруги Гаврила Васильевича Коробьина.

Через Булгака Каркадымова Коробьины находились в свойстве со многими видными рязанскими родами. Жена Булгака – Елена Гаврилова дочь Ромоданова. Их дочь, Алена, – супругой Григория Петровича Ляпунова. Их дочь Мария будет выдана в феврале 1623 г. за служилого астраханского царевича князя Михаила Кайбулина (Кутлуг-Гирей б. Арслан-Али б. Абдула б. Ак-Кобек)⁴. Еще одна дочь, Мария, была замужем за Тимофеем Васильевичем Грязновым. По другим данным (другим браком) – за Петром Денисьевым. Еще одна дочь – за Ржевским⁵.

Эти сведения очень важны для нас, так как раскрывают круг ближайшего окружения семейства Коробьиных. К тому же полученные данные могут в ряде случаев объяснить те или иные поступки рассматриваемых в статье героев и их ближайших родственников. Когда мы занимаемся периодом, от которого осталось более чем незначительное количество источников, самая большая сложность возникает с тем, чтобы увидеть «живых» людей с их печальми и радостями, страстями и чаяниями. Информация о родственных связях вкуче с поступками в экстремальных ситуациях (а Смута, безусловно, была именно таким временем), порой могут раскрыть перед нами характеры тех или иных людей. На это автору также следовало обратить несколько больше внимания.

Путаница с отчеством Гаврилы Коробьина кажется тем более странной, что автор, по-видимому, знаком с точкой зрения исследователей, считающих, что деда братьев звали Василием. По крайней мере, Я. Н. Рабинович ссылается на эти издания⁶. Это же отчество Гаврилы Коробьина («Васильевич») упоминается в рязанских писцовых книгах конца XVI в.⁷

Писцовые книги начала XVII в. содержат сведения по развитию землевладения рода Коробьиных и его генеалогии⁸. Имеются сведения о Коробьиных и в других опубликованных источниках, проигнорированных автором. Это книги Печатного приказа⁹, записные вотчинные книги¹⁰. К тому же имеется ряд родословных росписей рода, многие из которых опубликованы¹¹.

Для создания полноценной картины автору явно не хватает более подробных экскурсов в историю рода (в первую очередь следовало очертить круг ближайших родственников братьев) и его землевладения.

Также следует отметить, что автор неправильно интерпретировал источник или же излишне доверился сведениям, заимствованным у иных авторов, когда пишет о пожаловании Семена Гавриловича Коробьина вотчиной в июне 1610 г. (С. 18, 25). На самом деле жеребей в сельце Абакумово Каменского стана Рязанского уезда принадлежало Семену Коробьину и ранее. Поместье (198 чети в одном поле) было пожаловано ему еще в 1606/1607 г. Теперь же за московское осадное сиденье было велено перевести «ис поместного его окладу из семисот из пя[ти]десяти чети, из ста чети по дватцати чети, итого сто пятьдесят чети в вотчину». Перехожие 48 чети остались за ним в поместье. При этом упоминаемые земли не были отняты у Григория Кобякова. Его жребий в сельце по-прежнему оставался за ним¹². По нашему мнению, это очень важная поправка для понимания событий, проходивших в рассматриваемый период.

Следует признать несколько странным, что автор не использует сведений опубликованных боярских книг¹³. В них содержится интересная информация как о братьях, так и об их детях. К тому же несколько странным выглядит тот факт, что исследователь практически не использует информацию о детях своих героев. В частности, не пытается ответить на вопрос, как службы отцов влияли на карьеру детей.

Нельзя согласиться с мнением Я. Н. Рабиновича в его оценке действий нижегородцев зимой 1614 г. по обеспечению лошадами посольства М. Н. Тиханова, отправляемого в Персию, как саботажа. Дело в том, что в городе на тот момент просто нельзя было купить ногайских лошадей по заявленной из Москвы цене. В этот период современники регистрируют их значительное подорожание. Да и сами послы отказывались от предоставляемых им горожанами коней, ссылаясь на то, что они «худы»¹⁴.

Таким образом, мы видим, что выявленные нами недочеты имеют под собой одну и ту же природу. Это, во-первых, малые тиражи современной научной литературы и отсутствие широкой сети ее реализации. Второе же во многом вытекает из первого – порой слабое знакомство исследователей с тем, что издается даже в соседних регионах. На местах из этого затруднения выходят в первую очередь за счет личных связей. Однако и они не освобождают от лакун в отслеживании современной историографии и публикации источников. За это автора трудно винить. Ведь описанная ситуация более чем типичная. А исследователь, взявшись за заявленную тему, обрек себя на необходимость разбираться сразу в целом комплексе вопросов русской истории первой половины XVII в., зачастую напрямую не связанных между собой.

Однако имеется и еще одно серьезное замечание. Как мы уже отмечали, Я. Н. Рабинович отличается виртуозным знанием опубликованных источников, в первую очередь дореволюционных. Это позволяет ему делать открытия только на анализе ранее введенных в научный оборот источников. Однако подобный подход вместе с тем значительно обедняет источниковую базу исследований. Автору следует приступить к архивным изысканиям. Это, безусловно, плодотворно скажется на творчестве исследователя и откроет перед ним новые возможности, к глубокому сожалению, ныне ему недоступные.

В заключение хочется отметить, что рассматриваемая нами книга, безусловно, представляет собой яркое явление. Она позволяет суммировать и систематизировать обширный материал по истории одного поколения семьи Коробьиных и взглянуть на описываемые события их глазами. Помимо этого хочется надеяться, что данная книга будет способствовать росту интереса к семье Коробьиных, в первую очередь на Рязанщине в целом и в городе Рыбном, бывшей их родовой вотчине (село Рыбное), в частности.

Примечания

- ¹ См.: Рабинович Я. Н. Братья Коробьины на службе России (1603–1639). Саратов, 2014.
- ² См.: Памятники Русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978. № 79. С. 113.
- ³ См.: Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8, № 1421. С. 182.
- ⁴ См.: Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : просопографическое исследование. Рязань,

2011. С. 110 ; Сметанина С. И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 67–68 ; Азовцев А. В. Личные имена Рязанского уезда конца XVI в. (по материалам писцовых книг) // Рязанская старина. 2002. Рязань, 2003. Вып. 1. С. 34.

- ⁵ См.: Антонов А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 8, № 1718. С. 219 ; Сметанина С. И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 68.
- ⁶ См.: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сб. документов. М., 2003. С. 440.
- ⁷ См.: Писцовые книги Рязанского края XVI в. Рязань, 1996. Т. I, вып. 1. С. 47, 182, 183, 227, 241, 242 ; Анпилогов Г. Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI в. М., 1982. Л. 52, 71 об. С. 35, 45.
- ⁸ См.: Писцовые книги Рязанского края XVI в. Рязань, 1998. Т. I, вып. 2, 3.
- ⁹ См.: Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994.
- ¹⁰ См.: Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010.
- ¹¹ См.: Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. // Исследования по русской истории. М., 1996. Вып. 6. С. 205 ; Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 4 // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2009. Т. 10. С. 217–225 ; Ценков А. И. Рязанские землевладельцы XIV–XVI веков. Рязань, 1995. С. 93–96 ; Временник Московского императорского Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 189 ; Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 133.
- ¹² См.: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1998. Т. II, № 216. С. 200.
- ¹³ См.: Боярская книга 1627 г. М., 1986 ; Боярская книга 1639 г. М., 1999.
- ¹⁴ См.: Мусеев М. В. «Проваленная миссия». Посольство М. Н. Тиханова в Иран в 1613–1615 годы // Мининские чтения : сб. науч. трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Н. Новгород, 2012. С. 353–354.

А. В. Беляков,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
«Философия, социология, история»
Московского государственного университета
путей сообщения, Рязанский филиал

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсентьева Ирина Ильинична, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: airen1@yandex.ru

Беляков Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Рязанского филиала Московского государственного университета путей сообщения. E-mail: feb@ru.ru

Буранок Сергей Олегович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы новейшей истории и политики» МГУ им. М. А. Шолохова. E-mail: witch-king-1@mail.ru

Гальперин Роман Игоревич, аспирант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: galperinroman@mail.ru

Гальперина Юлия Сергеевна, аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: galperinajulia@mail.ru

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Евсеев Николай Олегович, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: decoloced@mail.ru

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета. E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Клейтман Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоградский филиал). E-mail: malk@bk.ru

Красников Дмитрий Владиславович, аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: krasnikovdv@mail.ru

Лапырёнок Роман Викторович, кандидат исторических наук, докторант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: lapyrionok@mail.ru

Маврина Юлия Валерьевна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: mavrinajv@mail.ru

Михайленко Александр Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: anmikh@mail.ru

Онегин Николай Сергеевич, научный сотрудник Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа. E-mail: NicholasOnegin@gmail.com

Поздняков Александр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной и научной работе Института дополнительного профессионального образования Саратовского государственного университета. E-mail: alnikpoz@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, документовед кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Редченко Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: engels-volga@yandex.ru

Скриба Андрей Сергеевич, аспирант кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: askriba@hse.ru

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой туризма и культурного наследия, директор Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: cherevichko@inbox.ru

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: larisachernova@mail.ru

Шенин Андрей Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Shenin.andrei@gmail.com

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: shenins@yahoo.com

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры экономической и политической истории России (секция истории культуры и искусства) Саратовского государственного социально-экономического института Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. E-mail: iyelfond@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arsentyeva Irina Ilinichna, Doctor of Political Sciences, Professor of International Relations and Russian Foreign Policy Department, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: airen1@yandex.ru

Belyakov Andrey Vassiljevich, History PhD, associate professor, chair "Philosophy, sociology, history", Moscow State University of Railway Engineering, Ryazan branch. E-mail: feb@ru.ru

Buranok Sergey Olegovich, History PhD, Scientific worker of Research and Education Center «Actual problems of modern history and politics» of Sholokhov Moscow State University for Humanities. E-mail: witch-king-1@mail.ru

Cherevichko Tatyana Viktorovna, Dr. Sc. (Economics), Professor, the head of tourism and cultural heritage chair, Director of the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: cherevichko@inbox.ru

Chernova Larisa Nikolaevna, Dr. Sc. (Hist.), associate professor, Professor of the Medieval History Chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: larisacher-nova@mail.ru

Danilov Victor Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), professor, Department head of Historiography, Regional history and Archeology in the Institute of History and international relations of Saratov State University. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Elfond Iryna Yakovlevna, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the Chair of Economic and Political History of Russia, Saratov State Social and Economic University. E-mail: iyelfond@mail.ru

Erohin Vladimir Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), professor Documentation Studies and World History Chair Nizhnevartovsk State University. E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Evshev Nicolai Olegovich, Postgraduate student of the Chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: decolored@mail.ru

Galperin Roman Igorevich, Postgraduate student of the History of Russia of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: galperinroman@mail.ru

Galperina Yulia Sergeyevna, Postgraduate student of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: galperinajulia@mail.ru

Kiyasov Sergey Evgenievich. Dr. Sc. (Hist.), Professor of Modern and Contemporary History Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Kleitman Alexander Leonidovich, History PhD, docent at the Department of Theory and History of Politics The Russian Presidential

Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Volgograd branch). E-mail: malk@bk.ru

Krasnikov Dmitry Vladislavovich, Postgraduate student of the chair of Ancient History, Institute of History and International Relations, Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: krasnikovdv@mail.ru

Lapyrionok Roman Viktorovitch, History PhD, competitor of the Ancient History chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: lapyrionok@mail.ru

Mavrina Yulia Valerievna, a postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mavrinajv@mail.ru

Mikhailenko Alexander Nikolaevich, Doctor of Political Sciences, Professor of Russian Foreign Policy Chair at the Department of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: anmikh@mail.ru

Onegin Nikolay Sergeevich, Researcher of the Department of history of Russian culture, the State Hermitage museum. E-mail: NicholasOnegin@gmail.com

Pozdnyakov Alexander Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), Associate Professor, Deputy Director for Academic Affairs and Research Institute of continuing professional education, Saratov State University. E-mail: alnikpoz@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, History PhD, documentologists of the cathedra History of Russia in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

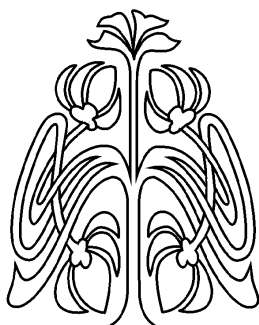
Redchenko Dmitry Vladimirovich, History PhD, Associate Professor of IR, Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Institute of History and International Relations Saratov State University. E-mail: engels-volga@yandex.ru

Shenin Andrei Sergeevich, Postgraduate student of the Chair of International Relations and Russian Foreign Policy in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Shenin.andrei@gmail.com

Shenin Sergey Yuryevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the chair of International Relations and Russian Foreign Policy in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: shenins@yahoo.com

Skriba Andrei Sergeevich, Postgraduate student of the Chair of World Politics in the Department of World Economy and World Politics of NRU «Higher School of Economics». E-mail: askriba@hse.ru

Tsyplin Vitaly Gennadievich, History PhD, Professor of International Relations, Department of International relations and Russian foreign policy of Saratov State University. E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2015 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.